

Научный журнал

Основан в 2007 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61024 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р филос. наук, проф. Б.Л. Губман (*глав. редактор*);
чл.-кор. РАН, д-р филос. наук, проф. И.Т. Касавин;
Ph.D., Prof., University of Marburg М.Е. Соболева (ФРГ);
Ph.D., Prof. of Eastern Washington University,
Spokane И.Э. Клюканов (США);
д-р филос. наук, вед. науч. сотр. И.И. Блауберг;
д-р филос. наук, проф. В.А. Михайлов;
д-р филос. наук, проф. В.Э. Войцехович;
д-р филос. наук, глав. науч. сотр. Э.М. Спинова;
чл.-кор. РАО, д-р пед. наук,
канд. филос. наук, проф. М.А. Лукацкий;
канд. филос. наук, доц. С.В. Рассадин (*отв. секретарь*);
канд. филос. наук, доц. С.П. Бельчевичен

Адрес редакции:

Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 204
Тел.: +7 (4822) 63-01-51, +7 (4822) 34-78-89

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2023

Scientific Journal

Founded in 2007

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФC77-61024 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Philosophy

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

D.Sc. in Philosophy, prof. B.L. Gubman (*editor-in-chief*);
Corresponding Member of RAS, D.Sc. in Philosophy, prof. I.T. Kasavin;
Ph.D., prof., University of Marburg, Maya E. Soboleva (Germany);
Ph.D., prof. of Eastern Washington University, Spokane Igor E. Klyukanov (USA);
D.Sc. in Philosophy I.I. Blauberg, D.Sc. in Philosophy, prof. V.A. Michailov;
D.Sc. in Philosophy, prof. V.E. Voicechovich; D.Sc. in Philosophy E.M. Spirova;
Corresponding Member of RAE; Dr. of Pedagogical Sciences,
Cand.Sc. in Philosophy, prof. M.A. Lukatsky;
Cand.Sc. in Philosophy, assoc. prof. S.V. Rassadin (*executive secretary*);
Cand.Sc. in Philosophy, assoc. prof. S.P. Belchevichen

Editorial Office:

Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31, office 204
Phone: (4822) 63-01-51, (4822) 34-78-89 (*editor-in-chief*)

*All rights reserved. No part of this publication may be
reproduced without the written permission of the publisher.*

Содержание

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА -----	5
Лебедев С.А. Конструктивистская концепция научного познания-----	5
Коськов С.Н. Механика Исаака Ньютона и её конвенциональное построение-----	15
Яковлев А.А., Пчелко-Толстова Е.А. Наука реальная и мнимая: проблема демаркации-----	26
Орлов С.В. Философия в информационном обществе. Современные проблемы -----	37
Беляев И.А., Максимов А.М. Человекоразмерность и надыдивидуальность как культурно-антропологические принципы существования художественного образа-----	46
Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Развлекательный потенциал мифологизированного информационного скандала-----	59
Мухамеджанова Н.М., Максимов А.М. Архитектурное наследие города: конфликт культуры и экономики-----	68
Ковалев А.А., К.К. Тирабян Обретая новые смыслы: вестернизация vs национальный менталитет-----	78
Зименкова Н.Н., Никонов Л.А. Дискурсивная культура военнослужащего -----	88
ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ -----	95
Архангельская Н.О. Диалектика и позитивизм в философии русских крестьянских демократов (на примере анализа сущности религиозных движений) -----	95
Михайлова Е.Е. Заграничные поездки Т.Н. Грановского: от обучения к научному сотрудничеству -----	113
ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ -----	119
Козлова Н.Н., Рассадин С.В. Мир(о)-порядок как основа «Социального» в доктрине Марсилиа Падуанского-----	119
Сулимов С.И. Переход от христианского понимания истории к новоевропейскому: предпосылки и факторы трансформации -----	136
Равочкин Н.Н. Значение аналитической философии в эволюции правопонимания-----	148
Потамская В.П. Интеллектуальная история К. Скиннера: проблема свободы в трудах Н. Макиавелли -----	159
Буланов В.В., Ганутина Е.Г. Проблема страха перед небытием: буддизм и мировоззрение ирвина ялома -----	171
Правила представления рукописей авторами в журнал «Вестник ТвГУ. Серия Философия» -----	176

Contents

MAN, SCIENCE, CULTURE	5
Lebedev S.A. <u>The construcivism conception of scientific cognition</u>	13
Koskov S.N. Mechanics of Isaac Newton and its conventional construction.....	15
Iakovlev A.A., Pchelko-Tolstova E.A. Real and false science: the problem of demarcation.....	26
Orlov S.V. Philosophy in the information society: some key problems.....	37
Belyaev I.A., Maksimov A.M. Human size and superiality as cultural and anthropological principles of being-becoming of an artistic image ²	46
Lebedev V.Y., Prilutskij A.M. Entertainment potential of a mythologized information scandal	59
Mukhamedzhanova N.M., Maksimov A.M. Architectural heritage of the City: conflict of Culture and Economy.....	68
Kovalev A.A., Tirabyan K.K. Getting new meanings: westernization vs national mentality.....	78
Zimenkova N.N., Nikonov L.A. Features of military discourse in the educational sphere	88
 PROBLEMS OF RUSSIAN PHILOSOPHY	95
Arhangelskaja N.O. Dialectics and positivism in the philosophy of russian peasant democrats (by the example of the analysis of the essence of religious movements).....	95
Mikhailova E.E. T.N. Granovsky's foreign trips: from training to scientific cooperation	113
 PHILOSOPHY ABROAD: PAST AND PRESENT	119
Kozlova N.N., Rassadin S.V. Peace/world order as the basis of the Social in the doctrine of Marsilius of Padua	119
Sulimov S.I. Transition from Christian to new european understanding of history: prerequisites and factors of change	136
Ravochkin N.N. Analytical philosophy significance in legal understanding evolution	148
Potamskaya V.P. Q. Skinner's intellectual history: the problem of liberty in N. Machiavelli's works.....	159
Bulanov V.V., Ganutina E.G. The problem of fear of nothingness, buddhism and Irwin Yalom's worldview	171

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 113:167

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.005

КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

С.А. Лебедев

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени
М.В.Ломоносова», г. Москва

Цель. Раскрыть конструктивный характер научного познания как альтернативу его трактовке как «отражения» объективной реальности

Процедура и методы. Показано, что концепция научного познания как отражения объективной реальности противоречит как реальной истории науки, так и реальной практике научного познания, причем на всех его уровнях: чувственном, эмпирическом, теоретическом, метатеоретическом. На каждом из этих уровней научного познания сознание не отражает, а конструирует своими средствами определенный вид научной реальности. Затем сравнивает научную реальность с объективной реальностью и структурирует ее по степени тождественности с научной реальностью. В результате именно сконструированная учеными научная реальность выступает мерилем объективной реальности, а не наоборот.

Результаты. Обоснована гносеологическая первичность научной реальности по отношению к объективной реальности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Признание конструктивного характера научного познания позволяет по-новому решить проблему истинности научного знания и его соотношение с практической деятельностью. Научное знание, особенно научные теории, строится сознанием с самого начала как истинное описание научной реальности до и независимо от его сравнения с объективной реальностью. Критериями истинности научного знания для сознания являются его очевидность, определенность, непротиворечивость, логическая доказательность (Р. Декарт). Соответствие (степень тождества) научного знания объективной реальности является только критерием применимости научного знания к описанию объективной реальности. Такое соответствие является всегда неполным и только приблизительным и относится к любому уровню научного знания.

Ключевые слова: научное познание, проектирование, научная реальность, объективная реальность, истина.

«Человек есть мера всех вещей: существующих, что существуют и несуществующих, что не существуют» (Протагор).

Введение

Главная цель сознания – проектирование, создание и описание субъективной реальности и адаптация с ее помощью к объективной реаль-

© Лебедев С.А., 2023

ности [1; 2]. Субъективная реальность это возможная (чувственная или мысленная) модель объективной реальности – реальности, существующей вне сознания людей [7]. Вопрос о существовании объективной реальности это не философская, а биологическая проблема. Признание существования такой реальности – необходимое условие выживания для любых биологических систем, в том числе и людей. В своей сущности жизнь представляет собой процесс адаптации живых организмов к окружающей их среде. Для подавляющего числа видов организмов среда эта часть природной ниши их существования. Для людей среда это также и социальная реальность, которую они создали как опосредствующее звено между собой и природой, используя для ее создания свой интеллектуальный потенциал и естественный материал окружающей природы. Но чтобы эффективно использовать этот материал в своих целях, необходимо знать его свойства и законы, чтобы предсказывать его возможные состояния. Часть средств их познания (или фактически самопознания себя) создала сама природа, создав достаточно сложный аппарат чувственного (сенсорного) моделирования сознанием всех живых организмов, включая человека, свойств воздействующих на него объектов [1]. Однако природа наделила только человека способностью мысленного моделирования сложных систем объективной реальности как функционирующих на основе присущих им внутренних законов [6].

Реализовать в полной мере потенциал человеческого сознания не только для моделирования, но и для управления объективной реальностью стало сегодня для человечества главной целью научного способа познания. Принципиальная трудность решения этой задачи состоит в том, что она не может быть решена путем обобщения чувственной информации об объектах. Дело в том, что данный вид информации способен зафиксировать только ограниченный прошлый опыт биологических систем (благодаря наличию в их сознании такого инструмента, как память), а также наличный опыт в настоящий момент времени (с помощью аппарата ощущений и восприятий). Но чувственное познание не наделено надежными средствами предсказания будущего. Оказалось, что такое под силу только мышлению, но при одном неперемennom условии: принятии им допущения, что в природе имеют место причины и законы, управляющие функционированием и изменениями ее объектов [4]. Сказать что-то существенное об объективной реальности наука может только через построение мышлением научной реальности, обязательным элементом которой является наличие внутренних связей между элементами этой реальности и научных законов, управляющих сменой ее состояний. Античные ученые и философы (Парменид, Пифагор, Платон) первыми догадались о том, что при научном способе познания главным является не чувственный опыт, а мышление, не объективная (материальная) реальность, а теоретическая реальность. Они поняли, что не мир вещей и отношения между ними определяет мир идей и их отношения, а, напротив, мир идей определяет мир вещей и раскрывает

их сущность [7]. Не теоретическая реальность должна оцениваться материальной реальностью (природой) на ее соответствие последней, а, напротив, идеальная реальность, являющаяся имманентным продуктом мышления, должна быть мерилем адекватности материальной и чувственной реальности. Эта точка зрения на соотношение научной реальности и объективной реальности впервые получила свое признание только в результате глобальной революции в конце XIX – начале XX в. (инструментализм, конвенционализм, прагматизм) [5].

1. Субъективная реальность как реальность эталонная для сознания

В наше время этот взгляд на соотношение объективной и субъективной реальности стал ядром эпистемологии радикального конструктивизма (Э. фон Глазерсфельд, П. Ватцлавик, У. Матурана и др.) [13]. Его сторонники считают, что сознание (начиная уже с сенсорных продуктов – чувственных данных, но особенно мышление с его содержанием) это самодостаточная, («аутопоэтическая») реальность, относительно независимая от материального мира. Но самое главное, считают они, сознание и его продукты с точки зрения реализации своей главной цели – средства адаптации живых систем к окружающей действительности – вовсе не обязаны походить на ее объекты. Содержание понятий «стол», «роза», «атом», «прямая линия» и т. д. отнюдь не тождественно тому, что они обозначают в материальном мире [12]. С информационной точки зрения любые свойства, объекты, явления, их свойства и отношения могут быть вообще полностью описаны в двоичной системе символов (0 и 1). И эти описания не будут иметь ничего общего с самими материальными явлениями и их содержанием. Радикальные конструктивисты являются последовательными критиками концепции познания, включая научное познание как отражение объективной реальности. С точки зрения кибернетики, чтобы эффективно управлять любой системой, вовсе не обязательно, а часто даже и нежелательно, чтобы блок и средства управления системой содержательно походили на саму систему. Важно лишь некоторое функциональное подобие научной и объективной реальности, чтобы на основе научной реальности, ее свойств и отношений можно было бы оценивать, описывать и предсказывать свойства и поведение материальных объектов. Но это возможно только при одном условии: принятии сознанием решения о временном отождествлении сознанием объектов субъективной реальности с объектами, находящимися вне сознания. Без принятия сознанием такого решения (всегда рискованного) сравнение содержания субъективной реальности с объективной реальностью невозможно в принципе. Научная реальность, и особенно теоретическая, всегда является (по самой своей природе в качестве имманентного продукта мышления) не просто исходной (первичной), но и эталонной реальностью по отношению к объективной реальности. Выход к последней у любых организмов осуществляется только через со-

знание, только через некоторую имеющуюся в нем когнитивную модель реальности. Наука как продукт человеческого сознания отличается от всех других видов познания только точностью и доказательностью своих моделей реальности. Это достигается с помощью особых методов их построения, которым в науке уделяется специальное внимание. Цепочка здесь такова: каковы методы построения научной реальности, такова и научная реальность, какова научная реальность, такова и объективная реальность [5]. Любая научная реальность, если она непротиворечива, обязательно будет функционально чему-то соответствовать в объективной реальности. Последняя, как показывает реальный опыт построения и применения науки, бесконечно разнообразна в своих свойствах и отношениях и всегда будет превосходить любое количество созданных учеными видов теоретической реальности. Вместе с тем, как показывает опыт взаимоотношения научной и объективной реальности, любая теоретическая реальность науки, во-первых, может быть и является средством структурирования и оценки объективной реальности, выступая по отношению к объективной реальности и ее свойствам в роли своеобразной (когнитивной) системы отсчета, а во-вторых – эффективным средством не только адаптации к объективной реальности, но и управления ею. Например, античные ученые не только создали новую (теоретическую) систему геометрии (эвклидову геометрию), но и после успешного ее применения стали считать структуру реального пространства эвклидовой [8; 11]. Фактически такой взгляд на структуру физического пространства просуществовал в науке и философии вплоть до создания Эйнштейном общей теории относительности, где структура физического пространства стала уже не эвклидовой, а римановой. Другой пример. Существование мирового эфира как чрезвычайно легкой материальной среды, переносчика всех видов энергии, было важным теоретическим конструктом всей классической физики, в объективное содержание которого верили даже последние ее «могикане» Г. Лоренц и А. Пуанкаре. Но после создания частной теории относительности А. Эйнштейна и последующего ее принятия научным сообществом эфир исчез не только из теоретической физики, но и из объективной реальности. Третий пример. После создания генетики и эмпирического подтверждения в молекулярной биологии функций генов как носителей наследственной информации всех живых существ была поставлена под серьезное сомнение дарвиновская теория эволюционного происхождения вида *Homo Sapiens* от обезьян. Подобные примеры можно приводить и дальше (например, птолемеевская астрономия и коперниканская, флогистон и кислород, теплотворность и кинетическая теория теплоты, непрерывный характер энергии в классической физике и прерывный характер в квантовой механике, непрерывность реального пространства и времени (классическая физика, специальная и общая теория относительности) и дискретность физического пространства и времени в квантовой физике, вечность и бесконечность Вселенной в космологии классической физики и конечное время существования

ния Вселенной и ее пространственная ограниченность в современной релятивистской космологии и т. д.). Общий итог сравнения научной реальности с объективной реальностью будет такой: объективная реальность всегда была, есть и будет не чем иным, как только проекцией теоретической реальности науки на мир «вещей в себе». Если объективная реальность противоречит научной реальности, то для науки такая реальность просто не существует (по крайней мере, на данном этапе развития науки) [9]. Какой же общий вывод можно сделать из всего сказанного? На наш взгляд, он состоит в следующем: научное познание никогда не являлось отражением находящейся вне сознания объективной реальности, а тем более ее «зеркальным отражением».

2. Научная реальность как конструкт сознания и проблема его истинности

Господствующая ныне практически во всех отечественных учебниках по философии и во многих научных трактатах концепция научного познания как отражения объективной реальности противоречит как реальной истории науки, так и реальной технологии научного познания. В этой связи достаточно указать лишь два фундаментальных факта истории реальной науки, которые очевидно противоречат трактовке научного познания как отражения действительности: 1) наличие на любом этапе развития науки конкурирующих концепций и в каждой ее области, и в любой отдельной науке; 2) смена в ходе научных революций прежних фундаментальных теорий в любой области науки на новые теории, причем последние оказываются несовместимыми с прежними фундаментальными теориями в их базовых положениях (эвклидова и неэвклидова геометрии, аристотелевская физика и классическая физика Нового времени, геоцентрическая и гелиоцентрическая система астрономии, теория наследственности Ч. Дарвина и генетика, теория флогистона в химии и кислородная теория А. Лавуазье, классическая механика и теория относительности, классическая физика и квантовая механика, классическая термодинамика и синергетика и др.). В современной философии науки эта центральная для нее проблема получила название проблемы несоизмеримости научных теорий. Она стала главным предметом обсуждения в широко известной философам и ученым работе Т. Куна «Структура научных революций» и по-прежнему остается дискуссионной [3].

Да, главная цель любого познания, в том числе и особенно науки, это познание объективной реальности, ее свойств и законов. Но такое знание о ней может быть получено только путем ее сравнения с субъективной реальностью, конструируемой сознанием каждого человека в качестве некоей эталонной реальности по отношению к реальности, существующей вне сознания. Другого пути познания объективной реальности у субъекта познания просто не существует, поскольку, как образно и точно утверждают сторонники конструктивистской теории познания, «очки сознания у

познающего субъекта всегда на носу». Он не может в принципе избавиться от них и, так сказать, «целомудренно» посмотреть на объективную действительность, какая она есть «на самом деле», минуя наличное содержание своего сознания (а оно всегда существует), включая и его потенциальные возможности. Кроме этого главного вывода, можно сформулировать также целый ряд частных выводов, подтверждающих главный.

1. Любое знание, в том числе научное, является не чем иным, как фиксацией средствами сознания сконструированной им реальности: чувственной, эмпирической, теоретической, метатеоретической (в частности, философской) [10]. Анализ реальной истории науки показывает, что процесс конструирования научной реальности зависит от выбора учеными трех главных факторов: предмета познания, целей познания и средств (методов) конструирования различных видов научной реальности. Все указанные факторы являются самостоятельными, их комбинаторика между собой возможна в самом широком диапазоне и составляет ядро научного творчества. Его конструктивность обусловлена именно тем, что онтология (содержание объекта или предмета познания) однозначно не определяет ни методологию, ни аксиологию научного исследования, как и наоборот. Хотя эти факторы связаны между собой только функциональными связями, но от содержания каждого из них в существенной степени зависит конечный результат: создание конкретной научной реальности и ее описание.

2. Познание является творческой деятельностью сознания. С точки зрения функционирования сознания как «опережающего отражения действительности» (П.К. Анохин) создаваемая сознанием субъективная реальность это проект возможной объективной реальности как важнейшее упреждающее средство адаптации человека к окружающей среде. В 50-е гг. прошлого столетия академик Анохин открыл существование в центральной нервной системе особой структуры («аппарата»), ответственной за программирование мозгом возможной реальности («возможного будущего»). В этом аппарате, названном Анохиным «акцептором результата действия», мозгом формируется не только заготовка будущего возбуждения нервной системы, но и весь путь поиска соответствующих раздражителей во внешней среде [1; 2].

3. Главное операциональное предназначение субъективной реальности – быть системой отсчета и средством оценки свойств и отношений объективной реальности. Субъективная реальность является для сознания не только его единственной, непосредственно данной ему реальностью, но и **эталонной** реальностью при оценке и структурировании объективной реальности на степень ее похожести на субъективную реальность. Субъективная реальность является для сознания самой достоверной реальностью, ибо это его собственный продукт (Р. Декарт).

4. Содержание субъективной реальности не является врожденным (априорным) знанием. Это в целом – игровой конструкт сознания, создаваемый путем комбинирования существующих в сознании элементарных

единиц информации. Если созданная сознанием субъективная реальность плохо выполняет свои адаптивные функции, она может быть усовершенствована или заменена новой. Метод проб и ошибок является универсальным способом развития, который существует не только в самой природе, но и в ее познании.

5. Будучи конструктивным по своей природе, научное познание развивается методом гипотезы, способным создавать альтернативные, соперничающие между собой концепции и теории субъективной реальности. Однако это отнюдь не приводит науку к безбрежному методологическому плюрализму (П. Фейерабенд) и субъективизму. Одним из главных ограничителей безбрежного плюрализма и субъективизма в науке является социально-организованный характер научного познания, когда его главным субъектом является не отдельный ученый (так сказать, «научный Робинзон»), а дисциплинарное сообщество в определенной области науки. Главным средством достижения в науке общезначимого знания и научных истин является консенсус научного сообщества. Все истины в науке имеют консенсуальную природу [8].

6. Субъективная реальность не только не тождественна по своему содержанию объективной реальности, но и не обязана быть таковой, чтобы успешно выполнять свои адаптивные функции. Значение имеет только определенная степень сходства между ними. Но ее адаптивное значение может быть разным и зависит от конкретных практических задач, решаемых субъектом.

7. Отношение субъективной реальности к объективной реальности во многом аналогично отношению физической системы отсчета к тем физическим объектам, свойства которых она измеряет, фиксирует и оценивает. Но как от выбора физической системы отсчета в существенной степени будет зависеть характеристика оцениваемой ею физической реальности, так и от субъективной реальности зависит оценка ею объективной реальности. Убедительным доказательством этого является радикальная смена картин мира после смены фундаментальных научных теорий в результате научных революций.

8. Между физической системой отсчета и субъективной реальностью имеется не только функциональное сходство, но и существенное различие. Оно состоит в том, что субъективная реальность является более общим и более универсальным конструктом сознания по сравнению и с научными теориями, и с физическими системами отсчета. Поскольку субъективная реальность как отдельного человека, так и любой социальной системы (научного сообщества, этноса, нации, класса, государства, страны, цивилизации) выполняет функции, во многом аналогичные функциям системы отсчета в физике, постольку она с полным правом может быть названа «когнитивной системой отсчета». Ее содержание во многом определяет мировоззрение субъекта [11].

9. Наука как особая разновидность конструктивной деятельности сознания имеет три цели (две внутренних и одну внешнюю): 1) построение научной реальности как максимально определенной и максимально точной реальности сознания, 2) системное и доказательное описание этой реальности, 3) применение научной реальности в качестве эталонной для оценки объективной реальности, управления ею и преобразования в интересах человека.

10. При построении научной реальности сознание использует следующие виды своих ресурсов и средств: 1) сенсорная (чувственная) информация о познаваемых объектах; 2) ее комбинирование с помощью воображения; 3) интуиция как средство фиксации и контроля содержания чувственной информации; 4) язык как средство описания чувственной информации; 5) мышление как средство оперирования дискурсной информацией на основе некоторого свода правил и, в частности, правил логики.

11. Среди всех видов научной реальности и их описаний самой определенной, системной, доказательной, проверяемой и истинной является теоретическая реальность и теоретическое знание, которые сознательно строятся как истинные и доказательные (как истины «в себе» и «для себя»). Как известно, целью любой научной теории является строгое и доказательное описание некоторого множества идеальных объектов, создаваемых мышлением. Фактически теории являются внутренним имманентным продуктом мышления, мышлением о продуктах самого мышления. А потому аристотелевская концепция истины как тождества содержания суждения своему предмету реализуема в прямом (не метафорическом) смысле только по отношению к научным теориям. Для оценки истинности чувственного и эмпирического научного знания корреспондентская концепция истины уже не применима, поскольку содержание чувственных образов материальных объектов и содержание высказываний о них это принципиально разные реальности, сходство между которыми всегда имеет только неполный и приблизительный характер. Среди всех научных теорий самыми строгими являются математические теории, являющиеся доказательным описанием возможных типов отношений между объектами любого рода. Но именно в силу этого математическое знание является наиболее универсальным с точки зрения своей применимости, а математическая реальность – эталонной реальностью для оценки строгости и определенности всех других видов реальности, создаваемых человеком.

12. Основная линия прогресса в конструировании учеными научной реальности, ее различных видов и их описаний заключается в пролиферации множества альтернативных, соперничающих между собой концепций и сохранении этого адаптивного богатства для будущих поколений. И в оправдании такого плюрализма П. Фейерабенд, безусловно, прав. Ибо только в этом случае существует наибольшая вероятность нахождения человечеством быстрых и адекватных ответов на неожиданные вызовы в будущем как со стороны природы, так и со стороны общества.

Список литературы

1. Анохин П.К. Избранные труды. Системные механизмы высшей нервной деятельности. М.: Наука, 1979. 347 с.
2. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. 225 с.
3. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
4. Лебедев С.А. Аксиология науки: ценностные регуляторы научной деятельности // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 82–92.
5. Лебедев С.А. Методологическая культура ученого в 2 т. М.: Проспект, 2021.
6. Лебедев С.А. Методы метатеоретического уровня научного познания // Известия Российской академии образования. 2018. № 3. С. 5–32.
7. Лебедев С.А. Основной вопрос философии: кто прав, кто неправ и почему // Гуманитарный вестник. 2022. № 4 (96).
8. Лебедев С.А. Плюрализм научных истин и ее критериев // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2020. № 4. С. 133–143.
9. Лебедев С.А. Уровневая методология науки. М.: Проспект. 2018. 208 с.
10. Лебедев С.А. Уровневая структура объективной и субъективной реальности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 4. С. 12–19.
11. Лебедев С.А. Философская и научная онтология // Журнал философских исследований. 2023. № 1. С. 9–20.
12. Лебедев С.А., Назаров А.А. Конструктивистская концепция чувственного знания // Журнал философских исследований. 2022. № 1. С. 3–11.
13. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен: Phren, 2000. 333 с.

THE CONSTRUCTIVISM CONCEPTION OF SCIENTIFIC COGNITION

S.A. Lebedev

Lomonosov Moscow State University, Moscow

Aim. To reveal the constructive nature of scientific knowledge as an alternative to its interpretation as a «reflection» of objective reality.

Methodology. The main difference between scientific reality and other types of reality created by people (everyday, artistic, mythological, religious, philosophical, etc.) consists only in a higher degree of certainty, accuracy, consistency, evidence of scientific reality and knowledge about it compared to other types of subjective reality. Comparing the strict scientific reality created by consciousness and therefore well controlled by it with objective reality, scientists can thereby structure and cognize (and quantitatively) objective reality and its laws just as strictly, accurately assessing the degree of its proximity to the reference scientific reality. Thus, knowledge of objective reality does not arise as a result of its impact on consciousness, but in the opposite way, as a result of its comparison with the subjective reality created by consciousness. And then it turns out that it is subjective reality that is primary in

relation to objective reality, and we have such a situation before us: what is subjective reality, so is objective. On the other hand, the methodological analysis of the real process of scientific cognition is equally convincing evidence of its obviously constructive nature.

Results. The epistemological primacy of scientific reality in relation to objective reality is substantiated.

Research implications. Recognition of the constructive nature of scientific knowledge makes it possible to solve the problem of the truth of scientific knowledge and its correlation with practical activity in a new way. Scientific knowledge, especially scientific theories, is constructed by consciousness from the very beginning as a true description of scientific reality before and regardless of its comparison with objective reality. The criteria of the truth of scientific knowledge for consciousness are its evidence, certainty, consistency, logical evidence (Descartes). The correspondence (degree of identity) of scientific knowledge to objective reality is only a criterion of the applicability of scientific knowledge to the description of objective reality. Such correspondence is always incomplete and only approximate and applies to any level of scientific knowledge.

Keywords: *scientific cognition, design, scientific reality, objective reality, truth.*

Об авторе:

ЛЕБЕДЕВ Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, г. Москва. E-mail: saleb@rambler.ru

Author information:

LEBEDEV Sergey Alexandrovich – PhD (Philosophy), Professor, Senior Researcher, Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow. E-mail: saleb@rambler.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.04.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 01.05.2023.

УДК 168

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.015

МЕХАНИКА ИСААКА НЬЮТОНА И ЕЁ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ ПОСТРОЕНИЕ

С.Н. Коськов

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
г. Орел

Свою механику Исаак Ньютон строил по образцу и подобию геометрии Евклида. Эта геометрия многие века, вплоть до сегодняшних дней, является образцом эталонной научной теории по причине дедуктивно-аксиоматического тематического построения. Целью данной статьи является показать попытку Ньютона представить свою механику как дедуктивно-аксиоматическую теорию, поэтому все его основные понятия носят характер идеализированных объектов. Тем самым выстраивается идеализированная онтология механики, которую невозможно опровергнуть.

Ключевые слова: *субъект научного познания, объект научного познания, идеализированные объекты, механика, научная онтология.*

Еще ветхозаветные пророки несли слово людям, но несли не свое слово, а открывали людям истину, которую им, в свою очередь, открывал Господь. Ученые тоже открывали истину, и с понятием «ученый» обычно ассоциировали именно это, прежде всего – открытие истины. Если они были атеистами, они открывали то, как устроен мир, если они были верующими, они открывали то, как устроил мир Господь, чтобы от сложности бытия перейти к познанию мудрости Творца. Но в любом случае истину открывали, а не конструировали её как собственное творение.

Акт открытия истины, конечно, ниже акта Божественного творения, но ниже всего лишь на одну ступеньку. Открыть может гений, не массовая деятельность, только один открывает то, как устроен мир. Пророки могут открыть рядовому человеку, как повелел Господь, что повелел Господь, но только Ньютон открыл закон всемирного тяготения. Деятельность как открывание рассматривалась как деятельность выдающегося человека.

Ньютону просто повезло. За его неимоверное терпение, за его гигантский труд Господь его награждал знанием того, как устроен мир. Поэтому механика, оптика приобрели статус абсолютной истины. По-другому просто не могло быть.

Гениальный Ньютон был учёным-одиночкой, как и другие учёные того времени. Профессиональное дисциплинарное сообщество учёных только начинало складываться. Учёные были действительно одиночками, живущими в башне из слоновой кости. На конец XVIII в. их число не достигало и тысячи человек [1].

© Коськов С.Н., 2023

И. Ньютон был в большей степени человеком эпохи Возрождения, чем Нового времени. Себя он считал прежде всего теологом, затем алхимиком, а затем уж физиком.

А. Эйнштейн тоже был учёным-одиночкой, но в рамках уже сложившегося профессионального дисциплинарного сообщества. К концу XIX в. профессионально работающих учёных уже было более ста тысяч человек. Эйнштейн уже не открыватель истины, он её изобретает, конструирует. Как учёный он формируется в другой интеллектуальной атмосфере, обучается в школе, в вузе. Вначале это чтение популярной научной литературы (чего раньше не было), затем вузовских учебников, монографии, научные журналы и особенно общение с профессионально работающими учёными. Это прежде всего общение с начинающими учёными, такими же, как он сам, и более мудрыми коллегами. Коммуникационные процессы научной деятельности уже набирали силу.

Все научные достижения, весь массив научной литературы, в том числе популярная научная литература выступают для нас как априорное знание. Совершить открытие новой научной теории в наше время по сути означает преодолеть априорность массива научного знания. Сильное утверждение и, конечно же, спорное [2]. Преодоление этой априорности и позволило Эйнштейну стать представителем неклассической науки. Подводя итоги своего интеллектуального творчества, Эйнштейн напишет: «Довольно об этом. Прости меня, Ньютон; ты нашёл единственный путь, возможный в твоё время для человека величайшей научной творческой способности и силы мысли. Понятия, созданные тобой, и сейчас ещё остаются ведущими в нашем физическом мышлении, хотя мы теперь и знаем, что если мы будем стремиться к более глубокому пониманию взаимосвязей, то мы должны будем заменить эти понятия другими, стоящими дальше от сферы непосредственного опыта» [14, с. 270].

Ньютону тоже пришлось преодолеть априорность накопленного научного знания. Ему пришлось не только преодолеть априорный характер накопленного знания, но и посметь это сделать. Ньютон, Галилей и их коллеги были не только учёными, но и идеологами новой становящейся классической науки [3].

I. Механика Ньютона была первой естественнонаучной, физической теорией, представленной в системном виде. Под эгидой Лондонского королевского общества основной труд Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии» в трёх томах был издан в 1686–1688 гг. в трёхстах экземплярах, что по тем годам было масштабным предприятием. Это издание помог профинансировать известнейший астроном Эдмонд Галлей. При дальнейших изданиях Исаак Ньютон постоянно вносил исправления, дополнения в этот гениальный труд. «Математические начала натуральной философии» Ньютон написал на английском языке. Тогдашняя Европа не знала английского языка, языком европейской интеллигенции была латынь, поэтому Исааку Ньютону пришлось несколько лет пере-

водить свой громадный труд на латинский язык. Идеалом научной теории для И. Ньютона, как и для других учёных, служил труд Евклида «Начала геометрии» (III век до н. э.). Завораживающее воздействие Евклидовской аксиоматически построенной теории уже начинает исчезать в наше время. Фундаментальный труд Ньютона оказался подведением итогов развития физики за 2000 лет. Коперник, Кеплер, Галилей, Бойль, Галлей, Роберт Гук (яростный оппонент и современник Ньютона) и другие замечательные учёные заложили основы классической физики, ввели в научный оборот её основные понятия, но представить этот массив знания как целостное, упорядоченное явление культуры смог Исаак Ньютон. Когда журналисты спрашивали Ньютона о том, как это ему удалось, этот гений с присущей ему скромностью отвечал: «Я стоял на плечах гигантов». В конце жизни он скажет про себя: «Я не знаю, как меня воспринимает мир. Однако сам себе я кажусь лишь маленьким мальчиком, который играет на морском берегу и развлекается тем, что время от времени находит красивые ракушки, в то время как великий океан истины расстилается перед ним неисследованный». (цит. по: [4]). Скромность гениального ученого – это не игра, не кокетство, а свойство личности самого сэра Исаака Ньютона. Эйнштейн был другим человеком.

«Гипотез не измышляю», – постоянно утверждал Ньютон. Предшественник сэра Ньютона Галилео Галилей на пике своего творчества утверждал: «Математика – это язык, на котором написана книга природы». Наблюдение природы и язык математики – позиция Ньютона, его личные, ценностные, мировоззренческие установки. Изучать материальные процессы именно как материальные, физический мир именно как физические явления – вот основной пафос научного подвижничества жизни Галилео Галилея и Исаака Ньютона. Эта мировоззренческая и методологическая позиция в то время только начала завоёвывать своё жизненное пространство, в наше время это кажется само собой разумеющимся фактом. Ссылки на конечные причины (Фома Аквинский) или на первопричины (Декарт) и т. п. не должны присутствовать в научной теории, считал Ньютон. Ссылки на Бога (Беркли, Лейбниц) при объяснении физических процессов тоже не должны присутствовать. На этом Ньютон категорически настаивал, ему это было хорошо понятным, т. к. он себя считал прежде всего теологом, а затем уже физиком, химиком, астрономом.

II. Механика Ньютона является динамической, физической теорией. В ней даётся не только количественное описание, но и указываются внешние силы, воздействующие на объект. Внешние силы, воздействующие на объекты, являются следствием взаимодействия этих объектов. Другими словами, механика Ньютона – это описание определённого типа физического взаимодействия. Законы данной механики дают одно однозначное количественное описание движения, что послужило основой классического детерминизма.

III. Мир ньютоновской механики – это мир, состоящий исключительно из инерциальных систем. Инерциальные системы – это системы, которые движутся равномерно и прямолинейно относительно друг друга. Понятия инерции, инерциального движения, инерциальной системы ввёл в физику Галилео Галилей, а объектом и предметом изучения их сделал Ньютон. В жизни на практике инерциальных систем не существует (или только как крайний случай). Теории, чтобы состояться, нужно выстроить свой мир, состоящий из научных абстракций, идеализированных научных объектов. Это необходимо для того, чтобы представить процесс в чистом виде, только тогда мы сможем добраться до сущности явления, только тогда мы сможем сформулировать закон этих процессов, только тогда мы можем дать не качественное, не натурфилософское, не схоластическое описание движения, а дать количественное описание в виде математической формулы. Число и измерение становятся базисными принципами для всего естествознания.

IV. Чтобы теория была работающей, ей нужно придать всеобщий характер, другими словами, наложить определённый стандарт на механические взаимодействия физических тел. Таким необходимым условием является принцип относительности Галилея. Приведем несколько формулировок данного принципа, которым пользуются физики.

а) все законы физики (механики) протекают одинаковым образом во всех инерциальных системах;

б) все законы физики (механики) описываются одними и теми же уравнениями во всех инерциальных системах;

с) уравнения, описывающие все законы физики (механики), имеют (ковариантный) инвариантный характер во всех инерциальных системах;

д) все законы физики (механики) имеют одинаковую форму во всех инерциальных системах;

е) наблюдатель, находящийся внутри инерциальной системы, её собственными средствами не может определить, находится ли она в движении, или же она покоится.

V. Преобразование Галилея

Для того чтобы вышеизложенные принципы оказались состоятельными, т. е. выполнялись как всеобщие условия механического взаимодействия, нужно наложить дополнительные условия, то есть дополнительные идеализации и абстрагирования; необходимо, чтобы эти принципы имели основания в процессах экспериментов, наблюдений и измерений; для того чтобы эти результаты исследований были выражены строго в количественных пропорциях, т. е. на уровне сущности в чистом виде, для того чтобы представить эти количественные пропорции как необходимые всеобщие, устойчивые, повторяющиеся связи явлений, для того чтобы выразить это бесконечное эмпирическое стихийное многообразие на языке теории, необходимо ограничить эту эмпирическую стихию, упорядочить её с помощью преобразований времени, пространства и скоростей. Без такого

рода условий физическая теория не может выполнять не только эвристическую функцию, но и описательную и объяснительную функции. И все её претензии на научность, т. е. на истину будут несостоятельными, рано или поздно это всегда выясняется (теория Флогистона, теория эфира).

А. Время постоянно во всех инерциальных системах и не изменяется при переходе от одной инерциальной системы к другой. $t_1=t_2=t_3=t_4 \dots$ и т. д.

Если взять множество пар часов (для верности), строго их синхронизировать, затем строим одну пару часов в систему звонков часового механизма, другие пары часов разместим на пароходах, на машинах, на самолётах, на звёздах и т. д., то как только в нашем помещении прозвенит звонок и мы проверим показания всех часов, то окажется, что все часы будут показывать абсолютно одинаковое время, к примеру, 12 часов 12 минут.

В. Принцип преобразования координат.

В системе механики Ньютона не только время носит абсолютный характер при переходе от одной инерциальной системы отсчёта к другой, но и линейные размеры физических тел, координаты и траектории их движения тоже носят абсолютный характер, т. е. неизменный при переходе от одной инерциальной системы к другой. Эта естественная установка досталась Ньютону из обыденного опыта, внешних наблюдений за физическими объектами. В научном смысле эта установка восходит к аксиоматике Евклида, которая, в свою очередь, предполагает неизменность, «твёрдость» самих тел и их конфигураций. Положение о совпадении геометрии Евклида и физического мира ввёл ещё Декарт. Эта идея оказалась не только удобной, но и плодотворной.

Возьмём декартову систему координат (для простоты ситуации). Вдоль оси x движется тело, в момент t_0 нам известны координаты этого тела x_1 и x_2 , известна скорость движения этого тела. Перед нами задача вычислить координаты этого тела в момент t_1 , где $x_1' = x_1 + vt$ $x_2' = x_2 + vt$.

Длина тела в момент t_0 , $l_0 = x_2 - x_1$ в момент t' , $l' = x_2' - x_1'$ более развернуто $x_1' = x_1 + vt$, $x_2' = x_2 + vt$, $l' = (x_2' + vt) - (x_1' + vt) = x_2' - x_1' = x_2 - x_1$. В качестве вывода $l' = l_0$.

С. Галилеевский принцип сложения скоростей. Кажется, что этот принцип прост и прозрачен, но это апофеоз понятия относительности движения в рамках классической механики. Здесь закладывается основание для понимания относительности движения в неклассической физике. Классический пример. Пароход движется по реке вниз по течению. По палубе парохода идёт человек. Спрашивается: какова скорость пешехода? Вопрос совершенно бессмысленный, вроде «Сколько лет капитану корабля?» Чтобы вопрос о скорости движения пешехода был правомерным (с точки зрения физики), нужно создать систему отсчёта для определения скорости движения физического тела. Для этого Галилео Галилей, а затем и другие физики вводят в науку, в сферу научной рациональности понятия внешнего наблюдателя, внутреннего наблюдателя и систему отсчёта. Для

внутреннего наблюдателя (на палубе корабля) скорость пешехода $=v$, а для внешнего наблюдателя скорость пешехода складывается из скорости движения человека по палубе и скорости движения парохода (y). При условии, что направление движения человека по палубе совпадает с направлением движения парохода. $w=v+y$.

Казалось бы, что всё ясно и понятно. Предложим читателю следующую ситуацию. На этом корабле возникла ссора, и пассажиры приняли решение разрешить этот конфликт в форме дуэли. Вначале дуэлянты встали на нос и на корму корабля. Кто-то решил, что стоящий на носу находится в более выгодном положении, чем стоящий на корме. Основания для этого были. Данный пассажир то ли обладал хорошим здравым смыслом, то ли хорошо учился в школе. Он предположил, что скорость движения пули, выпущенной дуэлянтом на носу корабля, будет складываться из скорости собственно пули и скорости движения корабля. Дуэлянт, стоящий на корме, будет двигаться с повышенной скоростью навстречу этой пуле, а дуэлянт, стоящий на носу, будет удаляться от пули, выпущенной с кормы. Скорость движения данной пули будет равняться её собственной скорости минус скорость движения корабля. То ли Галилей с Ньютоном ещё не родились, то ли пассажиры недостаточно хорошо учились в школе, если вообще учились, но решили по справедливости: поставили дуэлянтов поперек корабля. Пусть читатель сам ответит на этот вопрос. Пускай этот корабль будет большим-пребольшим (для утешения).

VI. Пространство носит евклидовый характер. Согласно этому все расчёты для определения траекторий движений тел, все силовые взаимодействия исчисляются согласно формулам евклидовой геометрии. В период становления классической науки другой глубоко разработанной геометрической системы, кроме евклидовой, не было. За 20 веков своего существования эта геометрия стала не просто основой естественнонаучного знания, но и основой естественнонаучной картины мира, основой стиля мышления естествоиспытателей, архетипом научного мышления. В силу глубины своей разработанности и дедуктивно-аксиоматического характера построения евклидова геометрия служила идеалом научной теории, примером научной идеализации объектов не только для современников Ньютона, но и для наших современников.

VII. Принцип дальнего действия. Согласно принципу дальнего действия, взаимодействие между телами происходит мгновенно и непосредственно. Это, конечно, очень сильное допущение, очень высокая степень абстрагирования и идеализации. Так и хочется сказать, что этого не может быть. Действительно, этого не может быть, но это конвенциональное допущение позволяло выполнять описательную и объяснительную функции механики Ньютона и обладало эвристическими возможностями [9]. Этот принцип дальнего действия позволил Ньютону построить стационарную модель Вселенной. Исходя из этой модели, в 1781 г. У. Гершель открывает планету Уран, а П. Лаплас делает расчёты движения Урана согласно ньютоновско-

му детерминизму. Затем Адамс и Лаверье обратили внимание на возмущение движения орбиты Урана и открыли «на кончике пера» планету Нептун, а в 1846 г. Галле увидел эту планету в рассчитанном месте. Другими словами, Ньютон дал силовую картину Вселенной, сформулировал её количественную суть: $F = G * (m_1 * m_2 / r^2)$. «Ньютонов закон тяготения связывает движение тела здесь и теперь с действием другого тела в то же самое время на далеком расстоянии. Этот закон стал образцом для всего механического мировоззрения». Моделью данному закону послужили опыты Роберта Гука по исследованию центробежных и центростремительных сил. Нам со школы известны опыты с шариком на ниточке, который раскручивается вокруг оси. По сути, Ньютон перенёс эту модель на Вселенную, представив небесные тела как точечные тела.

Силовая картина мира не только отвечала духу времени среди естествоиспытателей, но и впоследствии была популярной среди социологов, философов, среди французских энциклопедистов, эти идеи можно обнаружить в социальной философии Огюста Конта, Карла Маркса и т. д. Очень соблазнительная идея – с помощью силовой картины мира упорядочить не только физическую, материальную стихию мира, но и социальную материю.

VIII. Основные законы механики Ньютона. Среди множества законов механики Ньютон выделяет три основных закона, которые, по сути, определяют все остальные законы механики.

Первый закон Ньютона – «Всякое тело продолжает удерживаться в своём состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения, пока и поскольку оно не понуждается приложенными силами изменить это состояние». Нет формулы, выражающей этот закон, она невозможна. В этом законе Ньютон формулирует идеальный случай движения, идеализированный объект – понятие инерциального движения и понятие инерциальной системы как системы отсчёта для других инерциальных систем. Понятие относительности движения как теоретической идеализации здесь выражена в явном виде.

Второй закон. $F = ma$. Обладает не меньшей степенью универсальности.

Третий закон. Действие = противодействию. $F = -F$. Потрясающий закон по глубине и простоте. С какой силой я давлю на стул, с такой же силой стул давит на меня. Этот не понятный большинству людей факт становится универсальным принципом.

Эти универсальные механические законы оказались работающими не только в области естествознания, но и в социологии XVIII–XIX вв., в частности, за счет мифологизации науки и метафорического словоупотребления.

IX. Идеальная модель физического тела – атом у Галилея, корпускула у Ньютона. Чем же хороши атом или корпускула? Прежде всего своей неизменностью, устойчивостью. Атом обладает постоянной массой, он

бесструктурен, а, следовательно, бескачествен и далее неразложим. Его форма и размеры также неизменны. Спустя сто лет Эйлер оформил эту идею атома, превратив его в понятия: физическая точка, математическая точка, материальная точка.

Х. Ньютон дал логическое завершение идеи субстанциональности пространства и времени, хорошо известной в натурфилософии и естествознании ещё со времён Демокрита.

Пространство и время не только естественнонаучные, но и философские категории, которые выполняют очень важную мировоззренческую функцию. Это тот концептуальный каркас, через который мы смотрим на мир, воспринимаем его [6]. Ньютоновское классическое понимание пространства и времени полностью отвечает нашему обыденному опыту, здравому смыслу, поэтому, несмотря на прошедшие более чем триста лет, они живут в нашем сознании. На уровне обыденного опыта и здравого смысла мы смотрим на мир через концептуальные очки классической науки [8]. В своё время эту особенность хорошо подметил Э. Гуссерль, и весь пафос его феноменологии и редукции сводился к попытке очистить наше сознание от предшествующих научных идей и культуры. Это не удалось Канту, не удалось и Гуссерлю.

А. Пространство как субстанция, как абсолютное пространство существует независимо и наряду с материей, оно являетсяместилищем для материальных объектов, оно абсолютно в своей неизменности, следовательно, материальные объекты, помещённые в это абсолютное пространство, так же неизменны. Ньютоновское пространство является идеальной инерциальной системой отсчёта, поэтому любое тело, помещённое в это пространство, по отношению к этому пространству может рассматриваться, в свою очередь, как идеальная инерциальная система. Так как в этом пространстве бесконечное количество физических тел, то мы каждый раз стоим перед выбором, какое тело выбрать в качестве инерциальной системы отсчёта. При условии бесконечности понятие центра не имеет смысла, поэтому выбор той или иной физической системы в качестве инерциальной системы отсчёта является строго конвенциональным [7].

Абсолютное пространство изотропно, т. е. одинаково в своих направлениях в каждой своей точке. Пространство и каждое тело имеет три измерения: длина, ширина, высота. Они строго неизменны, т. е. абсолютны и не зависят от выбора физических систем отсчёта (преобразования Галилея).

В. Время также является абсолютной неизменной субстанцией наряду с материей и пространством, если пространство – этоместилище материальных тел, то время –местилище событий. Время, другими словами, абсолютная длительность, абсолютная школа отсчёта, в отличие от пространства, время анизотропно, его направленность – от прошлого через настоящее к будущему. Сама временная длительность, её направленность,

её характеристики не зависят от выбора систем отсчёта $t_1=t_2=t_3...$ (преобразования Галилея).

Пространство и время являются идеализированными теоретическими объектами. Однако, когда мы оперируем этими теоретическими категориями в эмпирических исследованиях и расчётах, они трансформируются в научные абстракции, категории эмпирического уровня научного познания [5]. Когда же мы переходим на уровень чувственного восприятия непосредственно самих пространства и времени, то они становятся тайной нашей экзистенции, неисчерпаемой загадкой для психологов, философов и т. д. до тех пор, пока мы не выразим это в словах.

XI. Проблема эфира. В V в. до н. э. Эмпедокл высказался о конечности скорости света, на эту идею современники не обратили внимания, она была спящей идеей, до тех пор пока не начались конкретные исследования по измерению скорости света (в XVII в.). Другая идея Эмпедокла – «весь мир наполнен лучезарным эфиром» (как пятым элементом), и он является переносчиком света. Эта идея эфира прочно вошла в философскую, натурфилософскую и в естественнонаучную традиции. Эта гипотетическая мысль приобрела статус безусловной истины, консенсуальной истины вплоть до начала XX в., до создания Эйнштейном теории относительности. Многочисленные экспериментальные исследования не подтверждали наличия эфира. Профессиональное философское сообщество, профессиональное естественнонаучное сообщество изобретали всё новые и новые концепции эфира. Когда Эйнштейн обошёл без понятия эфира, то оказалось, что электродинамика, оптика, механика успешно работают и без понятия эфира [10]. Про эфир было мгновенно забыто. Но в XVII в. ещё об этом не знали. Ньютон, «как культурный продукт» своей эпохи, тоже был вынужден ввести понятие эфира в свою физику. Его механика и оптика (поток корпускул) прекрасно обходились и без понятия эфира. Поддавшись общему настроению и консенсуальному решению, Ньютон вводит в свою теоретическую систему понятие эфира, а затем мучается с этой проблемой всю свою творческую жизнь (жизнь и творчество у мыслящих людей совпадают) [11, с. 150]. В письме к Бойлю от 26 февраля 1673/74 г. Ньютон пишет: «...я полагаю, что всё пространство заполнено эфирным веществом, способным к сжатию и расширению, большой упругости и, одним словом, во всех отношениях весьма похожим на воздух, но значительно более тонким» (цит. по: [12, с. 222]).

Дальше начинаются размышления о том, каковы должны быть размеры корпускул эфира, какова должна быть плотность эфира, чтобы могло осуществляться мгновенное взаимодействие между телами, а сам эфир был и не препятствовал этому. Сто лет спустя Эйлер рассчитает, каким должна быть плотность эфира, чтобы не препятствовать взаимодействию между телами в космическом масштабе. Он же рассчитает разреженность эфира, дабы последний не препятствовал распространению света как потоку корпускул. Ньютон водит понятие эфирных волн, на крыльях которых

распространяется поток корпускул света и т. д. Также Ньютон пытается объяснить с помощью эфира взрывчатую способность пороха, капиллярное притяжение и т. д. Всё это выглядит как конвенциональные приложения к понятию эфира. Сам по себе эфир неопределим, неисчислим, но всегда можно придумать конвенциональную теорию, где эфир выступает в качестве конечной причины [13]. Возникает вопрос, а может ли качественное приложение к количественным процессам не быть не конвенциональным и не консенсуальным? Сам Ньютон пишет в письме к астроному Галлею: «Всё это догадки, я вовсе не ручаюсь за их верность».

Ньютон был автором корпускулярной концепции света, он долгое время находился в гордом одиночестве. Его оппонент и современник Роббер Гук был ярким полемистом и подвергал яростной критике как механику, так и оптику Ньютона в очень эмоциональной форме. Исаак Ньютон не был ярким публичным деятелем, поэтому поклялся издать свою оптическую теорию после смерти Р. Гука. В 1704 г. он издаёт труд «Оптика или трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света». В конце этого трактата Ньютон излагает 30 вопросов по поводу волновой концепции света и эфира. Впоследствии количество этих вопросов увеличилось. Эти вопросы являются своеобразной формой полемики с Гюйгенсом и Гуком. В этой полемике Ньютон находит все новые и новые аргументы против волновой концепции света и эфира. То, что Ньютон аргументированно не принимает волновую концепцию света, это ясно и понятно, а вот то, что он отвергает концепцию эфира, остаётся не ясным.

Список литературы

1. Борн М. Эйнштейновская теория относительности. М.: «МИР», 1964. 456 с.
2. Каган В.Ф. Лобачевский и его геометрия. М.: ГИТТЛ, 1955. 303 с.
3. Каган В.Ф. Очерки по геометрии. М.: Издательство Московского университета, 1963. 572 с.
4. Комацу М. Многообразие геометрии / пер. с япон. М.: Знание, 1981. 208 с.
5. Коськов С.Н. Взаимодополняемость семантических конвенций и метафор в языке науки // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1991. № 6. С. 20—31.
6. Коськов С.Н. Начала и истоки конвенционалистской методологии науки // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2009. № 3. С. 21—28.
7. Коськов С.Н., Лебедев С.А. Коэволюция моделей науки и мировоззренческих установок // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2013. № 4. С. 22—31.
8. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Онтология научных теорий // Известия Российской академии образования. 2017. № 1 (41). С. 20—40.
9. Лебедев С.А., Лебедев К.С., Коськов С.Н. Виды научного знания: различие и единство // Вестник Северо-восточного федерального университета

им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2017. № 2 (06). С. 57–66.

10. Левитин К. Геометрическая рапсодия. М.: «Знание», 1976. 144 с.

11. Либшер Д.Э. Теория относительности с циркулем и линейкой / пер. с нем. В.Е. Маркевича. М.: «Мир», 1980. 152 с.

12. Максвелл Дж.К. Речи и статьи / пер. под ред. В.Ф. Миткевича. М.; Л.: Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1940. 226 с.

13. Фок В.А. Теория пространства, времени и тяготения / Изд 2-е, дополн. М.: Гос. изд. тех.-теор. лит., 1961. 564 с.

14. Эйнштейн А. Автобиографические заметки // Собрание научных трудов в 4 томах. Т. IV. Издательство «Наука». Москва. 1967. С.259–297.

MECHANICS OF ISAAC NEWTON AND ITS CONVENTIONAL CONSTRUCTION

S.N. Koskov

Turgenev Orel State University, Orel

Isaac Newton built his mechanics on the model and likeness of Euclid's geometry. This geometry has been an example of a reference scientific theory for many centuries, up to the present day, because of the deductive-axiomatic thematic construction. The purpose of this article is to show Newton's attempt to present his mechanics as a deductive mathematical theory, therefore all his basic concepts are of the nature of idealized objects. Thus, an idealized ontology of mechanics is built, which cannot be refuted.

Keywords: *subject of scientific knowledge, object of scientific knowledge, idealized objects, mechanics, scientific ontology.*

Об авторе:

КОСЬКОВ Сергей Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева», г. Орел. E-mail: koskov6819@gmail.com

Author information:

KOSKOV Sergey Nikolaevich – PhD (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy, Turgenev Orel State University, Orel. E-mail: koskov6819@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 10.04.2023.

УДК 168:165.4(001.95)

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.026

НАУКА РЕАЛЬНАЯ И МНИМАЯ: ПРОБЛЕМА ДЕМАРКАЦИИ

А.А. Яковлев^{1,2,3}, Е.А. Пчелко-Толстова¹

¹ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы», г. Москва

²ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет», г. Москва

³ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук», г. Москва

Хотя идеологические кампании в науке принято связывать с XX в., в наши дни они тоже имеют место. В 2018–22 гг. они происходили в Венгрии, Болгарии, Германии и Великобритании. Под видом нормальной науки создавалась мнимая. В статье представлены границы реальной и мнимой науки, критерии их демаркации. Также статья демонстрирует, что в ситуации идеологического контроля науки, научная парадигма зависит от парадигмы технологической, которая, в свою очередь, обуславливается технико-экономической парадигмой. Сделаны выводы о зависимости технологической парадигмы от технико-экономической, о том, что современные идеологические кампании в науке могут завершиться, если начнут вступать в противоречия с технологическими и технико-экономическими парадигмами.

Ключевые слова: парадигма, технологическая парадигма, технико-экономическая парадигма, Бруно Латур, Томас Кун, Карола Перес, лысенковщина, Трофим Лысенко, Грегор Мендель, идеологический контроль науки, генетика, агробиология.

Введение

Скончавшийся в 2022 г. Б. Латур предлагал исследовать «в действии» область пересечения науки, техники и общества в ситуации нормальной науки, в то время, когда ученые решали головоломки, а пересмотр научных парадигм проходил строго по схеме, описанной Т. Куном. В 2017 г. французский автор издал книгу «Где приземлиться», более соответствующую современным реалиям – он обратил внимание на то, что в ситуации, когда открытия в той или иной области естествознания влияют на жизнь людей, у них появляется несколько интерпретаций [24, р. 79]. В качестве контрпримера он привел черные дыры [24, р. 79]. Его идею также развила Н. Деросси. Она писала, что сам подход ученых «знать что-то – значит, знать извне» неверен, т. к. ученые не исключены ни из мира, который они исследуют, ни из мира, в котором живут (если речь не идет об объектах, никак не влияющих на жизнь) [15, р. 14]. Научная политика отдельных государств и даже учреждений последних лет свидетельствует, что такое утверждение (которое в целом не ново) может быть подкреплено эмпирическими

© Яковлев А.А., Пчелко-Толстова Е.А., 2023

фактами. Н. Деросси, Д.С. Кодил и Б. Латур ссылаются на политику Д. Трампа: на искусственное создание дискуссий по поводу глобального изменения климата. В качестве заинтересованной стороны он приводит горнодобывающую отрасль, но это не единственный возможный пример [14]. Фактически мы имеем дело с попаданием в научный дискурс тем и проблем, искусственно занесенных внешними авторами. Можно возразить, что в прикладной науке и в общественных науках (и нередко в фундаментальных естественных науках) проблемы обнаруживаются теми, кто не причастен к научному сообществу, но формирует заказ на решение. Но эти внешние действующие лица в условиях нормальной науки не задают, что считать истинным, а что не считать. Точка зрения продолжает формироваться экспертным сообществом, даже когда имеется конкретный потребитель результатов исследования. Важно, что такое привнесение извне осуществляется не в специально созданные сообщества или организации, а в уже сложившиеся академические и другие исследовательские учреждения. Так параллельно с реальной наукой, т. е. той, которая находится либо в стадии нормальной науки, либо в стадии кризиса, либо переживает научную революцию, возникает наука мнимая, т. е. система знаний о мире и методов его исследования, построенная по критериям нормальной науки, но ориентирующаяся на систему аксиом, трудов и утверждений, нормальной наукой не принимаемой. К таким аксиомам и трудам могут относиться труды философов, политические манифесты, отдельные выступления, религиозные догмы и прочие идеи, не используемые ни в рамках нормальной науки, ни в ситуации кризиса или научной революции. Как отличить одну от другой и какие факторы могут помешать расцвету мнимой науки, мы исследуем в рамках данной статьи, опираясь на пример лысенковщины.

Методология исследования. В качестве методологической базы предлагается использовать акторно-сетевую теорию, развитую Б. Латуром и его последователями, теорию технико-экономических парадигм К. Перес и теорию научных революций Т. Куна. Подход к идеологии будет основан на работе К. Маркса «Немецкая идеология».

Понятийный аппарат для описания метода. «Наука в действии» – метод изучения возникновения и развития научных теорий в процессе их становления в общесоциальном и техническом контекстах и с учетом взаимоотношений в научном сообществе до того, как факт стал общепринятым [5, с. 40].

Теория научных революций – метод исследования становления научных теорий, предложенный Т. Куном, основанный на цикле: научная революция – нормальная (парадигмальная) наука – кризис – научная революция – нормальная (парадигмальная) наука [23, S. 25].

Историографический экстернализм – метод изучения становления и развития научных идей с учетом влияния внешних факторов.

Парадигма – мыслительная модель, задающая дальнейшее развитие науки.

Технологическая парадигма – «“модель” и “образец” решения выбранных технических проблем, основанные на избранных принципах, полученных из естествознания, и в рамках определенной технологии» [16, р. 147–162].

Технико-экономическая парадигма – предложенный К. Перес термин, означающий модель лучшей практики для наиболее эффективного использования новых технологий внутри и за пределами новых отраслей [28, р. 13].

Идеология представлялась К. Марксу системой иллюзорных представлений, «превращенных форм сознания» на службе определенных социально-классовых, групповых интересов [6, с. 16].

Мнимая наука – система знаний о мире и методов его исследования, построенная по критериям нормальной науки, но ориентирующаяся на систему идей, нормальной наукой не принимаемой.

Реальная наука – наука, развитие которой можно описать, опираясь на теорию научных революций.

Исторический пример противостояния реальной и мнимой наук: лысенковщина в контексте развития науки

Сама теория эволюции еще задолго до лысенковщины успела сформироваться, стать парадигмальной и эволюционировать. В 1809 г. Ж.-Б. Ламарк опубликовал труд «Философия зоологии», где прямо указал на то, что виды меняются на протяжении долгого времени. Ч. Дарвин издал труд «О происхождении видов посредством естественного отбора, или сохранении привилегированных рас в борьбе за жизнь» в 1859 г. Г. Мендель открыл законы, названные его именем в 1865 г. и годом позже их опубликовал, дав, тем самым, старт генетике, но о нем не вспоминали потом более тридцати лет [26]. О развитии генетики можно говорить с начала XX в., а о ее соединении с эволюционными представлениями – вовсе лишь с Ф.Г. Добжанского, опубликовавшего в 1937 г. работу «Генетика и происхождение видов».

Лысенковщина должна быть рассмотрена в действии и своем социальном контексте, заметим здесь лишь, что она сразу была социально и экономически ориентирована, а не была фундаментальной дисциплиной.

Экономический и политический контексты лысенковщины

Сам создатель так называемой «агробологии» как направления Т.Д. Лысенко проходил становление в разных экономических системах. Родился он ещё в XIX в. в системе традиционного общества. Когда Лысенко получал образование, власть регулярно менялась на территориях, где он жил, учился и работал. Начало карьеры ученого – практика пришлось на НЭП [3, с. 9]. Во второй половине 1920-х гг. политическая и экономическая жизнь в СССР претерпела значительные изменения с внедрением пятилетних планов, началом индустриализации и повышением роли ВКП(б)

в жизни общества [22, S. 44]. Одной из сторон таких преобразований была коллективизация сельского хозяйства.

На XVI съезде ВКП(б) прозвучал призыв к социалистическому наступлению в науке. После этого в течение двух лет идеи ряда ученых были признаны «буржуазными». И.П. Павлов, Л.Д. Ландау, И.Е. Тамм, А.Ф. Иоффе, были объявлены идеалистами [7, с. 26]. Обращает на себя внимание тот факт, что споры, возникшие в науке по фундаментальным вопросам, не были ни внутринаучными, ни эпистемологическими, ни даже чисто академическими. Они были политизированными, искаженными вне-научными идеологическими наслоениями. В 1931 г. вышла критическая статья в газете «Экономическая жизнь», в которой учреждение, управляемое генетиком Н.И. Вавиловым вовсе было объявлено «реакционным». В августе того же года было издано постановление, ставившее невыполнимые для сельского хозяйства задачи [7, с. 26]. В 1935 г. в критике генетики активизировались Т.Д. Лысенко, И.И. Презент, а в конце 1936 г. состоялось пленарное заседание ВАСХНИЛ, на котором, по мнению Ж. Медведева, произошло окончательное разделение на два лагеря: генетиков и так называемых «агробиологов» [7, с. 26].

Хотя это разделение окончательно оформилось лишь к 1937 г., сам И.В. Сталин поддерживал одну из сторон конфликта уже в 1935 г. Заметим, что не всякая кампания в науке завершалась обязательно преследованием тех, кто был неугоден [1]. Окончательный разгром классической генетики и триумф агробиологии пришелся уже на послевоенный период в истории СССР – знаковая XIX сессия ВАСХНИЛ состоялась в 1948 г. Официально было заявлено о реакционном характере учения «вейсманизма-морганизма».

В 1953 г. скончался И.В. Сталин, а тремя годами позднее в Москве прошел XX съезд КПСС, после которого дискуссии о генетике стали снова возможными. На этот период приходится и пик борьбы биолога А.А. Любищева с агробиологией [8, с. 74–77]. В 1964 г. «мичуринское учение» было объявлено реакционным, а позднее вышли другие работы, защищавшие классическую генетику, польза которой для медицины уже была признана.

Демаркация реальной и мнимой науки

Политизированность споров генетиков и агробиологов, опора на политические и экономические аргументы в критике генетики, наличие в спорах внешних акторов и тем, не относящихся собственно к содержанию научного знания, демонстрируют нам демаркационную линию между реальной и мнимой наукой: тогда как первая опирается на собственный аппарат или (в ситуации кризиса или научной революции) ставит эпистемологические вопросы, мнимая наука в своей аргументации выходит за рамки академического дискурса.

Соотношение научной и технологической парадигм в ситуации лысенковщины

Сразу обратим внимание, что парадигма агробиологии – это парадигма мнимой науки, тогда как парадигма даже молодой генетики – это парадигма науки реальной, находящейся в стадии нормальной науки.

К моменту публикации Ф.Г. Добжанским его работы и вхождения генетики в теорию эволюции генетика не могла быть основой для сельского хозяйства, а потому не могла задавать технико-экономическую парадигму, формировать парадигму технологическую. Несмотря на наличие ссылок на Ж.-Б. Ламарка, а не на дарвиновскую теорию эволюции можно утверждать, что именно теория эволюции была базой для агробиологии. В результате мы получаем, что до 1937 г. спор генетиков с агробиологами был спором ученых, работающих в разных областях, имеющих разные теоретико-методологические основы и лишь тогда стал внутродисциплинарным. Конечно, здесь можно указать на то, что речь и до 1937 г. шла о противоречии двух дисциплин между собой, но следует обратить внимание, что и раньше противоречия между дисциплинами имели место: например, атомизм в химии утверждался быстрее, чем в физике [25, S. 88]. Парадигма агробиологии, ввиду ее прикладной направленности становилась технологической даже безотносительно имевшего место идеологического контроля науки и всей научной жизни того времени. Так как альтернативы в виде использования генетики в сельском хозяйстве в то время не было, самой эффективной для сельского хозяйства даже в среднесрочной перспективе выглядела агробиология. При имевшем место объеме знаний технико-экономической парадигмой в том смысле, как это сформулировала К. Перес, оказывалась агробиология, а до 1937 г. иначе и не могло быть. Можно было бы предположить, что история сложилась бы иначе, если бы на работу Добжанского в СССР среагировало научное сообщество быстрее, но это будут лишь домыслы. Как показано выше, к концу правления Н.С. Хрущева агробиология уже не могла быть научной базой для технико-экономической парадигмы, а потому перестала быть и источником технологической парадигмы, что в итоге привело к краху монополии Т.Д. Лысенко в науке.

Современные примеры мнимой науки

В 2018 г. Правительство Венгрии объявило, что больше не признает гендерные исследования научной дисциплиной [30] и лишило аккредитации соответствующие программы магистратуры и аспирантуры [10]. К тому, правда, были добавлены и экономические аргументы, которые не являлись ключевыми [13, S. 135]. В 2020 г. Болгарская академия наук опубликовала коллективный труд «За официалния език на Република Северна Македонија», где объявила, что македонского языка не существует, а он является одним из говоров болгарского [11, с. 62–63]. В 2017–2021 гг. председатель фракции «Союз 90/Зеленые» в Бундестаге Германии А. Хофрайтер, обладающий степенью доктора биологии, выступал за запрет использования ГМО,

мотивация его была идеологической [19]. В 2022 г. Берлинский университет им. В. Гумбольдта отменил публичный доклад биолога М.Л. Фолльбрехт «Пол не то же самое, что половая принадлежность. Секс, гендер и почему в биологии существуют только два пола». Группа «Критические юристы Берлинского университета имени Гумбольдта» выпустила манифест против предоставления трибуны тем, кто продвигает «биологическую реальность» [12]. В феврале 2023 г. студент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) А. Жадан заявил публично, что часть его дипломной работы написала нейросеть «ChatGPT» [9]. Данный поступок породил дискуссию об ограничении использования нейросетей в академической среде. Депутат Государственной думы А.О. Ткачев выступил на пленарном заседании в защиту использования нейронных сетей в образовании и науке и против запретов, предлагаемых руководством РГГУ, его речь также была написана нейросетью [2].

Демаркация реальной и мнимой науки в современных примерах

Срыв доклада в Берлинском университете им. Гумбольдта организовала группа активистов, не имеющих отношения к биологической науке, борьба с ГМО не апеллирует к биологическим или медицинским аргументам, но, напротив ссылается на зеленую идеологию как источник истины, в Венгрии критерий научности установило назначенное правящей партией правительство. Во всех случаях имела место опора на идеи, не относящиеся к науке как на источники истины в научных или эпистемологических (как в случае с гендерными исследованиями) вопросах. Это все позволяет утверждать, что мнимая наука не осталась в XX в., а существует сейчас и потому проблема демаркации остается актуальной.

Сходства современной мнимой науки и лысенковщины

Современные кампании по идеологическому контролю науки, напоминая споры об истине, служат не познавательным, а политическим целям. Искусственное создание Д. Трампом дискуссий по парадигмальным вопросам, кампания против гендерных исследований в Венгрии, публикация Болгарской академии наук, не признанная научными сообществами других стран, протесты в Берлине имеют своих бенефициаров: горная промышленность США, консервативные и националистические политические силы Венгрии и Болгарии, активисты леволиберальной направленности в Германии. Во всех ситуациях спор затрагивал те или иные заинтересованные группы. В случае с США можно говорить о столкновении с технико-экономической парадигмой, в случае с названными странами Европы связь с технико-экономической парадигмой увидеть сложно. В США формирование дискуссии способствовало сохранению технологической парадигмы горной промышленности, т. к. ставило под вопрос необходимость преобразований под новые экологические стандарты. Во всех представленных случаях за основу брались утверждения, не включенные в аксиоматическую базу нормальной науки.

Иные современные исследования внешних факторов развития науки и превращения реальной науки в мнимую и ключевой недостаток этих исследований

По идеологическим кампаниям, имевшим место в науке, в последние годы и десятилетия написано немало работ как в России, так и за рубежом. В 2004 г. в СПбГУ А.А. Курепин защитил диссертацию, исследующую отношения власти и ученых в 1917–1937 гг. в Петрограде – Ленинграде, в которой, среди прочего, рассматривался спор Н.И. Вавилова и агробиологов, но в данной работе названный пример является лишь одним из многих [4, с. 30–45].

В 2009 г. М. Эрлеманн защитила в Венском университете диссертацию, посвященную роли СМИ в привлечении женщин в физику. Она обратила внимание, что в 2000-е гг. масс-медиа немецкоязычных стран воспроизвели стереотип о физике как дисциплине, разрабатываемой исключительно мужчинами, что привело к гендерным соотношениям среди физиков, отличным от тех, которые имеют место в других областях естествознания [17, S. 395].

В 2016 г. в Гейдельбергском университете Й. Каны защитил диссертацию по имевшему место в ГДР марксистскому науковедению, которое автор предлагает рассматривать не как канувшую в лету, но как применимую и в наши дни исследовательскую программу ввиду того, что она рассматривает, среди прочего социальную функцию науки [21, S. 2].

В том же году в Уппсальском университете К. Юлхя защитила диссертацию, посвященную психологическим факторам, формирующим корреляцию между правыми политическими предпочтениями и отрицанием глобального изменения климата. В работе эмпирически подтверждено, что поддержка социального неравенства и иерархичности общества (антиэгалитаризм) коррелирует с отрицанием не только антропогенного фактора, но и глобального изменения климата как такового [20, р. 2].

Если говорить о научных статьях, а не диссертациях, то здесь скажем об исследованиях С. Джордано, Г. Солбу, а также о последователях Б. Латура. С. Джордано в 2018 г. опубликовала работу, посвященную развившемуся в США среди специалистов, занимающихся синтетической биологией, движению «Новая демократическая наука». Его представители рассматривают себя и свою дисциплину в социальном контексте, а не в отрыве от общества. Ввиду недоверия и как следствие снижения легитимности деятельности ученых представители «Новой демократической науки» приглашают людей из других областей и вовсе не относящихся к академической среде к себе в лаборатории в просветительских целях, где рассказывают, чем именно они занимаются [17, р. 401–430].

Норвежский социолог науки Г. Солбу провел в 2016 г. 37 интервью с исследователями в областях молекулярной биологии и генной инженерии. Ученые говорили ему, что их общество недостаточно осведомлено об их деятельности, что также ведет к недоверию. Г. Солбу предлагает кон-

цепцию «эпизнания»: менее глубокого, чем у профессионала, но достаточного для общего понимания. По его мнению, это должно помочь преодолеть разрыв между экспертами и остальным обществом [29, р. 39–40].

Эту же проблему поднял и Д.С. Кодилл в работе «Экспертиза в политических контекстах: Латур – третья волна в исследованиях науки и технологий», который более подробно, чем Б. Латур изучает искусственное нарушение консенсуса в науке во время правления Д. Трампа в США [14].

Ключевой недостаток современных исследований

Мы видим, что связь науки и идеологии в современном мире изучается, однако не всегда и не в связи с техникой, хотя, как показали Н. Деросси и Б. Латур, это сегодня актуально. Новые прецеденты идеологического вмешательства случаются быстрее, чем исследователи успевают их описать. При этом связь современных прецедентов возникновения и распространения мнимой науки с развитием технологий игнорируется исследователями, несмотря на описанные в статье сходства. Такими авторами, как С. Джордано и Г. Солбу формулируются пути искусственного решения проблемы, однако не предполагается сценариев естественного завершения, как в случае с лысенковщиной, масштаб которой существенно превосходил все примеры современности. Мы видим, что, вступая в противоречие со сложившейся технико-экономической парадигмой, мнимая наука терпит поражение. Когда становится явным, что основанная на мнимой науке технологическая парадигма не укладывается в технико-экономическую, искусственные методы сдерживания мнимой науки перестают быть необходимыми. При всей полезности «Демократической науки» и «эпизнания», они остаются искусственными способами решения возникающих проблем, не предполагающими, что с течением времени, как это показано в историческом примере, проблема может решиться, когда для этого сложится соответствующая ситуация, аналогичная успешному применению знаний генетики в медицине.

Выводы

Анализ материала, проведенный в статье, позволяет сделать следующие выводы.

1. Пока генетика и теория эволюции развивались обособленно, генетика на том этапе своего развития не могла влиять на формирующиеся технико-экономические парадигмы.
2. В условиях плановой экономики, а также партийно-идеологического контроля в СССР технико-экономическая парадигма формировала технологическую.
3. Парадигма так называемой агробиологии была одновременно и научной, и технологической, и технико-экономической, тогда как парадигма классической генетики была лишь научной.
4. Когда соответствие технико-экономической парадигмы постулатам фундаментальной науки становится явным, соответствие ей приобретает

- и технологическая парадигма, сложившаяся в условиях идеологического контроля науки, что приводит к отмене парадигмы мнимой науки.
5. Мнимая наука – явление современной жизни, подлежащее изучению.
 6. Исследования проблемы мнимой науки не учитывают возможность естественного завершения идеологических кампаний через столкновение теории с технико-экономической парадигмой.
 7. Современные идеологические кампании могут быть прекращены, по аналогии с предыдущими, если их продолжение начнет создавать проблемы в решении конкретных практических задач, т. е. создавать технологическую парадигму, противоречащую технико-экономической парадигме.

Список литературы

1. Алпатов В.М. Марр, марризм и сталинизм // Философские исследования. 1993. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/alp93sp.htm> (дата обращения: 28.02.2023).
2. Депутат Думы на пленарном заседании зачитал написанный нейросетью текст» [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17044887> (дата обращения: 28.02.2023).
3. Животовский Л.А. Неизвестный Лысенко. М.: Т-во научных изданий КМК, 2014. 121 с.
4. Курепин А.А. Власть и наука. 1917–1937 гг.: на материалах Петрограда-Ленинграда. Дисс. ... докт. ист. н. СПб., 2004. 549 с.
5. Латур Б. Наука в действии. Следуя за учеными и инженерами внутри общества». СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. / 2 изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 3. 650 с.
7. Медведев Ж. Взлет и падение Лысенко. М.: Книга, 1993. 359 с.
8. Мысли о многом. Ульяновск: Оргкомитет Любимцевских чтений, 1997. 271 с.
9. Нейросеть написала дипломную работу на тройку. Студент РГГУ рассказал о своем эксперименте. [Электронный ресурс]. URL: <https://360tv.ru/tekst/obrazovanie/nejroset-napisala-diplomnuju-rabotu-na-trojku-student-rggu-rasskazal-o-svoem-eksperimente/> (дата обращения: 28.02.2023).
10. Постановление правительства Венгрии № 139/2015 от 12 октября 2018 г. «О перечне квалификаций, которые можно получить в высшем образовании, и о включении в список новых квалификаций. (VI. 9.) О внесении изменений в Постановление Правительства 30569», [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kozlonyok.hu/nkonline/index.php?menuindex=200&pageindex=kozltart&ev=2018&szam=158> (дата обращения: 28.02.2023).
11. За официалния език на Република Северна Македония. София: Издательство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2020. 63 с.
12. Proteste gegen Biologin. Humboldt-Uni sagt Gendervortrag ab // Der Spiegel. 3.07.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spiegel.de/wissenschaft/berlin-humboldt-universitaet-sagt-vortrag-von->

biologin-marie-luise-vollbrecht-ab-a-e5ec957e-39fb-46fa-8571-8f65f7f2e6a6 (дата обращения: 28.02.2023).

13. Barat E. Revoking the MA in Gender Studies in Hungary and Right-Wing Populist Rhetoric // *L'Homme Européenne Zeitschrift für Feministische Geschichtswissenschaft*. 2019. Heft 2. P. 135–144.
14. Caudill D.S. Expertise in Political Contexts: Latour Avec the Third Wave in Science and Technology Studies // *Law, technology and humans*. 2020. Vol. 2 (2). P. 1413–1430.
15. Derossi N. Rethinking Whitehead's influence and rethinking scientific practices // *Erasmus Student Journal of Philosophy*. 2020. 18. P. 8–20.
16. Dosi G. Technological paradigms and technological trajectories: a suggested interpretation of the determinants and directions of technical change // *Research Policy*. 1982. Vol. 11. P. 147–162.
17. Erlemann M. Menschenscheue Genies und suspekте Exotinnen. Die Ko-Konstruktion von Physik und Geschlecht in öffentlichen Diskursen. Dissertation. Wien, 2009. S. 398.
18. Giordano S. New Democratic Sciences, Ethics, and Proper Publics // *Science, Technology, & Human Values*. 2018. Iss. 3. P. 401–430.
19. Hofreiter A. Ideologische Verhaltensstarre zur Grünen Woche. [Электронный ресурс]. URL: <https://toni-hofreiter.de/ideologische-verhaltensstarre-zur-gruenen-woche/> (дата обращения: 28.02.2023).
20. Jylhä K.M. Ideological roots of climate change denial: Resistance to change, acceptance of inequality, or both? Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2016. P. 84.
21. Kany J. Die soziale Funktion der Wissenschaft. Wiederaufnahme eines Forschungsprogramms. Heidelberg, 2016. S. 35.
22. Kapeller A. Russische Geschichte. München: Beck, 2014. S. 108.
23. Kuhn Th.S. Die Struktur der wissenschaftlichen Revolutionen. Suhrkamp, 1976. S. 239.
24. Latour B. Down to Earth: Politics in the New Climatic Regime. Cambridge: Polity Press, P. 140.
25. Locqueneux R. Kurze Geschichte der Physik. Göttingen: Vadenhoeck & Ruprecht in Göttingen, 1989. S. 154.
26. Mendel G. Versuche über Pflanzen-Hybriden. Verhandlungen des naturforschenden Vereines in Brünn. B. IV (Abhandlungen 1865), Brünn, 1866. S. 3–47.
27. Oppenheim M. Hungarian Prime Minister Viktor Orban bans gender studies programmes // *Independent*. 2018. 25 October. 14:17 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/hungary-bans-gender-studies-programmes-viktor-orban-central-european-university-budapest-a8599796.html> (дата обращения: 28.02.2023).
28. Perez C. Technological revolutions and techno-economic paradigms // *Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics*. 2009. № 20, January. P. 26.
29. Solbu G. The Physiology of Imagined Publics: From a Deficit to an Ambivalence Model // *Science & Technology Studies*. 2018. Vol. 31. Iss. 2. P. 39–54.

REAL AND FALSE SCIENCE: THE PROBLEM OF DEMARCATION

A.A. Iakovlev^{1,2,3}, E.A. Pchelko-Tolstova¹

¹RUDN University, Moscow

²Advanced Engineering School of Moscow Polytechnic University, Moscow

³State Academic University of Humanities and Social Sciences, Moscow

Although ideological campaigns in science are often associated with the 20th century, they still exist today. In 2018-22, such campaigns occurred in Hungary, Bulgaria, Germany, and the United Kingdom. Instead of real science, a false one was created. This article presents the boundaries between real and false science, the criteria for their demarcation, and how they are demonstrated. The article also shows that in situations of ideological control over science, the scientific paradigm depended on the technological paradigm, which, in turn, depended on the techno-economic paradigm. Conclusions are drawn about the dependence of the technological paradigm on the techno-economic one and that modern ideological campaigns in science may come to an end if they begin to contradict technological and techno-economic paradigms.

Keywords: *paradigm, technological paradigm, techno-economic paradigm, Bruno Latour, Thomas Kuhn, Corolla Perez, Lysenkoism, Trofim Lysenko, Gregor Mendel, ideological control of science, genetics, agrobiology.*

Об авторах:

ЯКОВЛЕВ Алексей Александрович – заместитель декана по международным делам факультета естественных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы», г. Москва; преподаватель кафедры иностранных языков, старший преподаватель ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет», г. Москва («Московский Политех»), преподаватель кафедры философии науки и техники ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (ГАУГН), г. Москва. E-mail: yakovlev-aa@rudn.ru

ПЧЕЛКО-ТОЛСТОВА Екатерина Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы», г. Москва. E-mail: pchelko-tolstova-ea@rudn.ru

Authors information:

IAKOVLEV Alexey Alexandrovich – Deputy Dean for International Affairs of the Faculty of Sciences at the RUDN University, lecturer at the Department of Foreign Languages, Senior Lecturer at the Advanced Engineering School of Moscow Polytechnic University («Moscow Polytech»); Lecturer at the Department of Philosophy of Science and Technology at the State Academic University of Humanities and Social Sciences (GAUGN), Moscow. E-mail: yakovlev-aa@rudn.ru

PCHELKO-TOLSTOVA Ekaterina Alexandrovna – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages of the Faculty of Physical, Mathematical and Natural Sciences at the RUDN University, Moscow. E-mail: pchelko-tolstova-ea@rudn.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.03.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 12.04.2023.

УДК 101.8/140.8

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.037

ФИЛОСОФИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

С.В. Орлов

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения», г. Санкт-Петербург

В статье сделана попытка определить новые идеи и направления исследования, которые формируются в современной философии под воздействием информационной революции и необходимы для осмысления реальностей информационного общества. К числу таких идей отнесены: усложнение структуры объективной реальности и механизмов ее познания, развитие как баланс самодвижения и управления, исследование сетевых структур, их места в развитии материального мира и путей их осмысления в теории диалектики.

Ключевые слова: *информационное общество, виртуальная компьютерная реальность, квазиидеальность и квазисубъективность, самодвижение, управление, сетевые структуры.*

В настоящее время в философской науке формируется проблематика, которую можно условно назвать философией информационного общества. Говорить о целостной концепции, конечно, пока рано: она еще только начинает создаваться, да и само информационное, цифровое общество сформировано далеко не полностью. Однако некоторые узловые понятия и подходы к данному кругу проблем уже существуют. Полагаем, что для понимания путей развития современной России эти теоретические наработки будут полезны.

Начнем с наиболее фундаментальных категорий философской онтологии, которые в настоящий момент требуют своего уточнения и некоторого переосмысления – понятий материи и сознания, познания, развития, человека как мыслящего и трудящегося существа и т. п. Эти категории необходимо связать, совместить с такими новыми и важными в информационную эпоху понятиями, как информация, виртуальная реальность, компьютерная программа, компьютерный труд, компьютерный вирус, файл и другими. При этом возникающие между учеными разногласия наводят на мысль об исторической аналогии в вопросе о различении объективной и субъективной реальности между нашим временем и эпохой кризиса в физике на рубеже XIX–XX вв. Так, Эрнст Мах попытался построить модель познания, игнорировавшую сложные процессы перехода материального в идеальное и идеального в материальное в человеческом познании и трудовой деятельности. Он, как известно, разработал представление, что и мир, и человеческий опыт состоят из нейтральных «элемен-

© Орлов С.В., 2023

тов». «Эти элементы, – пишет Э. Мах в «Анализе ощущений», – известны в психической области как ощущения, а в области естественно-научной – как физические свойства, но сами по себе они идентичны, а только различны в зависимости от точки зрения, с которой они рассматриваются. Это приводит к дальнейшему упрощению и обобщению метода» [11, с. 42]. Выход из кризиса был найден, как известно, на основе материалистической методологии А. Эйнштейна, которую философски обосновывал также В.И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме».

В современной российской философии тоже разделились мнения по вопросу о взаимодействии материального и идеального в познавательных и информационных процессах. Некоторые исследователи среди основных свойств информации прямо называют «нематериальность» (см.: [4, с. 142]). К.К. Колин приводит простой пример механического отражения: в результате столкновения объект **В** оставляет вмятину **С** на поверхности объекта **А**. «Этот новый объект **С** не является материальным, и поэтому он должен рассматриваться как объект идеальной реальности» [6, с. 142]. Таким образом, даже простейшие информационные процессы в природе порождают идеальное. В то же время И.М. Гуревич и А.Д. Урсул полагают, что в описании информационных процессов должен быть найден некий баланс материального и идеального, раскрыто их взаимодействие. «Информация... присуща как идеальному, так и материальному» [1, с. 10]. При разграничении материального и идеального будет логично опереться на опыт психологии и физиологии высшей нервной деятельности, который Д.И. Дубровский хорошо резюмировал еще до эпохи Интернета: «*Определение идеального в качестве субъективной реальности является исходным и должно сохранять свое значение во всех контекстах, где употребляется категория идеального. В противном случае категория идеального утрачивает смысл*» [2, с. 18].

Мы считаем целесообразным попытаться описать сложные взаимодействия материального и идеального в информационных процессах путем анализа особой сферы объективной реальности, созданной человеком только в информационную эпоху – *виртуальной компьютерной реальности* (см.: [12]). Эта реальность представляет из себя новую, специфическую сферу материального мира, может быть, даже особую искусственно созданную человеком неосновную форму материи. Виртуальная компьютерная реальность, в отличие от сознания, от идеальных мысленных образов, имеет строго определенную пространственную локализацию вне человеческого организма. Все ее содержание записано на магнитных частицах, диполях, на носителях информации – жестких дисках, флэшках и т. п. Массивы этих материальных частиц школа научной философии Пермского государственного университета называет также «абстрактными материальными структурами». Подобно человеческому мозгу, виртуальная компьютерная реальность хранит информацию и участвует в ее переработке, т. е. выполняет некоторые функции идеальных мысленных образов. По-

этому ее бывает трудно отделить от нематериальной, идеальной реальности. В действительности можно показать, что виртуальная компьютерная реальность обладает свойствами, которые только внешне, только отчасти напоминают главные свойства сознания – идеальность и субъективность. Эти свойства виртуальной реальности можно назвать «квазиидеальностью» и «квазисубъективностью».

Традиции школы И.П. Павлова и российской психологии позволяют дополнить подход Д.И. Дубровского и дать более полное определение идеального: *идеальное* – это способ существования свойств, отношений и характеристик материальных объектов не в объективной форме, на их собственном материальном субстрате, а на особом, универсальном материальном субстрате человеческого мозга в виде субъективных по форме мысленных образов, копий материальных предметов (см., напр.: [8, с. 189–194]). *Квазиидеальность* компьютерной виртуальной реальности проявляется в том, что содержание компьютерной программы и созданного с ее помощью информационного контента файлов – это тоже не собственные свойства записывающих и сохраняющих их магнитных частиц. Это содержание уже познанных человеком предметов и процессов, которые отражены в программе, в контенте файлов. На изучение, а также преобразование этих предметов и явлений в технологических процессах материального производства программа и направлена.

Субъективность сознания проявляется в его закрытости от постороннего наблюдения. Мысленные образы (ощущения, понятия) существуют только для данного субъекта и в своей субъективной форме не могут быть переданы никому другому. *Квазисубъективность* программного продукта также проявляется в его замкнутости, скрытости от внешнего наблюдателя. Внутреннее содержание программы обычно недоступно ни для кого, кроме программистов, владеющих специальными кодами, изначально заложенными в программу при ее создании.

Квазиидеальность и квазисубъективность отличаются от подлинной идеальности и субъективности сознания и не превращают компьютерные программы или информационные процессы в идеальное, духовное, субъективное бытие. Виртуальная реальность создается как *особый материальный посредник* между человеческим мышлением и традиционным предметным, человекообразным материальным миром, в котором продукты мысли материализуются, опредмечиваются. Она является особой частью объективной реальности. Усложняется, таким образом, структура самой объективной реальности, а не просто наше знание о ней. Эти особенности компьютерной виртуальной реальности имеют не только теоретическое значение, но и влекут за собой далеко идущие практические, материальные, так сказать, последствия.

Прежде всего, усложняется путь материализации человеческой мысли в практической деятельности. Животное, как отмечал еще К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», воздействует на

природу непосредственно своим телом и поэтому ограничено его возможностями, производит «по меркам своего вида» [9]. Человек использует орудия труда и не ограничен в воздействии на природу своими физическими возможностями, производит уже «универсально», по меркам любого вида. Машинная техника еще больше усиливает возможности человеческого труда. Компьютерная техника позволяет до какой-то степени преодолевать границы возможностей управленческой функции нервной системы человека. Это возможно потому, что на пути материализации, опредмечивания мысленного образа в материальной вещи прибавилось еще одно переходное звено – компьютерная программа, способная до известной степени автономно, без прямого вмешательства человека управлять технологическим процессом или же обрабатывать информацию, дающую приращение знания. С помощью компьютерной техники человек приобретает способность решать принципиально новые классы задач как в области познания, так и в области материальной трудовой деятельности.

Появление нового материального звена в процессах материализации мысленных образов – виртуальной компьютерной реальности – приводит к возникновению качественно новой формы труда – компьютерного труда. Компьютерный труд можно представить как современную форму открытого еще Марксом всеобщего труда, в котором начинается преодоление различий между трудом физическим и трудом умственным. Изменение труда как наиболее фундаментального явления человеческого общества влечет за собой глубокую перестройку личности. Поэтому работник компьютерного труда занимает в социальной структуре общества новую, особую позицию, отличающуюся от позиций работников традиционного умственного и физического труда. Многие новые и неожиданные явления общественной жизни начала XXI в. объясняются появлением этой новой для цивилизации социальной позиции, новых систем материальных и духовных интересов, новых путей их реализации.

Вторая важная проблема философии информационного общества – вопрос о соотношении процессов саморазвития и управления.

Хорошо известно, что полемика материализма и идеализма в XVII–XVIII вв. затрагивала проблему самостоятельности природного, материального мира, его способности существовать и развиваться без вмешательства духовного начала. Джон Толанд ввел в науку понятие *самодвижения* материи, которое приняли в свою философию Джозеф Пристли, Поль Анри Гольбах, Дени Дидро и материалисты последующих эпох. Исследование механизмов изменения, а затем развития материи происходило преимущественно на основе концепции самодвижения, что было совершенно естественно с исторической точки зрения: идея самостоятельности, самодвижения материи стала одним из главных аргументов в полемике с идеалистами. Никакой внешней причины, управляющей природой, не существует.

В российской материалистической философии XX в. начиная по крайней мере с работ В.И. Ленина тоже подчеркивалась необходимость

исследовать любые явления и процессы реального мира в их самодвижении, «спонтанейном» развитии, в их «живой жизни» (см. например: [7, с. 317]). На философском факультете ЛГУ, например, концепцию самодвижения материи специально разрабатывал проф. Ф.Ф. Вяккерев. Она вошла в фундаментальный пятитомный коллективный труд «Материалистическая диалектика» [10]. Аналогичные идеи сформулированы и в других многотомных трудах по диалектике, изданных в 80-е гг. XX в. Характерно, что стремление дистанцироваться от идеалистов, считавших, что на природу могут оказываться внешние управляющие воздействия, приводило к пониманию любого развития в основном только как самодвижения, саморазвития. В Санкт-Петербургском пятитомнике по диалектике, например, отмечается: «В принципе возможен такой тип развития (например, процесс, ведущий к повышению уровня организации), который определяется преимущественно внешними детерминантами» [9, с. 317]. Однако подробного анализа механизмов развития путем внешнего воздействия, внешнего управления обычно давать не пытались – этот тип материальных процессов оставался на периферии внимания философии вплоть до эпохи информационного общества.

Если весь материальный мир в целом находится в состоянии самодвижения и саморазвития, то отдельные процессы в его частях вполне могут происходить под внешним воздействием и контролироваться этим воздействием. Проще всего увидеть эту закономерность в сознательной деятельности человека. Ее называют *управлением* и изучают в основном в менеджменте как теорию социального управления, а также в технике как управление созданными человеком процессами и механизмами. Человеческий труд вообще, в широком смысле слова, можно трактовать как управление природными процессами, внешнее воздействие на вещество природы. Культура, техносфера, ноосфера изменяются не путем саморазвития, а как-то иначе, с помощью других механизмов. В цифровую эпоху созрели предпосылки для понимания управления как процесса философско-онтологического уровня, противостоящего самодвижению и саморазвитию материальных систем.

Предпосылкой формирования сознания послужило всеобщее свойство материи – свойство отражения. Аналогичным образом можно предположить, что социальные формы управления возникли, так сказать, не на пустом месте, а основаны на свойственных всей материи более простых процессах бессознательного взаимодействия материальных объектов. При этом взаимодействии один объект или процесс коренным образом изменяет состояние, поведение и направление развития другого объекта. Такой процесс, содержащий простые элементы управленческого воздействия, можно было бы обозначить особым термином – протоуправление, зачаточное управление, бессознательное управление и т. п. Явления этого типа, не укладывающиеся в жесткое представление о движении и развитии как исключительно самодвижении (саморазвитии), присутствуют на всех

уровнях организации материального мира. Это, например, воздействие Солнца на земную жизнь (А.Л. Чижевский), влияние катализатора на химическую реакцию, влияние хищников или окружающей среды на биологический вид (Ч. Дарвин), человека на биосферу и ноосферу (В.И. Вернадский), или, если смотреть еще шире, различные виды управляющего воздействия высших форм материи на низшие и низших на высшие. Здесь выявляются новые законы развития, которые нельзя целиком свести, например, к трем традиционным законам диалектики, сформулированным Гегелем. *Теперь важнейшим требованием к исследованию процесса развития оказывается установление взаимодействия, баланса между самодвижением и управлением.* Эта мысль уже формулируется математиками. Георгий Геннадиевич Малинецкий пишет: «...при решении многих проблем, связанных с инновациями, необходим синтез самоорганизации, которую исследует синергетика, и организации, которой занимается кибернетика» [8, с. 90]. Философы и математики приходят к постановке одной и той же задачи, хотя и используют немного разную терминологию.

Изучение процесса управления получило новый импульс в XX в. в результате создания технологий сознательного программного управления, на которых строится информационное общество. Программное управление имеет природный, бессознательный аналог – это генетический код. У него тоже возникают свои специфические механизмы развития. В обществе процесс управления закономерно привел к созданию цифровой техники, которая может функционировать только с помощью абстрактных материальных структур, искусственно созданных человеком. Эти структуры частично, в рамках материальных процессов, моделируют духовные, идеальные явления.

Программа как особый механизм развития материального мира привлекает внимание человека преимущественно после возникновения компьютерного программирования. Необходимость исследования взаимосвязи программирования и развития обусловлена также тем, что не только ряд новых технических задач неразрешим без методов программирования, но и понимание некоторых природных явлений – прежде всего жизни – недостижимо без раскрытия программных взаимодействий в объективном мире. В биологии «попытки сформулировать законы наследственности помимо Менделя и менделизма оставались бесплодными», констатирует известный генетик академик С.Г. Инге-Вечтомов [3, с. 547]. Появление в живом веществе объективно существующего механизма программирования означает, что развитие жизни не удастся адекватно описать без сознательной фиксации и исследования этого механизма.

Наконец, третья важная проблема – усложнение базовой модели развития, управления и планирования в условиях информационного общества.

В 1984 г. на конференции «Развитие. Предвидение. Планирование» (см.: [13]) обсуждались две базовые модели планирования и управления –

слабо иерархизированная система и многоуровневая хорошо иерархизированная система. При планировании и управлении по принципу слабо иерархизированной системы информация с нижних уровней организации общества передается на верхние уровни, там принимаются решения и вниз транслируются обязательные к исполнению команды. При организации по принципу многоуровневой иерархизированной системы власть и информация не концентрируются наверху, а распределяются между разными уровнями в соответствии с их компетенциями и возможностями принимать правильные решения. Сохранилось много свидетельств о проблеме распределения полномочий в социальной иерархии советского периода. Этот вопрос все время оставался спорным, на его решение влияли экономические и политические интересы.

В цифровом обществе ситуация усложнилась. Во-первых, работа с информацией по новейшим технологиям, казалось бы, облегчает задачу собирать и обрабатывать все большие массивы данных и принимать решения на высшем уровне с полным учетом конкретных местных условий. Однако в реальности это не до конца получается. Во-вторых, главное в том, что возник новый способ организации планирования, управления и взаимодействия вообще – сетевой. Как показывает М. Кастельс, сетевые взаимодействия глубоко перестроили экономику и политику (см.: [5]). Возникшая при этом логика требует еще одной корректировки концепции развития – его механизмы изменяются теперь под воздействием сетевого принципа, который существовал уже ранее в природе и обществе, но до создания современных информационных технологий не привлекал особого внимания ученых. М. Кастельс подробно описывает возникновение сетевых структур в информационном обществе. Однако исследование сетевых структур есть нечто большее – это новый универсальный аспект диалектики, так же как и баланс самодвижения и управления. Сеть встречается практически везде – в экономике это любой рынок (тут накоплен большой опыт регулирования сетевых отношений), сеть – это биологический вид, биоценоз, ноосфера в целом.

Итак, в философии информационного общества в настоящее время приобретают важное значение три идеи:

1. Усложнение структуры объективной реальности и механизмов ее познания.
2. Развитие как баланс самодвижения и управления.
3. Исследование сетевых структур, их места в развитии материального мира и путей их осмысления в теории диалектики.

Список литературы

1. Гуревич И.М., Урсул А.Д. Информация – всеобщее свойство материи: Характеристики, оценки, ограничения, следствия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 321 с.
2. Дубровский Д.И. Проблема идеального. М.: Мысль, 1983. 228 с.

3. Инге-Вечтомов С.Г. Генетика с основами селекции: учебник для студентов высших учебных заведений / 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Изд-во Н-Л, 2010. 720 с.
4. История информатики и философия информационной реальности: учеб. пособие для вузов / под ред. чл.-корр. РАН Р.М. Юсупова, проф. В.П. Котенко. М.: Академический проект, 2007. 429 с.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
6. Колин К.К. Философия информации и структура реальности: концепция «четырех миров» // Информационное общество. 2013. № 2. С. 136–147.
7. Ленин В.И. К вопросу о диалектике. // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 29. С. 316–322.
8. Малинецкий Г.Г. Синергетика – новый стиль мышления: Предметное знание, математическое моделирование и философская рефлексия в новой реальности. М.: ЛЕНАНД, 2022. 288 с.
9. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: в 50 т. / изд. 2. М.: Издательство политической литературы, 1974. Т. 42. С. 41–174.
10. Материалистическая диалектика: в 5 т. / под общ. ред. Ф.В. Константинова и В.Г. Марахова; отв. ред. Ф.Ф. Вязькевич. М.: Мысль, 1981. Т. I. Объективная диалектика. 374 с.
11. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 304 с.
12. Орлов С.В. Виртуальная реальность как искусственно созданная форма материи: структура и основные закономерности развития // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. № 1. С. 12–25. [Электронный ресурс] URL: <http://fikio.ru/?p=2056> (дата обращения: 01.04.2023).
13. Развитие, предвидение, планирование. Межвузовский сбор. науч. тр. Пермь: Пермский университет, 1984. 164 с.

PHILOSOPHY IN THE INFORMATION SOCIETY: SOME KEY PROBLEMS

S. V. Orlov

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg

The article attempts to identify some new ideas and areas of research that are formed in modern philosophy under the influence of the information revolution and are necessary for understanding the realities of the information society. These ideas are as follows: the complication of the structure of objective reality and the mechanisms of its cognition, development as a balance of self-movement and control, the study of network structures, their place in the development of the material world and ways to comprehend them in the theory of dialectics.

Keywords: *information society, virtual computer reality, quasi-ideality and quasi-subjectivity, self-movement and control, network structures.*

Об авторе:

ОРЛОВ Сергей Владимирович – профессор, доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», главный редактор сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», г. Санкт-Петербург. E-mail: orlov5508@rambler.ru

Author information:

ORLOV Sergei Vladimirovich – Professor, PhD (Philosophy), Professor of the History and Philosophy Department, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint-Petersburg. E-mail: orlov5508@rambler.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 18.03.2023.

УДК: 1+122

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.046

ЧЕЛОВЕКОРАЗМЕРНОСТЬ И НАДЫНДИВИДУАЛЬНОСТЬ КАК КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА

И.А. Беляев¹, А.М. Максимов²

¹ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург

²ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный аграрный университет»,
г. Оренбург

Статья посвящена рассмотрению художественного образа в культурно-антропологическом измерении. Показывается, что этому феномену свойственны человекоразмерность и надындивидуальность, которые трактуются как принципы его существования. В процессе исследования анализируются смысл и основные сферы существования художественного образа, обнаруживаются и детализируются особенности проявления указанных принципов. Философский поиск позволил определить, что принцип человекоразмерности является главенствующим, а надындивидуальности – дополнительным.

Ключевые слова: художественный образ, человек, культура, существование художественного образа, принцип человекоразмерности, принцип надындивидуальности.

Художественный образ, порождённый творчеством человека, находит воплощение в литературном персонаже, изображении на картине и т. п. Целью его создания может оказаться передача информации, выражение чувств, формирование или воспроизведение определённой эмоциональной атмосферы. Можно предположить, что в любом случае существование художественного образа подчиняется определённым принципам. Думается также, что представления об этих принципах, соответствующие реальному положению вещей, допустимо полагать предпосылкой верного истолкования сути не только самого художественного образа и того произведения, неотъемлемой составляющей которого он является, но и внутреннего мира автора, тончайших движений его души. Раскрытие особенностей человекоразмерности и надындивидуальности как культурно-антропологических принципов существования художественного образа представляет собой актуальную проблему. Противоречие, лежащее в основе данной проблемы, является вполне очевидным. С одной стороны, понятие художественного образа широко используется в философии и иных сферах социально-гуманитарного знания. Понятия человекоразмерности и надындивидуальности также нашли реальное, пусть пока и ограниченное, применение в исследованиях соответствующей направленности. С другой стороны, степень разработанности вопросов, непосредственно касающихся

© Беляев И.А., Максимов А.М., 2023

человекообразности и надындивидуальности художественного образа, весьма невысока. Методология исследования базируется на установках синтетической парадигмы Д.В. Пивоварова [6]. В процессе изысканий использовался диалектический подход, эвристические потенции которого воплощались в жизнь посредством применения комплекса аналитико-синтетических и экстраполятивных операций.

Начнём с понятийно-терминологической рефлексии, в процессе которой должны быть прояснены базовые принципы существования, человекообразности и надындивидуальности. Термин, служащий для обозначения принципа существования, является составным. Проанализируем значения его составляющих и представим их в синтезированном виде. Под принципом будем понимать, в частности, «1) исходное, не требующее доказательств положение теории (то же, что аксиома или постулат); 2) внутреннее убеждение, неизменная позиция или правило поведения (то же, что максима или заповедь)» [8, с. 346]. Впрочем, допустимы и иные варианты истолкования рассматриваемого термина. В контексте предлагаемого исследования оптимальным будет определение принципа как теоретически оформленного положения, содержание которого лежит в основе представлений о сущности и существовании какого-либо фрагмента действительности. Если существование признаётся одним из аспектов бытия; то соответствующий термин принято применять «для характеристики внешних проявлений бытия, вещи или явления» [7, с. 75]. Поэтому далее принципом существования мы будем именовать теоретически оформленное положение, составляющее основу представлений о внешних проявлениях какого-либо фрагмента действительности.

Понятие человекообразности, т. е. человеческой интерпретации всевозможных жизненных реалий, каким-либо образом соприкасающихся с человеком и преобразованных этим соприкосновением, введено в философский обиход М.К. Петровым (см.: [4; 5]). Признание того или иного фрагмента действительности человекообразным будет отражать подлинное положение вещей только при наличии «двух относительно независимых источников определённости, один из которых локализован вне нас, объективен, а другой локализован в самом человеке, в его ментальных и физических возможностях» [5, с. 16]. Однако, как отмечает автор, «человеческую размерность, скажем, столов или стульев, утюгов или будильников особенно доказывать не приходится» [5, с. 10], то с некоторыми иными сосуществующими с ними феноменами всё обстоит не так просто. В частности, вряд ли кто-то станет всерьёз заявлять о том, что рассматриваемому нами художественному образу человекообразность несвойственна. Однако и аргументированно продемонстрировать справедливость обратного с ходу тоже мало кому удастся; тут, по крайней мере, в наше время, требуются если не специальные исследования, то хотя бы целенаправленные размышления.

Под надындивидуальностью какого-либо феномена мы понимаем его оторванность от уникального содержания жизненных практик конкрет-

ных людей, отсутствие устойчиво сохраняющихся связей как с внутренним миром, так и с внешними проявлениями кого бы то ни было. Надындивидуально то, освоение чего требует от людей выхода за пределы, актуальные для их сугубо личного повседневного существования. Само надындивидуальное при этом возникает путём отрицания не только единичного, что очевидно, но и, в какой-то степени, частного. Употребление термина «надындивидуальное» в культурно-антропологическом контексте призвано подчеркнуть, что речь идёт о всеобщем применительно к культурам и людям, выступающим их носителями, вне зависимости от того, что в некоторых случаях обсуждаемое может показаться (да и, в конечном счёте, являться) обладателем признаков единичного и/или частного. Художественный образ, соответственно, сохраняет свою изначально-сущностную человекообразность, однако, наряду с этим, непременно обретает надындивидуальность и достаточно явственно проецирует её вовне. Человекообразность и надындивидуальность представляют собой конкретные примеры культурно-антропологических принципов существования художественного образа.

Художественный образ – это культурно-антропологический феномен. Непосредственно порождаясь человеком-творцом, данный феномен выступает олицетворением интенций его внутреннего мира. Вместе с тем, всякий человек является носителем определённой локальной культуры, внёсшей весомый вклад в его становление. Проживая свою жизнь в контексте культуры человек более или менее качественно усваивает присущее ей содержание, те профанные и сакральные идеалы, которые составляют её основу. Внося совместно с другими людьми посильный вклад в трансляцию и трансформацию этих идеалов, человек способствует реализации сложного, изобилующего противоречиями процесса воспроизводства родной для себя культуры. Поэтому художественный образ неизбежно должен быть признан также и опосредованным отражением совокупного содержания конкретной культуры, квинтэссенциальным выражением свойственных ей идеалов.

Стоит уточнить, что изначально «местом» существования художественного образа является художественное произведение, которое представляет собой неотъемлемую составляющую художественной действительности. Художественная действительность, в свою очередь, выступает столь же неотъемлемой составляющей содержания культуры. Смысл существования художественного образа заключается в способствовании раскрытия сугубо человеческой частицы абсолютной истины, т. е. той конкретно-жизненной правды, которая всецело соответствует специфике его собственного естества, а потому оказывается не только приемлемой для него, но и единственно доступной ему. Погружаясь в свойственные художественной действительности пространство и время, человек получает и усваивает определённую часть такой правды. Оказавшись в художественном пространстве, человек встречается с необходимостью корректирования какой-то части содержательного наполнения собственного мироотношения в соответствии с задаваемым «материей искусства» смещением па-

раметров реально существующих пространственных отношений. Пребывание в художественном времени ставит его в ситуацию обязательного отказа от учёта того, что события, «свидетелем» которых он становится, нередко развёртываются вне какого-либо согласования с фактическими временными соотношениями. Осваивая художественные пространство и время, внося вклад в их воспроизводство и развитие, человек, осознанно или неосознанно пытается найти путь к освоению подлинных пространства и времени, в совокупности составляющих онтическое основание его существования.

Нет сомнения в том, что художественные пространство и время могут исследоваться в отрыве друг от друга. Более того, в некоторых случаях их раздельное рассмотрение оказывается эвристически весьма эффективным. Тем не менее, стоит заметить, что общая продуктивность такого исследовательского подхода заведомо ограничена. Все возможные здесь ограничения являются следствием того, что в реальной жизни художественные пространство и время теснейшим образом связаны между собой. Причем, глубина и прочность связей между двумя этими феноменами столь велики, что в своей совокупности они составляют пространственно-временной континуум художественной действительности (хронотоп, если воспользоваться терминологией М.М. Бахтина).

М.Б. Храпченко, рассматривая связи художественно-образного творчества с действительностью, выделяет четыре сферы раскрытия (существования. – *И.Б., А.М.*) художественного образа. К ним, по мысли данного автора, относятся: «а) отражение и обобщение существенных свойств, черт действительности, представлений человека о мире, раскрытие сложности духовной жизни людей; б) выражение эмоционального отношения ко всему тому, что служит объектом творчества; в) воплощение идеала совершенного, красоты жизни, природы, создание эстетически значимого предметного мира; г) внутренняя установка на восприятие читателя, зрителя, слушателя, присущая образному творчеству и связанная с этой установкой потенциальная сила эстетического воздействия, которое отдельный образ и искусство в целом оказывали и оказывают на его “потребителей”» [10, с. 66–67]. Позитивное восприятие мысли автора и её экстраполяция на реалии настоящего исследования инициирует возникновение вопроса о мере проявления человекообразности и надындивидуальности художественного образа применительно к особенностям каждой из этих сфер. Должный, как мы полагаем, ответ на этот вопрос будет предложен ниже.

О человекообразности художественного образа в его литературном варианте один из авторов статьи уже писал ранее [11]. Здесь же мы полагаем уместным дополнить опубликованные материалы результатами вновь проведённых исследований, касающихся художественного образа как такового. Человекообразность, будучи первичной характеристикой и, как следствие, главенствующим принципом существования художественного образа, находит воистину тотальное проявление как в пространственной, так и во временной составляющих его существования. Вместе с тем,

она должна быть признана амбивалентной по причине того, что процесс её полноценного становления являет собой движение по двум кардинально различным направлениям, соответствующим основным линиям человеческой жизни. Согласно Е.Н. Трубецкому, первая из указанных линий «утверждается здесь, на земле, упирается в землю обоими концами. Другая, напротив, стремится прочь от земли, вверх» [9, с. 44]. Существование художественного образа есть, с одной стороны, специфическое отражение горизонтальной линии жизненных устремлений, характерных для всякого представителя человеческого рода. Двигаясь по данной линии, человек воплощает в жизнь собственные природно-социальные потенции. С другой стороны, в существовании художественного образа находит вполне очевидное отражение и вертикальная линия человеческих устремлений. Процесс движения по этой линии предполагает раскрытие присущих человеку духовных, то есть собственно человеческих потенций.

Причастность художественного образа к двум заметно различным направлениям развития человеческого существа создаёт впечатление принципиальной раздвоенности его человекообразности, т. е. наличия в ней двух разнокачественных сторон. Данные стороны нельзя воплотить в жизнь однопространственно и одновременно даже частично, однако они не находятся в отношении однозначного противоречия. В самом деле, даже если отношение между ними априори объявить противоречием, то с формально-логической точки зрения его следует отнести к числу мнимых. Но так как мнимое противоречие является противоречием только по названию, то, скорее всего, обсуждаемое отношение придется квалифицировать как состояние частичной совместимости и взаимодополнительности. Более того, мнимой надо будет признать и возможность автономного существования рассматриваемых сторон. Как бы то ни было, вне зависимости от складывающихся обстоятельств, образ, являющийся элементом художественной действительности, взаимодействует с иными образами, выступая как целостность, проявляя органическое единство двух сторон своей человекообразности.

Далее необходимо, вслед за А.С. Мигуновым, констатировать наличие трёх основных уровней существования художественного образа и творчески интерпретировать, основательно переработать излагаемые им положения применительно к специфике обсуждаемых вопросов (см. подр.: [3]). Первый уровень существования художественного образа – это образ-замысел; рождение образа оказывается возможным в условиях наличия проблемной ситуации, которая осознаётся автором, эмоционально переживается им и им же разрешается посредством интуиции, озарения, вдохновения, претерпевания мук творчества. Творческий акт, порождающий художественный образ, многомерен и многогранен. При этом в каждом конкретном случае главенствующую роль в определении того, «что», «где» и «когда» творить, играет специфика мироотношения человека-творца, и

прежде всего – та составляющая данного феномена, которую допустимо именовать интенцией к проецированию себя вовне.

Именно поэтому в любых обстоятельствах человек-творец непременно создаёт уникальный вариант конкретно-жизненного воплощения принципа человекообразности существования художественного образа. Воплощаемый принцип обретает атрибутивность применительно к содержанию образа. Всё остальное в содержательном наполнении этого образа, скорее всего, возникает и разрабатывается автором во вторую и последующие очереди, «подстраивается» под те проявления человекообразности, которые существуют уже в недрах изначальной художественной идеи, рождаются вместе с ней. Полноценная же редукция художественного образа как такового к то ли осознаваемой, то ли неосознаваемой самим его создателем основополагающей идее если и возможна, то заведомо бессмысленна; это верно, применительно к тому фрагменту художественной действительности, в рамках которой данный образ существует. Второй уровень – это художественное произведение; находя воплощение в определённом произведении, художественный образ претерпевает существенные преобразования, усваивает его видовое, жанровое, стилистическое своеобразие, вступает в диалоговые, а в идеале – симбиотические отношения с иными образами данного произведения, обретая при этом новые уникальные свойства, неповторимые краски. Взаимовлияние прямо или косвенно соприкасающихся образов неизбежно отражается на изначальноточностном содержательном наполнении каждого из них. Нередко оказывается, что развитие какого-либо художественного образа протекает не совсем так (а то и совсем не так), как это замыслил автор. Факторами, определяющими «жизненный путь» конкретного образа, становятся его собственные потенции и проистекающие из них интенции, чьё воплощение происходит в тех условиях, которые складываются в рамках художественного произведения.

Третий уровень – это образ-восприятие; воспринимая художественный образ, его адресат – читатель, зритель или слушатель – обнаруживает в нём нечто конгениальное тем или иным составляющим собственного мироотношения. Соответственно в каждом отдельном случае изначальный образ предстаёт в одной из своих возможных модификаций. Характер трансформаций художественного образа, происходящих по ходу его восприятия адресатом, свидетельствует о том, что процесс обретения им автономии, начавшийся ранее, доходит до тех границ, преодоление которых означает переход образа в качественно новое состояние. Состояние образа, проистекающее из обще- и частноситуативного интенционального своеобразие мироотношения автора и опосредуемое внутренней динамикой произведения, преобразуется посредством его проецирования на актуальное содержательное наполнение мироотношения адресата. Возникающие модификации художественного образа многомерны, то есть практически неисчерпаемы и в количественном, и в качественном отношениях. При-

мерно так же может характеризоваться и присущая существованию образа человекообразность. Стоит заметить, что на этом уровне богатство содержательного наполнения человекообразности существования художественного образа становится наиболее явственной.

Выделение уровней существования художественного образа и соответствующих каждому из них особенностей его человекообразности имеет сугубо инструментальный характер. Оно может выступать, в частности, как основание консолидирования и иерархизирования представлений о культурно-антропологической многомерности художественного образа. Вместе с тем, исследователю не стоит ожидать от этого выделения сколько-нибудь значительной эвристической ценности стратегического плана, стабильно обеспечивающей не только объяснение, но и прогнозирование «жизненных путей» художественного образа. Дело в том, что существование художественного образа далеко не всегда является жёстко запрограммированным движением от первого уровня через второй к третьему. Зачастую здесь имеет место симбиотическое единство плавных и скачкообразных переходов от «большого» уровня к «меньшему» и обратно.

Точкой отсчёта последующих рассуждений выступает констатация принципиально безальтернативной вовлечённости человеческого естества, как индивидуального, так и надындивидуального, в процессы порождения и последующего существования художественного образа. Более того, есть резон в том, чтобы недвусмысленно заявить о субъектной включённости автора в процесс внеавторского и даже транскультурного существования художественного образа. В реальной жизни обычно всё выглядит так, будто бы подлинный автор «отделившегося» от него образа и сам оказывается едва ли не полностью «отделённым» от него. Отметив это, стоит сразу же подчеркнуть, что полная надындивидуальность художественного образа, «отделившегося» от своего создателя, является только кажущейся. Ведь на самом деле, даже если тот или иной образ действительно становится практически недостижимым для поддерживающих и трансформирующих воздействий со стороны автора, его содержание не утрачивает элементов, порождённых этими воздействиями. Более того, адресаты образа не могут неверно воспринимать, усваивать и воспроизводить абсолютно все элементы его содержания; во многих случаях хотя бы некоторые из них воплощаются во внеавторском варианте практически без искажений. Так что же представляет собой «надындивидуальность» применительно к художественному образу? Полагаем, что информационно полноценный ответ на данный вопрос непременно должен содержать указания на то, что: (1) художественный образ, являющийся продуктом сугубо индивидуального, за редким исключением, творчества, после своего обнародования становится доступным практически любому заинтересованному в этом человеку. Однако никому не дано «закрепить» его за собой; (2) он характеризуется внутрикультурной мультилокальностью, что означает его способность и склонность к взаимодействию с другими образами в рамках исходного для

него художественного произведения, к проникновению в другие произведения и налаживанию новых контактов с иными образами в их рамках, к освоению доступных фрагментов культуры в целом и оказанию влияния на присущее им содержание; и, наконец, (3) ему свойственна интенция к выходу за пределы своей изначальной культуры, внедрение в пространство иных культур, внесение изменений, обычно ничтожных, но иногда и существенных, в художественно-образное отображение свойственных им идеалов.

Само содержание конкретного образа продиктовано, с одной стороны, содержанием реалий наличной художественной действительности, являющейся неотъемлемой составляющей актуальной культуры, а, с другой стороны, порождено созидательными усилиями человека-творца, трудом его души, самоотрицающим и самовозвышающим духовным поиском. Применительно к порождению художественного образа принципиально важно признать как одно, так и другое. Тем не менее, по завершению творческого акта вновь возникший образ вполне очевидно для независимого наблюдателя «отделяется» от своего создателя и, внедрившись в пространственно-временной континуум художественной действительности, начинает существовать как одна из его составляющих, диффузирующих в иные фрагменты содержательного наполнения культуры.

Но является ли «отделение» художественного образа от своего создателя «очищением» присущего ему содержательного наполнения от своеобразия породившего его индивидуального внутреннего мира? Положительный ответ здесь совершенно неочевиден. Тем не менее, образ усваивается другими людьми, вольно или невольно интерпретируется ими в соответствии с интенциями собственного мироотношения и со смыслозадающим содержанием идеалов актуальной для них культуры. Будучи воспроизведённым, этот образ в каждом конкретном случае оказывается носителем каких-либо ранее отсутствовавших признаков, привнесённых в его содержание конкретными людьми.

Необходимо обратить внимание на некоторую парадоксальность надындивидуальности существования художественного образа. Думается, что такая квалификация в данном случае вполне допустима, поскольку реальность её проявлений, с одной стороны, самоочевидна, но, с другой стороны, спорна с точки зрения строгой формальной логичности. Выше было представлено наше отождествление смысла существования художественного образа со способствованием раскрытию индивидуальной человеческой конкретно-жизненной правды. Если это отождествление верно отражает реальное положение вещей, а под индивидуальной правдой понимается исключительно правда человека-творца, то всё надындивидуальное должно оказаться, как минимум, побочным по отношению к человекообразному художественному образу и, как максимум, чуждым ему. Однако человек-творец де-факто не имеет реальной монополии на «использование» созданного им образа. В то же время доступ к этому образу и воз-

можность как-либо воздействовать на него может, в принципе, обрести всякий иной человек.

Анализ генезиса художественного образа с учётом данного обстоятельства свидетельствует о первичности его человекообразности, надындивидуальность же возникает как «побочный» продукт её функционирования. В самом деле, откуда ещё может возникнуть надындивидуальность художественного образа, не обладай последний изначальной человекообразностью? Думается, что проявление надындивидуальности выступает следствием спонтанного и, вместе с тем, социокультурно обусловленного селективного секвестирования человекообразности, предполагающего «введение моратория» на позитивное восприятие всего индивидуально-творческого в художественном образе и жёстком акцентировании всего репродуктивного в нём. При этом на практике в каждый момент существования художественного образа процессуально-результативное проявление человекообразности выступает фоном для проявления надындивидуальности. Принятие реальности такого положения дел позволяет квалифицировать принцип надындивидуальности существования художественного образа как дополнительный по отношению к принципу человекообразности.

Вернёмся к обозначенному выше вопросу о мере проявления человекообразности и надындивидуальности художественного образа применительно к особенностям каждой из сфер его существования.

При разработке данного вопроса стоит обратить внимание, что понятие «мера», получившее широкое распространение в различных сферах знания, не всегда используется с достаточной корректностью.

В философской литературе данное понятие определяется как «целостное единство качественной и количественной определенности предмета» [7, с. 42] или же «определитель свойств и качеств вещей, общности и особенности явлений действительности, своеобразия и продуктивности человеческой личности» [2, с. 478]. Можно, конечно же, привести и иные формулировки определений рассматриваемого понятия, однако в этом нет сколько-нибудь заметной нужды. Дело в том, что практически в каждой из них (или в комментариях к ним) присутствует либо прямое, либо опосредованное указание на традиционность использования понятия меры «в контексте отображения взаимосвязи количественных и качественных изменений» [1, с. 626].

Полагаем, что, если вести речь о *количественном* измерении проявлений принципов существования художественного образа, то здесь во главу угла надо поставить признаки интенсивности/экстенсивности (иначе говоря, активности, концентрации, значительности / пассивности, рассредоточенности, незначительности). Если же необходимо сосредоточиться на их *качественном* измерении, то в фокусе внимания должны оказаться признаки эксплицитности/имплицитности (явности, открытости, выраженности / неявности, скрытости, невыраженности). Учитывая данное обстоятельство, сформулируем обсуждаемый вопрос так: каково соотношение

количественных и качественных признаков проявления человекообразности и надындивидуальности художественного образа в отдельных сферах его существования? Представляется, что для достижения сколько-нибудь приемлемого уровня корректности ответа на этот вопрос целесообразно воспользоваться возможностями диалектического подхода к постижению действительности. Практика реализации этих возможностей предполагает учёт того, что сам художественный образ, художественное произведение как исходная сфера его существования, всё происходящее с ним в этой сфере и за её пределами, т. е. в рамках иных фрагментов содержательного наполнения культуры, характеризуется наличием многообразных взаимосвязей и перманентно протекающими изменениями.

В первой из сфер своего существования художественный образ концентрирует в себе и в снятом виде выражает признаки, присущие человеку. Сложности, присущие реальной жизни человека, особенно её духовной стороне, находят явное и/или подспудное отображение, в частности, в художественном образе. «Функционирование» образа в рамках и за рамками художественного произведения (художественная действительность, исходная локальная культура, иные культуры) создаёт весомые предпосылки для понимания человеком себя, того мира, в котором он живёт и его самоопределения в этом мире. В данной сфере своего существования художественный образ находит как количественные, так и качественные проявления. Применительно к обсуждаемой сфере человек со всей очевидностью выступает как альфа и омега существования художественного образа, а потому человекообразность в ней явно доминирует и в количественном, и в качественном отношении; в этой сфере она устойчиво проявляет признаки интенсивности и эксплицитности. Надындивидуальность же, напротив, вне зависимости от чего бы то ни было, оказывается заведомо вторичной и, соответственно, её удел – экстенсивность и имплицитность.

Во второй сфере художественный образ несёт в себе выражение эмоционального отношения человека-творца к отображаемому фрагменту действительности. Заметим, что создаваемый человеком художественный образ представляет собой объективацию не только рационального содержания его мироотношения, но и иррационального. При этом рациональный или же иррациональный характер могут иметь различные составляющие мироотношения, в частности – эмоции. Происходящая в процессе художественного творчества трансляция эмоционального отношения человека-творца к объекту творчества, а через него – ко всем доступным фрагментам действительности являет собой важный канал самореализации человека и, одновременно, его воздействия на своё окружение. Эта сфера, подобно предыдущей, характеризуется доминированием человекообразности; надындивидуальность занимает в ней субдоминантное положение. Тем не менее, количественная и качественная диспропорции обсуждаемых проявлений художественного образа в данном случае не так велики, как в первой сфере. Причина такого положения дел состоит в том, что в этом

случае интенсивность и эксплицитность совершаемых человеком-творцом действий ориентирована вовне, непосредственно – на создаваемый объект, а опосредовано – на всё иное, оказавшееся в пределах досягаемости.

Третья сфера является пространством воплощения сакральных и профанных идеалов, присущих локальной культуре, актуальной для человека-творца. Воплощая идеалы родной для него культуры в художественном образе, человек, по сути, создаёт уникальный авторский образ именно этой культуры. Сливая воедино и противопоставляя друг другу присущие ей сакральные и профанные идеалы, человек обогащает доступные фрагменты действительности новым эстетически ориентированным содержанием. В обсуждаемой сфере доминирование со стороны человекаразмерности, по крайней мере, явное, отсутствует. Вместе с тем, вести речь о доминировании надындивидуальности также не приходится. В данном случае имеет место вариант сравнительно гармоничного динамически устойчивого соотношения человекаразмерности и надындивидуальности. Здесь, в отличие от двух ранее рассмотренных сфер, значительно чаще обнаруживаются заметно различающиеся варианты соотношения интенсивности/экстенсивности и эксплицитности/имплицитности проявления принципов существования художественного образа.

Четвёртая сфера включает в себя внутреннюю установку адресата воздействий конкретного образа и актуальной для него художественной действительности в целом, а также эстетический эффект, возникающий как следствие реализации данных процессов. Человек, воспринимающий эти воздействия, вовлекается, де-факто, в сотворчество с автором художественного образа. Внося в усваиваемое содержательное наполнение художественного образа что-то новое, этот человек проникает в три другие сферы его существования. Данная сфера является единственной, в рамках которой надындивидуальность может достичь доминирования, пусть даже и эпизодического, над человекаразмерностью. Утверждая это, мы вовсе не имеем ввиду, что человекаразмерность утрачивает интенсивность и эксплицитность, что, обретая признаки экстенсивности и имплицитности, она проявляет их и только их. Проявление второй пары признаков отрицать нельзя, но их фиксация оказывается возможной только потому, что надындивидуальность в некоторых ситуациях оказывается способной продемонстрировать больше интенсивности и эксплицитности, чем в тех же пространственно-временных условиях доступно человекаразмерности.

Подводя итоги настоящего исследования, кратко зафиксируем основные положения, выработанные в процессе его проведения. Во-первых, человекаразмерность и надындивидуальность являют собой принципы существования художественного образа. Эти принципы должны быть признаны культурно-антропологическими на том основании, что их генезис и функционирование непосредственно сопряжены как с людьми, создающими, усваивающими и воспроизводящими художественные образы, так и с культурами, в рамках которых протекают соответствующие процессы. Во-

вторых, если принцип человекообразности действует едва ли не безгранично, то действие принципа надындивидуальности таким свойством не обладает. Его проявления оказываются возможными только на фоне проявлений принципа человекообразности, становящихся в данной ситуации более очевидными. Поэтому принцип человекообразности должен быть признан главенствующим, а принцип надындивидуальности – дополнительным. Полученные результаты обладают как теоретической, так и практической значимостью. Их экстраполяция на актуальное содержание таких сфер социально-гуманитарного знания, как искусствоведение, литературоведение, культурология и др. будет способствовать их развитию. Что же касается актуальных направлений философских изысканий, ориентированных на углубление и расширение знаний о художественном образе и принципах его существования, то к ним стоит отнести, в частности: выявление движущих сил и фундаментальных механизмов становления человекообразности и надындивидуальности художественного образа; раскрытие общего, особенного и единичного в отображении индивидуальности человека-творца в содержании создаваемого им художественного образа; интерпретацию получившего известность опыта создания художественных образов, осмысление путей обретения ими широкой популярности, выхода за пределы исходного художественного произведения и освоения доступных фрагментов содержательного наполнения культуры.

Список литературы

1. Грицанов А.А. Мера // Всемирная энциклопедия: Философия. М.: АСТ, Минск: Харвест – Современный литератор, 2001. С.626.
2. Кемеров В.Е. Мера // Современный философский словарь. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск: «ПАНПРИНТ», 1998. С. 478–479.
3. Мигунов А.С. Художественный образ // Словарь философских терминов. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 655–656.
4. Петров М.К. Системный подход и человекообразность теоретического мышления // Социология науки и технологий. 2012. № 3. С. 97–111.
5. Петров М.К. Человекообразность и мир предметной деятельности // Человек. 2003. № 1. С. 5–18.
6. Пивоваров Д.В. Синтетическая парадигма в философии: избр. статьи. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 536 с.
7. Современная философия: словарь и хрестоматия. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 511 с.
8. Суворов О.В. Принцип // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 346.
9. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни // Смысл жизни. М.: Республика, 1994. С. 4–220.
10. Храпченко М.Б. Горизонты художественного образа. М.: Художественная литература, 1982. 332 с.

11. Belyaev I. A. Human-Sizedness as a Principle of Existence for Literary-Artistic Image // EpSBS European Proceedings of Social AND Behavioural Sciences: Proceedings of the Philological Readings (PhR 2019), Orenburg, 2019. Vol. 83. London, United Kingdom: EPSBS European Proceedings of Social AND Behavioural Sciences, 2020. P. 560–567.

HUMAN SIZE AND SUPERIALITY AS CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL PRINCIPLES OF BEING-BECOMING OF AN ARTISTIC IMAGE

I.A. Belyaev¹, A.M. Maksimov²

¹Orenburg State University, Orenburg

²Orenburg State Agrarian University, Orenburg

The article is devoted to the consideration of the artistic image in the cultural and anthropological dimension. It is shown that this phenomenon is characterized by human size and supra-individuality, which are interpreted as the principles of its existence. During the study, the meaning and main spheres of the existence of the artistic image are analyzed, the features of the manifestation of these principles are discovered and detailed. Philosophical search made it possible to determine that the principle of humanization is dominant, and supra-individuality is additional.

Keywords: *artistic image, person, culture, existence of artistic image, principle of human dimension, principle of supra-individuality.*

Об авторах:

БЕЛЯЕВ Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социологии ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург. E-mail: igorbelyaev@list.ru.

МАКСИМОВ Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры английского языка и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный аграрный университет», г. Оренбург. E-mail: maksimov_a_m@mail.ru.

Authors information:

BELYAEV Igor Aleksandrovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Sociology, Orenburg State University, Orenburg. E-mail: igorbelyaev@list.ru.

MAKSIMOV Alexander Mikhailovich – PhD (Philosophy), Professor, Professor of the Department of English and the Humanities, Orenburg State Agrarian University, Orenburg. E-mail: maksimov_a_m@mail.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 12.06.2023.

УДК 130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.059

РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МИФОЛОГИЗИРОВАННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО СКАНДАЛА

В.Ю. Лебедев¹, А.М. Прилуцкий²

¹ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

²ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им.
А.И. Герцена», г. С.-Петербург

Информационный скандал как особая форма коммуникации позволяет участникам скандальной коммуникации задействовать стратегии языковой игры. Реализация этой стратегии позволяет перенести в виртуальную среду паттерны карнавального поведения. В результате карнавализации информационный скандал превращается в яркое, часто увлекательное игровое действие, формат которого позволяет участникам коммуникации реализовывать различные роли и игровые стратегии. В статье проанализировано восприятие информационных скандалов, обусловленных современными тенденциями в жизни западных христианских конфессий (католицизм, англиканство), формирующихся на маргиналиях православной культуры, обусловленные развитием лженаучных направлений и феноменов массовой культуры.

Ключевые слова: карнавал, информационный скандал, мифологизированный скандал, развлекательная функция.

Контент-анализ материалов, размещаемых в сети Интернет, в том числе комментариев, написанных читателями и зрителями, позволяет сделать вывод о том, что материалы, связанные со всевозможными конфликтами и скандалами, обладают особой востребованностью: их весьма охотно читают, смотрят и комментируют. Привлекательность скандала как особой формы коммуникации, безусловно, имеет психологические причины, но она не может быть полностью объяснена в рамках психологического подхода. Равным образом эта привлекательность обусловлена тем, что дискурсы скандала позволяют непосредственным и опосредованным участникам скандальной коммуникации задействовать особые герменевтические стратегии, которые обладают известной привлекательностью: языковые игры сегодня как никогда популярны в обществе.

Мы полагаем, что одним из наиболее успешных герменевтических стратегий популяризации скандальной коммуникации является карнавализация скандала, а именно придание дискурсу признаков «вербального карнавала». Реализации этой стратегии способствует ряд качеств коммуникации в сети Интернет, позволяющих с легкостью перенести в виртуальную среду паттерны карнавального поведения. Это:

© Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М., 2023

1. Потенциальная анонимность участников коммуникации: в случае классического карнавала анонимность обеспечивалась использованием масок и карнавальных костюмов, препятствующих узнаванию, в вербальном карнавале эти функции выполняет псевдонимный nickname участника.

2. Усвоение комментаторами игровых ролей, которые если полностью не соответствуют карнавальным ролям, то находятся с ними в известной корреляции. Набор таких ролей может быть достаточно значительным, он зависит не только от специфики конкретного скандала, но и от личных предпочтений участников коммуникаций.

3. Травестирование принятых в обществе иерархических кодов, позволяющее формировать в виртуальном пространстве карнавальные, по сути – шутовские аналоги иерархических страт, так, например, карнавальному королю, судье и епископу в определенной степени соответствуют роли «академика», пишущего с нарочитыми грамматическими ошибками, авторитетного эксперта, гордящегося очевидную для всех ахинею, адепта-поклонника, своими комментариями явно и целенаправленно дискредитирующего предполагаемый объект поклонения, борца с конспирологическим заговором, транслирующего очевидно нелепые и бессмысленные конспирологические мифологемы и т. д.

4. Возникновение интерпретационных интервалов: одни и те же события, тексты интерпретируются различно в зависимости от принадлежности интерпретаторов к разным референтным группам и задаваемых этими группами ситуаций, определяющих характер интерпретации.

Когда журналисты комментировали достаточно модернистские взгляды и инициативы архиепископа Кентерберийского Роуэна Уильямса, то в элегантном результирующем замечании о том, что его основная проблема состоит в том, что он не может запомнить, что является архиепископом Кентерберийским, присутствует явная ироническая заинтересованность, соединенная с отстраненностью и соответствующим модусом восприятия и оценки проблем. Для комментариев со стороны тематика и содержание высказываний архиепископа вполне служат источником материала для острот, фельетонов, скетчей. Для самих внутрицерковных партий, серьезно вовлеченных в происходящее, особенно для консерваторов, ситуация явно была не развлекательной, а напряженной, проблематичной, наконец, откровенно драматической.

Понтификат папы Франциска стал безусловно напряженным и драматичным для всех, серьезно вовлеченных в церковную жизнь, от иерархов до мирян. Катастрофичными события этого понтификата стали для традиционалистского церковного крыла: общее наращивание реформистского курса, фактический запрет Тридентской мессы, двусмысленные и провокативные заявления относительно однополых отношений означали фактически постановку точки не только в и без того не очень продуктивном диалоге последовательных традиционалистов (в лице Братства Св. Пия X) и официального Ватикана, но и угрозу для существования ряда

компромиссных организаций. Если при осторожном и относительно консервативном Бенедикте XVI речь уже зашла о возможности подписания предварительных документов с Братством, то однозначная церковная политика Франциска свидетельствует в пользу пессимистического взгляда: полная безрезультатность попыток диалога. Несколько загадочный уход папы Бенедикта на покой и дальнейшее сосуществование правящего папы и «папы на покое» (ситуация нетипичная для восприятия) внутри церкви воспринимались как серьезная и даже драматичная проблема. Но чем больше возрастает расстояние от центра событий к «периферии наблюдения», тем больше меняется восприятие вещей. Уже анонс книги арх. Г. Генсвайна инициировал очередную волну внутрицерковного скандала (если учесть, что наиболее яркие инициативы Франциска еще ранее порождали скандал), т. к. предполагалось откровенное повествование о напряженных отношениях двух пап и, в частности, о критической позиции Бенедикта по отношению к Франциску; это вызвало драматичное восприятие среди тех, кто всерьез озабочен церковной ситуацией, но для внешней читающей публики такого рода невеселая книга была просто очередным сочинением в жанре «разоблачения», которое обещает интересное и в целом именно развлекательное (хоть и со скандальными семантическими обертонками) чтение, вроде известной книги Д. Яллопа о смерти Иоанна-Павла I, являющейся не столько журналистским расследованием, сколько художественной литературой. Сочинения такого рода в первую очередь инициируют серьезные размышления о церковном курсе, но на другом полюсе семантического диапазона оказываются просто подборкой скандально-развлекательных фактов, воспринимаемых на фоне муссируемых СМИ скандальных сплетен о жизни куриальных кардиналов и т. п., не содержащих, несмотря на деланный пафос, никаких проблематизирующих и конструктивных посылов. Дальше находятся только повествования о «папессе Иоанне» и «ужасах двора Борджиа», о которых не случайно сняты два сериала с массой грубых исторических ошибок, впрочем, простительных для массового развлекательного кинематографа.

Вообще «ватиканские конфликты», тяжкие для многих, особенно с учетом переживания их как имеющих значение для спасения душ, воспринимаются извне как своеобразная игра с большим развлекательным потенциалом. Яркий пример этого – сериалы «Молодой папа» и «Новый папа». С одной стороны, их создатели достаточно точно представляли проблемы постсоборного Ватикана и католицизма в целом; после смерти Иоанна-Павла II среди консервативных католиков действительно присутствовали надежды, что следующим папой все же станет Пий XIII (фраза из фильма: «Пий XIII меняет курс»), так что появление в сериале папы с таким именем совершенно не случайно, как и сформулированный в одной из серий новый ультраконсервативный курс, который в принципе, с учетом упрощений, соответствует традиционалистским надеждам – как спасительный для Католической церкви. Также и шаржированный персонаж –

Франциск II – связан с достаточно хорошим пониманием не только специфики реформистского курса, но и конечной ценности полупопулистских акций с отзвуками теологии освобождения и т. п. Многими же эти сериалы рассматривались безрефлексивно, как чистый увлекательный вымысел, привязка которого к церковным реалиям является условностью (подобно тому, как сериал об эксцентричном цинике докторе Хаусе мог бы быть построен не на медицинском материале).

Аналогичным образом в рамках игрового паттерна многими воспринимаются информационные скандалы, возникающие в маргинальных кластерах православной семиосферы. Наиболее ярким примером последнего является реакция информационной среды на одиозные и экстравагантные заявления и акции Н.В. Романова, бывшего схиигумена Сергия. Анализ интенсивности комментирования и содержания комментариев, размещенных в YouTube, позволяет сделать вывод о том, что наибольший интерес вызвали следующие сюжеты:

1. «Крестный забег» по аналогии с крестным ходом.
2. Пение послушницами здравниц И.В. Сталину («Выпьем за родину, выпьем за Сталина...»).
3. Танцевальный номер с лентами в исполнении послушницы.
4. Провокативное заявление об «антихристе с силиконовой маской».

Анализ комментариев позволил выделить три значительные группы комментаторов:

- не критично воспринимающих любые, даже самые экзотические и экстравагантные действия Н.В. Романова, пытающихся найти в них глубокий духовный смысл,
- критикующих Н.В. Романова как раскольника, псевдостарца, некомпетентного в духовных вопросах человека, возможно находящегося в прелести,
- воспринимающих происходящее как игровое развлекательное действие, одновременно – как повод для остроумия.

Именно последний тип комментариев соответствует восприятию чудачеств бывшего схиигумена в рамках игрового паттерна. Монашеские и послушнические облачения участников акций, наличие иной религиозной и, в частности, монастырской семиотики, воспринимаются в этом случае как театральные декорации и реквизит, как часть художественного оформления сценического игрового действия.

Приведем несколько наиболее показательных комментариев, размещенных зрителями видеоматериала «Отлученный схиигумен Сергей бежит в Царствие Небесное! С соратниками!» [3].

- «Вы из какого общества, товарищи?
- Трудовые резервы.
 - А что, “Динамо” бежит?
 - Все бегут».

Очевидно, что парафраз диалога из советского художественного фильма «Джентельмены удачи» (1971), использованный в качестве тела комментария, свидетельствует об игровом восприятии события современного псевдо-монастырского быта.

В других комментариях игровые паттерны восприятия ситуации выражены более явственно. Так, например, комментаторы восприняли происшедшее как игровую реконструкцию, в частности: «Такое ощущение, что я смотрю какую-то реконструкцию из исторического фильма!!!!». Подобным значением обладают и интерпретации события в качестве игрового ремейка культового произведения Толкиена, ставшего основой для многочисленных подражаний, игровых реконструкций, компьютерных игр и различных произведений массовой культуры: «Гэндальф Белый гонит орков в Мордор. Конспирация высшего магического уровня».

Можно предположить, что для развития скандала оказалось продуктивным изначально инверсивное противоречие между относительно низким иерархическим статусом Сергея и его восприятием адептами: сформировалась ситуация, когда некий элемент иерархии обретает главенствующие свойства, формально оставаясь на прежней, подчиненной позиции [6].

Деятельность В. Чудинова, «новый подход в науке», сформировала два четко разделенных «лагеря» заинтересованных: сторонников и безусловных противников, относящих автора концепции и его сторонников к числу «лингвофриков» [10]. Существовала и небольшая группа тех, кто декларировал уважительное отношение к Чудинову как личности при неприятии его научных изысканий и новаций [1]. «Феномен Чудинова» интересен не в последнюю очередь как образец использования провозглашенного «возвращения к давно утраченным основам» славянской цивилизации в качестве прикрытия для популяризации вымышленных авторских конструкторов, ни к традиции, ни к архаике отношения не имеющих. Таким образом фундаменталистская риторика используется для пропаганды псевдо-модернистских мифологем [2].

В этом отношении показательное появившееся в 2009 г. ЖЖ-сообщество «Чудинология», в материалах которого (включая комментарии как полноценную часть дискурса) соединились две тенденции [9]. С одной стороны, публиковались материалы с серьезной научной критикой (при этом комментарии могли быть сочувственными по отношению к материалу, но выдержаны в рамках семиотики комического), с другой – происходило чистое вышучивание, без каких-либо допущений хотя бы потенциальной серьезности сообщений про различные «-глифы» (геоглифы, вегетоглифы и т. п., которые обобщенно называли чудиноглифами, предложив описать еще и такие «-глифы», расположение которых связано с телесным низом – ход типично карнавальным). Появляется и игровая лексика (помимо активного использования так называемого «олбанского языка» – например, «всем застрелиццо», «окодемег»), так, используются производ-

ные с префиксом «об-» (и его алломорфами), который в русском языке часто добавляется к корням с негативной семантикой (ср.: «обругать», «обделать», «оболгать»): «обчитать». Несмотря на семантическую нейтральность корня, указанный префикс провоцирует появление семантических коннотаций, усматриваемых по аналогии с уже привычными словами вроде «опачкать», что создает семантическую игру, мерцание между приличным и неприличным уже не вполне. Периодически использовались междометия вроде «Чу-чу-чу» с семантическими трансформациями, например, в качестве имени. Встречаются и лозунги вроде «За Фасмера», чье имя маркирует классику академической лингвистики. Для «экспертного прочтения» Чудинову предлагались слегка обработанные фотографии оштукатуренной стены, кожи слона – с обсуждением результатов таких дешифровок. В качестве микрожанров, формирующих дискурс, использовались словари («Краткий толковый словарь чудинолога») и юбилейные поздравления. Формируется типичная ситуация с разоблачением карнавальной псевдофигуры (это может быть лекарь, астролог и т. п.). Около 2016 г. первая, научно-критическая тенденция ощутимо минимизируется, уступая место второй, и публикации, и комментарии в основном начинают соревноваться в изощренности остроумия. Причины отказа от серьезного анализа публикаций Чудинова, по-видимому, состоят, в усиливающейся фольклоризации темы, меняющей семиотическую презентацию в соответствии с принципами динамики фольклора (так, классическая научная статья предполагает выраженное индивидуальное авторство и плохо инкорпорируется в дискурс фольклора), и в переходе Чудинова на чтение гелиоглифов и прочих «–глифов» в «тонком мире», что в принципе исключает научную критику, переводя всю ситуацию в регистр чистой эзотерики. Игровой компонент становится ведущим [8]. Поскольку в сообщениях Чудинова становится все меньше новизны, они стандартизируются, то и втягивать их в игру с заметным эффектом становится труднее, структурные элементы игрового сценария стабильны, но игровой материал становится рутинным, что для игры нежелательно. В итоге регулярность появления и объем материалов (включая и количество комментариев, диалоги участников в комментариях) на указанном ресурсе снижаются. Участники использовали вполне узнаваемые карнавальные маски в виде юзерпиков (часто подчеркнуто комического свойства, например, с изображением Ипполита из фильма «Ирония судьбы», генерала в исполнении А. Булдакова из «Особенностей национальной охоты»), никнеймов и пародийных самохарактеристик, не подразумевающих никакого серьезного отношения (к самим маскам, но не к мнениям, высказанным теми, кто является хозяином маски, реализовывался старый методологический принцип: важно не кто сказал, а что было сказано). Чудинов, периодически отвечая на деятельность «Чудинологии» таковое отношение проявлял или по меньшей мере имитировал, повышая значимость собственного образа жалобами и намеками на то, что из-за эпохальной важности его исследований против него ведут борьбу

некие могущественные силы. Иногда тексты комментариев содержали использование самых разных языков (например, при пасхальном поздравлении), что дополнительно подчеркивало и лингвистическую компетентность участников и их позиционирование в качестве защитников академической лингвистики, озабоченных проблемой вторжения «новых ученых».

Сообщество реагировало и на сдвиги взглядов, например, на учащение попыток Чудинова сблизиться с кругами «новых хронологов», хотя в этом случае взгляды на вопросы о древности событий оказывались существенно различными.

Показательно, что после смерти В. Чудинова «наследники его дела», позиционирующие себя в качестве носителей ведического эзотеризма, не смогли сохранить интерес аудитории, поскольку не обладали харизмой «странного профессора»: в их интерпретации лженаучные концепты перестают быть интересными даже и в качестве игрового феномена. Нелепость ситуации была обострена обнаружением семейных неурядиц Чудинова, которое привело к войне компромата, в которую включились как сторонники Чудинова, так и адепты другой стороны: все это не только способствовало дискредитации сторон, но и предало скандалу стилистику скоморошества, сопровождалось соответствующими разнообразными комментариями, задействующими низкие языковые регистры и семиотику телесного низа.

По близкому сценарию происходило карнавальное травестирование дискурсов «дятловедения», т. е. попыток «разгадать тайну Перевала Дятлова» в публикациях пародийного интернет-сообщества «Первый информационно-завлекательный дятловский единый центр» [4]. Отсылка к семантике и прагматике карнавала содержится уже в названии: эпитет «завлекательный» не только входит в семантическое поле «соблазн», но и ассоциативно по созвучию и морфологической структуре связан с развлечением, «завлекательный»–«развлекательный», тогда как карнавал прежде всего является развлекательным действием. Участники «дятловедческих дискуссий» позиционируют себя как преданных и убежденных адептов «дятловедения», что позволяет им в гипертрофированном, карнавальном виде представить «современное дятловедение» как феномен массовой культуры характеризующийся тягой к сенсациям, алогичными выводами, низкой речевой грамотностью и т. д. [5]. Подобные языковые игры способны формировать инвертивные версии дятловского мифа, что, в итоге, приводит к разрушению существующего мифологического комплекса [7], образованного ностальгическими и героическими мифологемами.

Очевидно, что популярность информационных скандалов, особенно развивающихся в сети Интернет, обусловлена не в последнюю очередь тем, что скандальная коммуникация способствует реализации игровых стратегий, что превращает участие в скандале в увлекательную игру, способную не только развлечь участников, но и стать поводом для проявления остроумия, создания игровых текстов и т. д.

Список литературы

1. Вести с полей [Электронный ресурс]. URL: <https://chudinologia.livejournal.com/456241.html> (дата обращения: 28.02.2023).
2. Головушкин Д.А. Религиозный фундаментализм/Религиозный модернизм: Концептуальные противники или амбивалентные феномены? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2015. № 1 (57). С. 87–97
3. Отлученный схиигумен Сергей бежит в Царствие Небесное! С соратниками! [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_NNk9T0rdnw (дата обращения: 28.02.2023).
4. Первый информационно-завлекательный дятловский единый центр [Электронный ресурс]. URL: <https://perdyat.livejournal.com/> (дата обращения: 28.02.2023).
5. Прилуцкий А.М., Лебедев В.Ю. Семантика и семиотика мифологизированного информационного скандала. СПб.: ООО «Медиакросс», 2021. 159 с.
6. Севостьянов Д.А. Инверсивный анализ в управлении. Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2017. 287 с.
7. Турышева О.Н. Гибель группы Дятлова в литературной мифологии и искусстве: от героизации – к профанации трагедии // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 2. С. 612–628.
8. Чудинов и Толкиен [Электронный ресурс]. URL: <https://chudinologia.livejournal.com/20550.html> (дата обращения: 28.02.2023).
9. Чудинология [Электронный ресурс]. URL: <https://chudinologia.livejournal.com/profile> (дата обращения: 28.02.2023).
10. Шутяк М. А. Разоблачение лингвофричества как способ обучения работе со словарями // Лепта: ежегодный научно-методический альманах. Вып. 6. Омск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический университет», 2021. С. 48–52.

ENTERTAINMENT POTENTIAL OF A MYTHOLOGIZED INFORMATION SCANDAL

V.Y. Lebedev¹, A.M. Prilutskij²

¹Tver State University, Tver

²Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

An information scandal as a special form of communication allows participants in scandalous communication to use the strategies of a language game. The implementation of this strategy makes it possible to transfer patterns of carnival behavior to the virtual environment. As a result of carnivalization, an information scandal turns into a bright, often exciting game action, the format of which allows communication participants to implement various roles and game strategies. The article analyzes the perception of information scandals caused by modern trends in the life of Western Christian denominations (Catholicism, Anglicanism), which are formed on the margins of Orthodox cul-

ture, due to the development of pseudoscientific trends and phenomena of mass culture.

Keywords: *carnival, informational scandal, mythologized scandal, entertainment function.*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии, Институт педагогического образования, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: Semion.religare@yandex.ru

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и религиоведения, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. С.-Петербург. E-mail: Alpril@mail.ru

Authors information:

LEBEDEV Vladimir Yurievich – PhD (Philosophy), docent, Professor, Professor Department of theology, Institute of pedagogical education and social technologies, Tver State University, Tver. E-mail: semion.religare@yandex.ru

PRILUTSKII Alexander Mikhailovich – PhD (Philosophy), Professor, Professor Department of sociology and religious studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg. E-mail: alpril@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.05.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2023.

УДК 130.2:114

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.068

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ГОРОДА: КОНФЛИКТ КУЛЬТУРЫ И ЭКОНОМИКИ

Н.М. Мухамеджанова, А.М. Максимов

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург

Актуальность темы исследования определяется тем, что в наши дни архитектурное наследие городов, придающее им уникальность, подвергается интенсивному разрушению. Цель исследования состоит в раскрытии значимости архитектурного наследия городов и причин его разрушения в регионах современной России. Исследование проводится с позиций основных положений теории постиндустриального общества и концепции культурного ландшафта В. Каганского. Современные проблемы в сфере сохранности архитектурного наследия России трактуются как проявление острого конфликта города и рынка, культуры и экономики. Особенности протекания этого конфликта рассматриваются на примере состояния архитектурного наследия г. Оренбурга.

Ключевые слова: культура, архитектурное наследие, город, индустриальная эпоха, постиндустриальная эпоха, рынок, экономика, культурный ландшафт, центр и периферия.

Зададимся вопросом, что делает любой город городом – не одним из тысяч поселений со значительным числом жителей, а уникальным, самобытным явлением, хранящим в себе дух местного сообщества, его историю и культуру, что определяет любовь к нему жителей города и его гостей? Конечно же, такими информационно значимыми маркерами города являются, прежде всего, его ландшафты, памятники истории и культуры, общественные учреждения, т. е. все то, что принято именовать культурным наследием города. Культурное и, в частности, архитектурное наследие – это то, что отличает один город от другого, определяет идентичность его жителей и смысл его самого. Это фундамент, на котором происходит полноценное формирование и развитие молодого поколения, воспитание патриотизма, ответственности, уважения к ценностям и традициям народов страны.

В Европе принято определять уровень цивилизованности общества, прежде всего, по его отношению к своему историко-культурному наследию, так как оно формирует не только окружающую среду, но и самих людей. Очевидно, что западноевропейские реалии такого рода можно перенести на российскую почву.

Проблеме сохранения архитектурного наследия уделялось внимание практически во все времена. Так, уже в древности наиболее ценными памятниками истории и культуры считались архитектурные объекты

© Мухамеджанова Н.М., Максимов А.М., 2023

старше двух тысяч лет, но этот порог постепенно уменьшается. В наши дни граница культурной памяти постепенно приближается к 20 годам. В частности, в Нью-Йорке городская власть не имеет право объявлять памятником здание, которое было построено менее чем 30 лет назад (см.: [1]).

Однако сегодня, в эпоху бурной урбанизации, модернизации и индустриализации, сохранение любых объектов культурного наследия представляет собой все более сложную, финансово затратную задачу. Наиболее явственно это касается архитектурного наследия, которое в значительной степени определяет неповторимость облика любого города. Именно архитектура делает время зримым, осязаемым, она отражает и обнажает дух эпохи, ее особую чувственность: «Город, – как утверждает П. Голдбергер, – наполняется смыслом благодаря временным слоям, образованным его зданиями» [1, с. 192–193]. Этот автор подчеркивает, что до изобретения и массового распространения книгопечатания именно архитектура выступала главной хроникой человечества, отображавшей его интеллектуальные усилия, а каждое здание представляло собой величественную гранитную книгу, запечатлевшую определенную веку мировой истории.

Изобретение книгопечатания изменило роль архитектуры, но не лишило её важного места в обществе. Архитектура была и остается той частью культурного наследия, которая и в современных условиях является фоном повседневной жизни, которую мы видим ежедневно и которая существенно влияет на наше восприятие города, на отношение к нему, наше самочувствие и эмоции (см. подр.: [13–17]).

Между тем, именно объекты архитектурного наследия сложнее всего сохранить. Ситуация складывается весьма непросто. С одной стороны, защита только одного объекта архитектурного наследия может потребовать столько средств и усилий, сколько понадобилось бы для сохранения тысяч книг, картин или партитур. С другой стороны, утрата любого из них невосполнима по причине присущей им индивидуальности, связи с определенной эпохой [6]. Поэтому принятие решения о сносе или сохранении того или иного здания должно быть основано на скрупулезном тестировании его культурной, эстетической, исторической ценности, осуществление чего является отнюдь не простой задачей.

Вследствие этого проблема сохранения архитектурного наследия оказывается основным содержанием непрекращающейся дискуссии между культурными фундаменталистами, убежденными в том, что сохранять нужно абсолютно все, и реалистами, которые придерживаются более умеренных позиций. В некоторой степени имеет смысл согласиться как с одними, так и с другими. Нет сомнения в том, что город должен расти и развиваться в соответствии с потребностями жителей и реалиями современной эпохи. Вместе с тем, именно архитектурная составляющая культурного наследия является важнейшим фактором привлечения в него жителей и гостей, а значит – способствует его развитию.

В странах современного Запада эта проблема решается по-разному. Так, в США, где объем сохраняемого культурного наследия не столь значителен, как в Европе, проявляется тенденция к сохранению всех старинных зданий в первозданном виде, забота о них, как о нежных тепличных орхидеях. Европейские же страны более спокойно относятся к своей старинной застройке; там ее гораздо больше, в связи с чем она не рассматривается как некая драгоценность, к которой можно притрагиваться только в перчатках. Старинным зданиям здесь стараются найти разумное современное применение.

В России проблема сохранения культурного наследия, особенно ее архитектурной составляющей, также имеет достаточно давнюю историю. Так, уже в эпоху Петра I был издан один из первых документов в сфере культуроохранной деятельности – Строительный устав, запретивший разрушение зданий, построенных до XVIII в. В следующие эпохи российским государством был принят ряд документов, направленных на устранение негативных факторов, разрушающих природное и культурное наследие страны, в том числе актуальный ныне базовый закон в сфере охраны культурного наследия «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (2002). Важными шагами в развитии культуроохранной деятельности явились присоединение нашей страны к Конвенциям «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» (1954) и «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» (1970), к Конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (1972), к Европейской Конвенции «Об охране архитектурного наследия Европы» (1985), правовые нормы которых вошли в российское законодательство.

Однако в последние годы проблемы сохранности объектов культурного наследия вызывают все большую озабоченность российской общественности. Как отмечает П.М. Шульгин, только за 10 лет – с 2000 по 2009 гг. – в нашей стране под негативным воздействием природных и антропогенных факторов исчезло безвозвратно 2,5 тысячи памятников истории и культуры. Причинами разрушения памятников стали плохая экология, пожары, экономическая и хозяйственная деятельность человека, «противоречивость и несовершенство законодательной и нормативной базы, а также сложившаяся в стране практика правоприменения, которая никогда не считала разрушение памятников истории и культуры тяжким преступлением» [12, с. 197].

В данной сфере одной из серьезных является проблема учета объектов культурного наследия: их постановка на государственный учет и охрана во многих регионах страны не ведется, а имеющийся список памятников истории и культуры не пополняется; выявленные памятники не проходят должной экспертизы и десятилетиями не признаются полноценными объектами культурного наследия; также сознательно затягиваются

процессы утверждения зон охраны и режимов использования охраняемых территорий. Кроме того, сложилась крайне неблагоприятная ситуация и в сфере реставрации объектов культурного наследия. За всеми этими проблемами, по мысли П.М. Шульгина, часто стоит очевидное нежелание местных администраций брать на себя существенные финансовые расходы по сохранению памятников архитектурного наследия, стремление получить свободные территории под новое строительство в наиболее ценной, центральной части городской территории, давление строительного лобби, реализация новаторских градостроительных проектов, нарушающих нормы законодательства в сфере охраны культурного наследия и др. (см.: [12]).

В целом же, анализируя все обозначенные выше проблемы, можно увидеть в них выражение того острого конфликта города и рынка, о котором пишет известный российский урбанист Г. Ревзин [9, с. 50], или, если прибегнуть к строгому академическому языку, конфликта культуры и экономики. К сожалению, в этом конфликте пока проигрывает культура, по-прежнему рассматриваемая в нашей стране как нечто второстепенное и вполне достойное финансированию по остаточному принципу. Однако экономоцентризм современной политики не учитывает пользы бережного сохранения культурного наследия для становления постиндустриальной экономики, где наиболее успешными являются исторические города, обладающие значительным, уникальным культурным наследием.

Индустриальная экономика, основанная на массовом производстве, требует концентрации населения в крупных городах, которые выступают не только как генераторы разнообразных инноваций, но и как главные потребители ресурсов всей страны. Неэквивалентный обмен между центром, поставщиком готовой продукции, и периферией, поставщиком ресурсов, приводит к стагнации малых городов и сел, экологической деградации периферии, депопуляции территории и утечке мозгов. Стандартизация и унификация всех производственных процессов, выступающие как главные принципы индустриальной экономики, порождают стандартизацию материальных и духовных запросов людей, социальную однородность, однообразие и, как следствие, все известные и критикуемые эффекты «массового общества» – массовую культуру, массовое потребление, массовое образование и т. п. Постиндустриальная экономика – это экономика «малых форм», связанных с групповой и индивидуальной инициативой; «экономика, в которой много мелких фирм и много образованных граждан» [9, с. 95]. Основу такой экономики составляет диверсифицированный малый и средний бизнес. Это экономика, настоятельно требующая многоукладности, максимального разнообразия во всех сферах общественной жизни и, как следствие, усиления автономии периферии по отношению к центру, реабилитации малых городов, расцвета «малых форм».

О значении малых провинциальных городов в постиндустриальной экономике писал А.С. Панарин: «Связи крупных и малых городов выступают уже не в свете отношений ведущих и ведомых, не в однородном со-

циальном пространстве, содержащем лишь количественные различия типа “больше – меньше”, а в свете различий между культурой и цивилизацией» [8, с. 39]. В этом случае мегаполисы, крупные города выступают как центры концентрации цивилизационных достижений общества: науки, систем коммуникаций, техники и технологий, а малые города – как хранилища традиционной культуры, уникальных природных и культурных ландшафтов. Именно в них, по утверждению философа, воплощается новейшая тенденция современной эпохи – поворот от техно- и экономикоцентризма к эко- и антропоцентризму.

В постиндустриальную эпоху главной, «классической» отраслью экономики становится туризм. Но чтобы исторический город стал туристическим, необходим их поток. Последний, как известно, значимостью города – «несущей конструкцией туристической индустрии <...> Поток – масса покупателей впечатлений, которую продвигает большая машина рекламы, транспорта, еды, рекреации, досуга. Это и есть индустрия. Те малые исторические города, которые включены в поток туристической индустрии, успешны. Те, по которым она не ездит, проиграли» [9, с. 61]. Таким образом, решение обсуждаемой проблемы возможно только на пути взаимной адаптации города и рынка, преодоления конфликта экономики и культуры, характерного для индустриальной эпохи. А для этого необходимо максимальное сохранение культурного наследия и превращение его в определяющий фактор экономического развития города. Утрата культурного наследия ограничивает возможности не только конкретного города в постиндустриальной экономике, но и всей страны.

Решение проблемы охраны историко-культурного наследия на местном уровне оказывается также тесно связанным с традиционным структурированием культурного ландшафта нашей страны по оси «центр – периферия» [5]. По мысли В. Каганского, именно этот тип устройства культурного ландшафта России, который он называет имперским, позволял государству сохранять такую огромную по своим размерам и разнообразную по своей природной и культурной специфике территорию. Однако, на наш взгляд, такой тип организации культурного ландшафта характерен в целом для индустриальной экономики, в которой происходит тотальная централизация и периферизация культурного ландшафта страны, т. е. гипертрофия значимости центра при одновременном сокращении значимости такой зоны культурного ландшафта, как провинция. Этот тип организации культурного ландшафта доминирует в России и сегодня. Кроме того, он устойчиво воспроизводится в каждой отдельной «ячейке» огромного пространства: в регионе, области, городе.

В культурном ландшафте России, организованном по направлению «центр – периферия», именно центр определяет состояние дорог и городского транспорта, объектов природного и культурного наследия, благоустройство городской территории, экономические, социальные, экологические и другие проблемы периферии. Центр – это своеобразная «витри-

на» страны, имеющая парадный вид, демонстрационная функция которой является одной из важнейших: «Центр – один-единственный и главный во всех существенных отношениях: самый населенный, самый промышленный, самый главный транспортный узел, самый культурный, торговый, криминальный, развлекательный, в нем представлены все профессии и конфессии» [5]. В то время как периферия – это пространство, лишенное какой-либо автономии, самостоятельности в решении своих проблем и задач. В жизни периферии, даже обладающей богатыми ресурсами и возможностями, ни одна из проблем не решается без участия центра.

Все сказанное выше в значительной степени относится, в частности, к городу Оренбургу, который воспроизводит модель организации пространства, характерную для страны в целом. Город, основанный в 1743 г. «птенцами гнезда Петрова» И.К. Кириловым, В.Н. Татищевым и И.И. Неплюевым, ставший для России «окном в Азию», сохранил в своем культурном ландшафте много ценных памятников истории и культуры. Уникальность, своеобразие и неповторимый колорит города, отмечаемые многими известными урбанистами и дизайнерами, обусловлены, прежде всего, историко-культурной окрашенностью городской среды.

Основная часть наиболее ценных объектов архитектурной составляющей культурного наследия Оренбурга находится в его историческом центре – на улице Советской и прилегающей к ней территории. Однако даже их состояние трудно назвать благополучным. Именно исторический центр города становится самым ярким выражением конфликта города и рынка, культуры и экономики, о котором было сказано выше. Пожары, в результате которых оказывается утраченной часть исторической застройки в центре города; разрушение Михайловских казарм, дома купца Мещерякова, усадьбы XIX в. на улице Пролетарской; закатывание в асфальт исторической брусчатки – фрагмента старинной мостовой на улице Правды [10] – вот далеко не полный перечень того негативного, что происходит ныне с объектами культурного наследия, разрушающимися (или уже разрушенными) под давлением потребностей экономики (см.: [10]). За два года (2019–2020 гг.) в Оренбурге уничтожено 30 объектов культурного наследия – памятников архитектуры [7].

Анализируя сложившуюся ситуацию, мы получили немало ценной для нашего исследования информации посредством обращения к интернет-ресурсам, которые публикуют материалы неравнодушных жителей Оренбурга, ученых и журналистов, касающихся плачевного состояния многих объектов культурного наследия [3; 10]. Между тем, в официальных документах Правительства Оренбургской области, в частности, в итоговом докладе «О ходе реализации государственной программы “Развитие культуры Оренбургской области” за 2021 год», можно найти количественные данные о постановке объектов культурного наследия на государственную охрану, а также об объектах культурного наследия, выявленных и включенных в единый государственный реестр. Однако в указанном документе

нет никакой конкретной информации о проблемах в сфере культурного наследия города, в том числе о том, какие объекты нуждаются в срочном восстановлении и реставрации; сколько объектов было попросту уничтожено, снесено, сколько восстановлено; какие конкретные меры предприняты для сохранения ценных памятников культуры, фокусирующих на себе внимание горожан уже в течение нескольких лет. Не находим мы таких сведений и в отчетах регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, размещенных на сайте ВООПИиК.

Отмеченное выше свидетельствует о необходимости безотлагательного решения задачи, о которой пишет П.М. Шульгин. Данная задача заключается в подготовке и публикации в открытом доступе во всех субъектах Российской Федерации ежегодных докладов о состоянии объектов культурного наследия региона, которые стали бы предметом обсуждения всего местного сообщества [12]. Достижение этого способствовало бы рациональному формированию культурной политики региона и обеспечивало усиление ответственности органов власти перед горожанами за состояние города. В контексте традиционного структурирования культурного ландшафта страны по оси «центр – периферия» Оренбург, как в советский период, так и сегодня, оказывается окраинной периферией культурного ландшафта, несамостоятельным, зависимым, фрагментированным пространством, насущные задачи которого решает центр. В таких территориях «расстояние до/от центра, т. е. количественная характеристика, неизбежно становится качественной, превращается в главный дифференцирующий признак места» [5].

Без сомнения, такое положение города в культурном ландшафте страны не может не отражаться на сохранности его культурного наследия; при этом главной проблемой города в сфере охраны памятников является ее недостаточное (вернее, крайне малое) финансирование государством [7]. Так, по данным центральных СМИ, в Москве за один 2022 г. восстановлено и отреставрировано не менее 200 объектов культурного (архитектурного) наследия, в то время как в Оренбурге в течение нескольких лет не решается проблема реставрации многострадального здания авиационного училища, в котором учился первый космонавт Земли Ю.А. Гагарин. Жителям Оренбурга, болеющим за судьбу памятника, который составляет гордость не только их города, но и всей страны, приходится уповать только на помощь государства, без которой не может быть решена ни одна значимая проблема городской жизни, и надеяться на то, что многочисленные заявки и обращения в центр не останутся без ответа.

Подводя итоги исследования, имеет смысл подчеркнуть, что архитектура всегда была отражением своего времени, но она также была и отражением духа места, свойственного конкретному городу или сообществу. Утрата объектов культурного наследия, определяющих идентичность города, его своеобразие и уникальность, превращает Оренбург и подобные ему города в пространства, в которых «дух места» становится анахрониз-

мом, пережитком прошлого. Между тем, «дух времени» постепенно делает города такого рода воплощениями глобальной формы города с его безликими высотными жилыми массивами, шумными автомагистралями и коробками торговых комплексов; превращает их в города, которые мало чем отличаются от сотен других городов. И если архитектура как летопись народа на самом деле отражает дух эпохи, ее особую чувственность, то что же подумают наши потомки о нас – о наших вкусах, потребностях, ценностях, глядя на города, созданные сегодня, в начале XXI в.?

В 20-ые гг. XX в. всемирно известный архитектор-новатор, сторонник промышленной эстетики машинного века Ле Корбюзье предложил снести большую часть исторической застройки Парижа и заменить его предельно упорядоченной и рациональной версией города будущего (см.: [2; 11]). Архитектор также высказывался о необходимости снести до основания и перестроить центры великих городов мира, на месте которых полагал нужным построить современные кварталы плотно заселенных башен, разделенных зелеными зонами. К счастью, эти гиперурбанистические проекты не нашли поддержки банкиров и бюрократов, которые не могли не предвидеть катастрофических последствий осуществления таких проектов. Город мечты Л. Корбюзье – это город-машина, где нет прошлого, нет истории и коллективной памяти многих поколений горожан – жителей этого города. Именно в такие поселения рискуют превратиться города, утрачивающие ценное архитектурное наследие. Город, как и всякая сложная система, – это всегда нечто большее, чем совокупность его частей – составляющих город улиц и зданий. Любой город – это продукт «строительной культуры» своей эпохи и своего общества, результат непрерывающегося диалога архитекторов, банкиров, ученых, рабочих, инженеров, чиновников, градостроителей, жителей. И только на пути диалога возможно преодоление конфликта города и рынка, культуры и экономики.

Список литературы

1. Голдбергер П. Зачем нужна архитектура. М.: Strelka Press, 2017. 264 с.
2. Грэхем У. Dream Cities: 7 урбанистических идей, которые сформировали мир. М.: Эксмо, 2018. 288 с.
3. Дьячкова И.С., Петрищев В.П. Проблемы охраны и учёта объектов культурного наследия Оренбургской области и города Оренбурга // Молодой ученый. 2017. № 15 (149). С. 240–244.
4. Информация о ходе реализации государственной программы «Развитие культуры Оренбургской области» за 2021 год: итоговый доклад. [Электронный ресурс]. URL: <https://minkult.orb.ru/documents/active/68304/> (дата обращения: 24.02.2023).
5. Каганский В. Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта. М.: Стрелка пресс, 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5981188 (дата обращения: 11.02.2023).

6. Лихачев Д. С. Заметки о русском / 2 изд. М.: Советская Россия, 1984. 64 с.
7. Оренбург утрачивает историю: какие памятники архитектуры снесли? // Новости Оренбуржья, 02 декабря 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://utv.ru/material/orenburg-utrachivaet-istoriyu-kakie-pamyatniki-arhitektury-snesli/> (дата обращения: 24.02.2023).
8. Панарин А.С. Философия политики. М.: Новая школа, 1996. 424 с.
9. Ревзин Г. Как устроен город будущего. М.: Strelka Press, 2022. 216 с.
10. Сарычева Е.В. Оренбурге ремонтируются только ОКН, где находятся госучреждения // orenday. 29.09.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://orenday.ru/news/280921184204> (дата обращения: 24.02.2023).
11. Уилсон Б. Метрополис: город как величайшее достижение цивилизации. М.: Эксмо, 2021. 544 с.
12. Шульгин П.М. Культурное наследие Российской Федерации: первый ежегодный государственный доклад. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-nasledie-rossiyskoj-federatsii-pervyy-ezhegodnyy-gosudarstvennyy-doklad> (дата обращения: 24.02.2023).
13. Эллард К. Среда обитания: Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие / 3 изд. М.: Альпина Паблишер, 2019. 288 с.
14. Berlyne D.E. Conflict, Arousal and Curiosity. New York: McGraw-hill, 1960. 350 p.
15. Britton A., Shipley M. Bored to Death? // International Journal of Epidemiology. 2010. Vol. 39. P. 370–371.
16. Gehl J., Kaefer J., Reigstad S. Close encounters with buildings // Urban design International. 2006. Vol. 11. P. 29–47.
17. Goldhagen S.W. Welcome to your world: How the built environment shapes our lives. New York: Harper Collins Publishers, 2017. 384 p.

ARCHITECTURAL HERITAGE OF THE CITY: CONFLICT OF CULTURE AND ECONOMY

N.M. Mukhamedzhanova¹, A.M. Maksimov²

¹Orenburg State University, Orenburg

²Orenburg State Agrarian University, Orenburg

The relevance of the topic of research is determined by the fact that these days the architectural heritage of cities, which gives them uniqueness, is subjected to intense destruction. The purpose of the study is to reveal the significance of the architectural heritage of cities and the causes of its destruction in the regions of modern Russia. The study is carried out from the standpoint of the main provisions of the theory of post-industrial society and the concept of the cultural landscape of V. Kagansky. Modern problems in the field of preservation of the architectural heritage of Russia are interpreted as a manifestation of an acute conflict between the city and the market, culture and economy. The peculiarities of the course of this conflict are considered on the example of the state of the architectural heritage of Orenburg.

Keywords: *culture, architectural heritage, city, industrial epoch, post-industrial epoch, market, economy, cultural landscape, center and periphery.*

Об авторах:

МУХАМЕДЖАНОВА Нурия Мансуровна – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург. E-mail: nuriyam@yandex.ru

МАКСИМОВ Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры английского языка и гуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный аграрный университет», г. Оренбург. E-mail: maksimov_a_m@mail.ru

Authors information:

MUKHAMEDZHANOVA Nuriya Mansurovna – PhD (Culturology), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University, Orenburg. E-mail: nuriyam@yandex.ru

MAKSIMOV Alexander Mikhailovich – PhD (Philosophy), Professor, Professor of the Department of English and Humanities, Orenburg State Agrarian University, Orenburg. E-mail: maksimov_a_m@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.05.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 20.06.2023.

УДК 13+165.24

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.078

ОБРЕТАЯ НОВЫЕ СМЫСЛЫ: ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ VS НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ

А.А. Ковалев, К.К. Тирабян

Северо-Западный институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Санкт-Петербург

Цель исследования – рассмотреть процесс вестернизации культуры в качестве феномена, который не тождествен глобализации и несет угрозу национальному менталитету как важной части национальной безопасности государства XXI в. Современный мир, подверженный глобализационным процессам, задумывался его творцами унифицированным по западному образцу. Тем не менее, такая концепция встречает на своем пути ожесточенное сопротивление наций, которые не желают отказываться от своей уникальности в пользу искусственных идеалов и ценностей, созданных западной цивилизацией, включая американскую нацию, абстрагированную от влияния закономерного действия исторических процессов. В настоящем исследовании были использованы методы аргументации, сравнения и анализа. В XXI в. становится очевидным, что вестернизация – это не диалог культур и не процесс перенимания успешного опыта отсталыми странами, это всего один из методов ведения «гибридной войны». Основная цель – дезориентация противника, манипулирование им с помощью подмены и навязывания понятий и смыслов и провоцирования экзистенциального кризиса на уровне целых народностей и в масштабах нескольких поколений. То есть вестернизация – это долгосрочный проект, направленный на перспективу. Поэтому задача современных незападных государств, коих большинство, заключается в преодолении угрозы вестернизации и выстраивании новой системы мирового порядка взамен навязываемой евроатлантической модели.

Ключевые слова: *национальный менталитет, вестернизация, ценности, уникальность, унификация, суверенитет.*

Введение

Длительное время США стремились стать гегемоном в современном мире. С распадом Советского Союза и разрушением биполярной системы международных отношений США смогли занять эту нишу, в результате чего мир стал однополярным. В 1990-х гг. Россия допустила большую ошибку, пытаясь ужиться с новым мировым лидером и принимая унижительные условия взаимодействия с США и другими западными странами. В конечном счете наша страна стала определенным придатком для этих государств, сосредоточившись только на добыче сырьевых ресурсов.

© Ковалев А.А., Тирабян К.К., 2023

Помимо экономических и политических провалов ранней постсоветской эпохи, своеобразный коллапс произошел и в духовной сфере, т. к. Россия стала впитывать ценности западной культуры. К сожалению, развитию этого процесса способствовали не только заинтересованные в ослаблении нашего государства страны, но отчасти и сам российский народ. Так началась ускоренная вестернизация российского государства, характеризующаяся приобщением к чужим идеям и смыслам. Именно поэтому современная Россия стоит перед задачей не просто возрождения государства на международной арене, а возвращения к своим корням и основным ценностям ради сохранения своей национальной идентичности.

Изучение вестернизации как угрозы национальной безопасности началось относительно недавно. Среди значимых работ следует отметить труды таких авторов, как О.В. Алексеенко, Н.Х. Гафиатулина, Ю.Д. Гранин, Л.А. Звездин, В.Л. Иноземцев, Д.Г. Лощаков, М.А. Неймарк, А.А. Романов и некоторых других. Также большое значение для исследования рассматриваемой проблематики в контексте современных международных реалий имеют работы классиков, среди них З. Бжезинский, А. Грамши, С. Хантингтон.

В настоящем исследовании были использованы методы аргументации, сравнения и анализа. С их помощью было раскрыто значение категории «вестернизация», сравнение (а не отождествление) ее с категорией «глобализация», а также аргументирована необходимость сохранения собственной культурной уникальности и укрепления основ национального менталитета вместо бесконтрольного копирования или компиляций чужеродного опыта.

Цель исследования – рассмотреть процесс вестернизации культуры в качестве феномена, который не тождественен глобализации и несет угрозу национальному менталитету как важной части национальной безопасности современного государства.

Для достижения поставленной цели исследования сформулированы следующие задачи: изучить вестернизацию и информационно-психологические диверсии как взаимосвязанные элементы единого процесса подчинения незападных стран западным; исследовать возможные альтернативы вестернизации в целях достижения мировым сообществом (а не только «золотым миллиардом») взаимоприемлемого консенсуса относительно будущей модели мироустройства.

Информационно-психологические диверсии и вестернизация как методы организации и поддержания нового миропорядка

Итальянский философ А. Грамши отмечал, что гегемония, смысл которой сводится не к насилию и господству над ведомым, а к способности увлечь своими идеями и повести за собой, базируется в первую очередь на культуре и языке [5]. Именно этот мыслитель рассматривал такое явление, как управление «массовой психологией». И одним из действен-

ных способов такого управления в настоящее время является контроль над языковой средой противника как один из компонентов вестернизации. В этом контексте справедливо утверждение отечественного философа Л.А. Звездина о том, что «изменение языковых оснований сопровождается и сменой окружающей культурно-исторической артефактуры, используя влияние моды и подражательных инстинктов “масс”» [7, с. 52]. Действительно, изменение языка общения способно поменять и образ мышления, установки и даже образцы поведения, чего и добиваются проводники вестернизации.

Вестернизация является процессом, смысл которого сводится к усилению влияния Запада на другие страны и прежде всего к стремлению их подчинить [1]. Этот феномен базируется на стратегии внедрения западных ценностей и норм жизни в традиционные культуры других народов. В результате данного процесса культурные основы наций, подвергшихся явлениям вестернизации, уничтожаются или серьезно деформируются. В сущности, вестернизация представляет собой экспансию «западной» модели общества, она обусловлена потребностями современного мира [8], начало которого было заложено еще в XV в.

В контексте «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» 2021 г.¹ следует отметить, что рядом с внешнеполитической концепцией вестернизации в ней также рассматриваются информационно-психологические диверсии в качестве угрозы. Вестернизация, направленная на формирование социально-психологических характеристик, ценностей, убеждений, ориентированных на западные стандарты, может привести к ряду негативных последствий в совокупности с информационно-психологическими диверсиями. Здесь можно выделить утрату этических и культурных ценностей, переход на чужеродные обычаи, традиции, ориентации, питание и др. Изменение этнической культуры, безразличие к терминологии и, в конце концов, унификация религиозных убеждений и их инкорпорация также имеют место в данном процессе. Анализ указанных угроз и методов борьбы с ними, таким образом, нуждаются в комплексном подходе.

Тем самым существует угроза для российского национального менталитета, которая проявляется в виде сложной и многоаспектной комбинации информационно-психологических диверсий и вестернизации. Предотвращение указанной угрозы представляет собой составную часть национальной безопасности государства [9].

Американский политолог Збигнев Бжезинский неоднократно подчеркивал в своих работах, что с распадом СССР начался исторический этап «беспрецедентной американской глобальной гегемонии», в которой

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 10.05.2023).

не было соперников. Примечательно, что в то же время З. Бжезинский описывал американскую культуру как достаточно примитивную, однако признавал, что эта самая примитивность придавала ей некоторое притягательное очарование, особенно среди молодежи, не только в Соединенных Штатах, но и во всем мире [3]. Между тем культуру России З. Бжезинский трактовал как отвергаемую соседями, особенно Китаем.

По мнению политолога, Украина является важным фактором в борьбе за влияние и власть в Европе. Без этой страны России будет сложнее достичь долгосрочных стратегических целей и восстановить полную силу.

Выдающийся труд З. Бжезинского «Великая шахматная доска: главенство Америки и ее геостратегические императивы» уникален, т. к. формирует взаимосвязь между политическими теориями и реальной политикой США. Таким образом, конечная цель этой страны, отраженная в научных концепциях, превращается в конкретные задачи и цели для чиновников, которые действуют строго в соответствии с ними.

Вестернизацию можно с уверенностью назвать культурной экспансией, которая стремится вытеснить органические элементы и заместить их чужеродными. При этом чуждая культура (западного образца) преподносится как привлекательная, прогрессивная и единственно возможная при желании незападных государств влиться в единый глобалистский поток. В рамках «гибридных» процессов современного мира вестернизация рассматривается как один из наиболее эффективных вариантов «мягкой силы». И здесь в первую очередь страдает информационная среда, которая является неким проводником идей и смыслов для массовой аудитории. Ожидаемо, что именно молодежь как наиболее уязвимая в плане манипулятивных воздействий и модных веяний социальная группа принимает на себя основной удар [4]. Главную роль в этих процессах играет Интернет и его практически безграничные возможности, который, между прочим, также контролируется западным миром (США) [11]. Так получается, что именно Запад задает экзистенциальные смыслы всему остальному миру, контролируя основной информационный канал. А это дополнительный вызов национальной безопасности государств незападного мира.

Вестернизация является неизбежной угрозой сохранению культурного гено типа, национальному самосознанию и воле, а также имеет негативное воздействие на самобытность общества. Данная тенденция приводит к замещению традиционных обычаев и ценностей новыми, ориентированными на другую культурную среду. Возможно полное ассимилирование народа другой цивилизацией. Современная Россия стремительно реагирует на этот вызов, в результате чего она должна добиваться нового формата отношений с западными странами, который должен строиться на принципах паритета [12].

При этом продвижение собственных культурных ценностей США становится все более настойчивым. Ведь не только стремление к мировому превосходству движет этой страной и повышает ее заинтересованность в

тотальной вестернизации. Дело в том, что политическая, научная и культурная элита Запада транслирует свое пренебрежительное отношение к традиционным культурам, трактуя их как символы варварства и древности, от которых необходимо избавиться. Отсюда следует, что единственным способом это сделать является продвижение универсальных западных (либеральных) ценностей по всему миру.

Следует заметить, что феномен вестернизации не является процессом естественных эволюционных изменений, происходящих по собственному усмотрению той или иной нации. Напротив, это тщательно спланированный и скоординированный комплексный процесс, осуществляемый с привлечением информационно-психологического воздействия. Данный метод занимает важное место в контексте информационно-психологического противоборства, его использование является непрерывным процессом, характерным для стратегического уровня взаимодействия между геополитическими конкурентами. Подобного рода борьба касается непосредственно ядра любой нации, ее менталитета.

Национальный менталитет представляет собой глубоко укоренившийся элемент создания и формирования жизнеспособности национального сообщества, являющийся достаточно стабильным и даже статичным феноменом, складывающимся на протяжении веков под воздействием разнообразных объективных факторов. По нашему мнению, информационно-психологические диверсии не оказывают ощутимого влияния на национальный менталитет, т. к. их преимущественной целью является достижение необходимой политической позиции в краткосрочной перспективе. Как глубоко закрепленная («бессознательная») структура, менталитет остается во многом неизменным в контексте политической борьбы, стремящейся к достижению определенных идеалов.

При этом длительная подмена органических ценностей в обществе чужеродным суррогатом может существенно повлиять на успехи процесса вестернизации в современных государствах. Результатом может стать нарушение целостности суверенитета государства и основных особенностей существования нации. Такие изменения могут негативно влиять на менталитет общества в длительной перспективе и затруднить достижение консенсуса по различным социальным вопросам. Современная Россия оказалась в крайне затруднительной ситуации, потому что отстаивание национальных интересов и защита от угроз должны быть консолидированными и поддерживаться большинством российского общества. Однако длительное воздействие процессов вестернизации на наше население принесло свои отрицательные плоды. Так, российское общество XXI в. подвержено не только социокультурному, но и социально-психологическому расколу [2, с. 40]. Т. е. часть населения России стремится к коллективной идентичности и сохранению своей самобытности, при этом другая часть сосредоточена на индивидуальном выживании (по принципу «где тепло и сытно, там и Родина»).

Только продуманная культурная политика позволит сохранить основные ценности нации и обеспечить ее суверенитет в современном мире.

Альтернативы вестернизации в глобализационных процессах

Западные государства стремятся реализовать современный вариант мирового взаимодействия, взяв на основу элементы глобализации, модернизации, вестернизации и американизации. Дальнейшее продвижение такого подхода приведет к унификации государств мира, в этом случае актуальной станет иная трактовка национальной безопасности стран по причине серьезной деформации национального менталитета.

Согласно точке зрения профессора Ю.Д. Гранина, вестернизация – это форма национализма, которая транслируется странами первого мира, возглавляемыми Соединенными Штатами Америки [6]. Однако такие крупные мировые игроки, не входящие в коалицию западных государств, как Китай, Россия и Индия осознают, что евроатлантический вариант глобализации невыгоден и несправедлив для их национальных интересов. Это объясняет их все более активное сопротивление отождествлению глобализации и вестернизации, нацеленное на установление гармоничных и справедливых международных отношений. Очевидным доказательством подобных стремлений является ситуация вокруг Украины.

В научной литературе существует несколько вариантов будущего развития системы международных отношений в контексте стремления незападных стран отстаивать собственные ценности. Например, известный американский политолог С. Хантингтон был убежден, что цивилизации незападного типа отвергнут вестернизацию как западный проект глобализации, а в качестве основного метода осуществления выберут национализм [15]. В свою очередь, российский исследователь А.А. Романов настаивает на том, что необходимо различать такие категории, как «глобализация» (естественные процессы экономического сближения стран мира) и «глобализм» (навязанная Западом модель унификации мира на основе своих ценностей) [13].

Действительно, отвергающие западную модель государства строят между собой параллельные связи, исключая участие (и вмешательство) западных стран. При этом такое сотрудничество не претендует на универсальность, на беспрекословную гегемонию, давление. Напротив, здесь присутствует уважение, взаимовыгодное сотрудничество, сохранение уникальности культур каждого из участников. Особенно актуальным построение подобных отношений стало в период проведения специальной военной операции на Украине, когда Запад демонстративно отвернулся от России и пытается заставить (с помощью санкционных угроз) сделать то же самое остальной мир.

Государства, не принимающие вестернизацию, подвергают сомнению безальтернативность однополярности мирового порядка. В результате наблюдается изменение преобладающей концепции глобализации, ранее

идентифицировавшейся с понятием вестернизации и американизации, в сторону принятия многовекторности и многополярности [14].

Государства, не ассоциируемые с западным миром, успешно стремятся выработать консолидированную цивилизационную модель мирового устройства, отличную от унифицированной. В рамках таких соглашений сотрудничество становится привлекательным для участников, поскольку оно не включает гегемонистские подходы, подавление активности и насаждение единой системы ценностей и стандартов. В контексте этой модели взаимодействия в приоритете свобода и уникальность каждого участника, а также возможность сохранить независимость и самостоятельность в принятии решений, касающихся национальных интересов. Стержневой концепцией взаимодействия является взаимоуважение и внимание к потребностям друг друга. Данный подход демонстрирует, что такой тип кооперации высокопродуктивен и дает положительный результат.

Заключение

Преодоление такой угрозы национальной безопасности современных государств незападного типа, как вестернизация, возможно только с помощью проведения регулярного диалога с поддержанием равноправного взаимодействия со всеми участниками международных отношений. Только следование национальным интересам и объективный диалог на международном уровне позволяют реализовывать принципы национальной безопасности суверенных государств. Защита национального менталитета как неотъемлемого элемента национальной безопасности необходима для сохранения государственности и снижения риска переноса чужеродных и даже враждебных ценностей, которые представляют угрозу независимости и индивидуальности нации.

Наше государство оказалось в глубоком идеологическом и смысловом кризисе со времен распада Советского Союза. И по сей день оно находится в поисках этого самого экзистенциального смысла. В 1990-е гг. была предпринята попытка механически перенять те ценности (западные), которые казались привлекательными и жизнеспособными, тем более и пропаганда (вестернизация) по их быстрому внедрению была развернута обширная. Но такая неразборчивость не спасла россиян от сформировавшегося идеологического вакуума, а, напротив, только усугубила его [10, с. 35]. Отсюда можно сделать вывод, что современной прогрессивно мыслящей части российского общества не нужно заниматься слепым заимствованием рабочих (где-то, но не у нас) культурных моделей и даже попытками компиляции (заимствовать только самое лучшее). Ей необходимо сосредоточиться на поиске собственных идеалов, ценностей и смыслов, опираясь на опыт прошлых поколений, историю и богатую культуру страны, а также на уникальную межнациональную и межконфессиональную коммуникацию внутри России (с ней не сравнится никакой «плавильный котел» США и Канады). России и россиянам еще только предстоит обрести свой путь и

осознать, что вестернизация – это не диалог культур и не безальтернативный вариант глобализации, а всего лишь один из способов ведения «гибридной войны».

Список литературы

1. Алексеенко О.В. Вестернизация как одна из тенденций современного мирового пространства // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2009. № 4. С. 65–70.
2. Андреев А.Л. Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 38–44.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998. 112 с.
4. Гафиатулина Н.Х. Духовно-нравственная безопасность российской молодежи: социологический анализ основных угроз // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2017. № 1 (49). С. 134–144.
5. Грамши А. Искусство и политика / пер. Р.И. Хлодовского. М.: Искусство, 1991. 431 с.
6. Гранин Ю.Д. «Глобализация» или «вестернизация»? // Свободная мысль. 2013. № 1 (1637). С. 51–64.
7. Звездин Л.А. К проблематике лингвистической безопасности России: философские аспекты языковой гегемонии Запада // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 3 (21). С. 50–59.
8. Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация, и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 58–69.
9. Кубасов Е.А. Культура как компонент национальной безопасности современного общества // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2016. Т. 8, № 2. С. 103–108.
10. Лощаков Д.Г. Вестернизация как цивилизационная угроза российским реформам // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 2. С. 32–35.
11. Наполов И.А. Культурная экспансия как угроза национальным государствам на примере вестернизации информационной среды в России [Электронный ресурс] // Аллея науки. 2018. Т. 2, № 1 (17). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32463023_34224526.pdf (дата обращения: 02.06.2023).
12. Неймарк М.А. Внешняя политика России: от «нового мышления» к новому стратегическому мышлению // Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 7 (2). С. 171–189.
13. Романов А.А. Консолидация не-Запада: конец глобалистского проекта? // Вестник Института мировых цивилизаций. 2021. Т. 12, № 4 (33). С. 20–27.
14. Смирнов С.В. Направления совершенствования концепции государственного суверенитета в условиях «реальной многополярности» // Вестник Института права БашГУ. 2021. № 3 (11). С. 22–31.
15. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon&Schuster, 1996. 367 p.

GETTING NEW MEANINGS: WESTERNIZATION VS NATIONAL MENTALITY

A.A. Kovalev, K.K. Tirabyan

North-Western Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg

The purpose of the study is to consider the process of Westernization of culture as a phenomenon that is not identical to globalization and threatens the national mentality as an important part of the national security of the state of the XXI century. The modern world, subject to globalization processes, was conceived by its creators to be unified according to the Western model. However, such a concept meets fierce resistance on its way from nations that are unwilling to give up their uniqueness in favor of artificial ideals and values created by Western civilization, including the American nation, abstracted from the influence of the natural operation of historical processes. In this study, the methods of argumentation, comparison and analysis were used. In the XXI century, it becomes obvious that Westernization is not a dialogue of cultures and not a process of adopting successful experience by backward countries, it is just one of the methods of waging a «hybrid war». The main goal is to disorient the enemy, manipulate him by substituting and imposing concepts and meanings and provoking an existential crisis at the level of entire nationalities and on the scale of several generations. That is, Westernization is a long-term project aimed at the future. Therefore, the task of modern non-Western states, which are the majority, is to overcome the threat of Westernization and build a new system of world order to replace the imposed Euro-Atlantic model.

Keywords: *national mentality, westernization, values, uniqueness, unification, sovereignty.*

Об авторах:

КОВАЛЕВ Андрей Андреевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Санкт-Петербург. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

ТИРАБЯН Карине Камоевна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Санкт-Петербург. E-mail: tirabyan-kk@ranepa.ru

Authors information:

KOVALEV Andrey Andreevich – PhD (Political Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the North-Western Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the

Russian Federation, St. Petersburg. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

TIRABYAN Karine Kamoevna – PhD (Political Sciences), Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the North-Western Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg. E-mail: tirabyan-kk@ranepa.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.06.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 28.06.2023.

УДК 130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.088

ДИСКУРСИВНАЯ КУЛЬТУРА ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО

Н.Н. Зименкова¹, Л.А. Никонов²

¹ ФГКВОУ ВО «Военная академия воздушно-космической обороны имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова», г. Тверь

² ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», г. Тверь

Цель статьи – рассмотреть профессиональную военную деятельность в ракурсе дискурсивной культуры. Военный дискурс рассмотрен как стиль высказываний и речевая реализация смысла учебных коммуникаций преподавателя и курсанта/слушателя. Отмечено, что по форме военный дискурс регламентируется уставом и правилами внутреннего распорядка, по содержанию – образовательными программами и сквозными компетенциями будущего специалиста. Военный дискурс воспроизводится, как и любой другой вид дискурса, в определенной социокультурной среде. Для того чтобы более точно навести читателей на тему, в статье использованы сравнительные примеры речевых практик преподавателей, а также курсантов и слушателей военного вуза.

Ключевые слова: культура, коммуникации, дискурс, военный дискурс, высшее образование.

С посыла Мишеля Фуко дискурс понимается в двух коммуникативных регистрах: речевом и властном. Первый являет собой комплекс публично используемых слов, выражений и способов говорить о чем-то; второй связан с представлением о том, что существуют некие «хозяева» дискурса, которые его определяют, а остальные за ним повторяют. В последнее десятилетие в исследовательской среде сложилось понятие «военный дискурс». Одни исследователи определяют его как «особое регламентированное институциональное речепроизводство», раскрывающееся через такие практики, как ритуализация, унификация, кодирование, сбережение речевых ресурсов и т. д. [4, с. 150]. Другие выделяют общие лингвистические отличия военного дискурса: императивность, логичность, клишированность, стандартизированность, плотность информации и имманентно присущая ей адресность [3, с. 69]. Видно, что каждый исследователь поддерживает мысль о том, что военный дискурс имеет несколько уровней восприятия, главными из которых являются институциональный и коммуникативный. Первый уровень военного дискурса символизирует регламентирующие нормы, второй – информационные сведения. В этой связи звучит современно суждение о том, что сила персональных языковых средств коммуникации, в отличие от институциональных, заключается не столько в нормативности, сколько в возможности выбора [5, с. 465].

© Зименкова Н.Н., Никонов Л.А., 2023

Насколько можно видеть, у исследователей проблематики дискурса чувствуется определенная школа мысли, уходящая своими корнями в герменевтику. Российский философ Б.Л. Губман напоминает, что мы всегда будем находиться в пространстве столкновения различных герменевтических стратегий, поскольку вопрос о сосуществовании субъектов познания остается открытым и нет никакого универсального рецепта, согласно которому можно было бы склеить воедино все дискурсы о «человеческом» [1, с. 299]. Нидерландский лингвист Тён Ван Дейк дает характеристику самого понятия «дискурс»: в широком значении – это специфическое коммуникативное событие, в узком значении – форма языкового взаимодействия [2, с. 131]. По текстам Дейка ясно, что дискурс и власть рассматриваются как совместные понятия. Это, собственно, и оговорено в названии работы Дейка «Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации» (2008). Однако в этой связке имплицитно присутствует еще одно понятие – рефлексия. Если дискурс – умение вести разговор со сторонниками и оппонентами, власть – возможность контроля над текущим диалогом, а рефлексия – работа над осознанием собственной картины мира, то вместе они представляют собой разговор, в котором задается единое ценностное поле. Символический механизм этого поля работает таким образом, что не подавляет коммуникантов, не ранжирует их, а высвечивает идеи, ценности и интересы каждого участника. Иными словами, триада дискурс – власть – рефлексия создает единство речевого многообразия.

Со свойственной ему специфической внятностью Дейк создает типологию дискурсов: организационный, политический, судебный, парламентский, медийный и профессиональный. В основе типологии лежит принцип доминирования более влиятельного коммуниканта в определенной сфере деятельности. Соответственно, речь идет об организациях, политических учреждениях, судах, парламенте, СМИ и профессиональной деятельности. Как видим, в работе Дейка тема военного дискурса напрямую не присутствует. Однако в его текстах есть характеристики, свойственные институциональному и межличностному речевому взаимодействию, что позволяет ввести в общий оборот и военный дискурс. В таком ракурсе объединяющей чертой для всех перечисленных дискурсов будет являться возможность контроля со стороны доминантов коммуникации над текущим диалогом.

Когда начиналась работа над данной статьей, авторов интересовали дискурсивные особенности коммуникаций «преподаватель – студент» в военной образовательной сфере. Вскоре стало понятным, что разговор получится невнятным, если не дать определение военному дискурсу в образовательной сфере. Не претендуя на полноту формулировки, попробуем обозначить это понятие в русле дискурсивных исканий Дейка. Военный дискурс в образовательной сфере предлагаем рассматривать как стиль высказываний и речевую реализацию смысла учебных коммуникаций преподавателя и курсанта/слушателя.

По форме военный дискурс регламентируется уставом и правилами внутреннего распорядка. Возникает явная ассоциация, согласно которой каким бы ни было влияние субъектов институции, их настоящая власть может иметь очевидные возможности, если она зафиксирована в письменных текстах. Из практики военных образовательных учреждений видно, что они опираются на устав и правила внутреннего распорядка. Например, в основу деятельности военной академии положен «Устав Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военная академия воздушно-космической обороны имени маршала Советского Союза Г.К. Жукова» Министерства обороны Российской Федерации» [7]. А деятельность Тверского филиала Московского университета МВД опирается на «Правила внутреннего служебного распорядка Тверского филиала Московского университета Министерства внутренних дел России имени А.Я. Кикотя» [6].

По содержанию военный дискурс регламентируется образовательными программами и сквозными компетенциями будущего специалиста. Понятно, что власть военного дискурса в образовательной сфере основана на ее масштабности. Невозможно себе представить занятие в военной академии или университете без учебников и других печатных и электронных материалов и заданий. Даже устное высказывание требует письменных текстов в качестве его основы [в первую очередь это касается презентации докладов. – *Авт.*]. В повседневной практике преподавания и обучения понятие «текст» представляется в самом широком смысле слова. Текстом являются регламентационные материалы (приказы, распоряжения, образовательные стандарты и т. д.), а также информационные продукты самих участников образовательных коммуникаций (учебники, курсы лекций преподавателя, научно-методические разработки, тестовые задания и т. д.). Вместе взятые, они выполняют институционально консолидирующую роль всех участников высшего образования.

Вне учебы у студента/курсанта/слушателя есть регистр выбора. Например, он может прочитать ту книгу, которая нравится, или пойти на тот фильм, который нашумел в прокате, или зайти на тот сайт, который соответствует его интересам. В отношении учебного материала такого выбора нет. К экзамену обучающийся молодой человек обязан усвоить знания и установки, соответствующие образовательным программам. Поскольку учебники и методические материалы призваны реализовывать общественные интересы, то они редко бывают противоречивыми и вариативными. Складывается ситуация, в которой молодой человек вынужден осваивать информацию, прошедшую ранее через экспертную цензуру. В книге Дейка под экспертной цензурой подразумевается коллективная взыскательная критика профессионалов. Эксперты у него именуются довольно разнообразно: эксперт «за работой», представитель профессиональной власти; «стражник» институций и т. д. [2, с. 67–70]. Несмотря на различную артикуляцию, все эти образные выражения символизируют

главное: в образовательном дискурсе всегда есть легитимный субъект правил и норм, который осуществляет коммуникацию и информационный контроль в виде вопросов, рассуждений, контроля и оценок [2, с. 71].

Получается, что, с одной стороны, военный дискурс в образовательной сфере – это легитимно-нормативная совокупность документов и речевых правил (институциональный аспект), с другой стороны – повседневные социальные практики в диапазоне коммуникации «преподаватель – курсант/слушатель» (межличностный аспект).

Если фокусировать внимание на учебных практиках преподавателя и курсанта в военном вузе, то здесь, в сравнении с гражданским университетом, сразу высвечивается дискурсивная властная роль более влиятельного коммуниканта. Таковыми в обоих видах образовательных учреждений являются представители администрации вуза и преподаватели учебных дисциплин. В военном вузе такую роль еще играет и старший по званию офицер. По сути, именно эти люди наделены полномочиями реализовывать смысл учебных коммуникаций – составлять распорядок дня, выстраивать учебное расписание, выбирать темы занятий, распределять учебные задания, определять стили высказываний (официальный или разговорный), контролировать полученные знания курсантов/слушателей, организовывать самостоятельную работу курсантов/слушателей.

Аргументируем приведенное суждение на распространенном примере, когда курсант готовит доклад с презентацией. Преподаватель дает четкое название темы: «Основные принципы военного искусства Г.К. Жукова». Он же распределяет речевые акты: докладчик – курсант Сидоров; оппонент – преподаватель; слушатели — курсанты такого-то курса такого-то факультета. Первый субъект речевого акта должен выступать с информацией, второй – задавать критические вопросы и оценивать, третий – воспринимать смысл высказываний докладчика и осваивать новое знание. Накануне выступления курсант согласовывает с преподавателем стиль презентационного высказывания. Во-первых, как начать доклад: формально, обозначив тему, или неформально, задав, например, риторический вопрос. Во-вторых, как распределить информацию на слайдах: в виде перечисления, наращивания или сравнения информации. В-третьих, как соблюсти баланс речевого и иллюстративного материала презентации доклада.

В любом гражданском вузе речевая процедура доклада обычно сводится к тому, что студент артикулирует тему доклада и излагает информацию, двигаясь по слайдам своей презентации. В военном вузе эта процедура имеет строго регламентированный характер. Курсант подходит к столу преподавателя и докладывает: «Товарищ преподаватель, товарищи курсанты, курсант Сидоров готов доложить по данному вопросу». Получив разрешение, курсант делает доклад. В приведенном выше примере доклада с презентацией о маршале Г.К. Жукове информация об основных принципах его военного искусства была изложена в виде перечисления. Курсант акцентировал внимание на пяти факторах успеха: отличное знание против-

ника; отличное знание своих войск; оперативная и тактическая внезапность; точный расчет своих сил и средств; материальное обеспечение операций. По окончании речевого высказывания докладчик говорит: «Товарищ преподаватель, курсант Сидоров доклад по вопросу окончил. Разрешите сесть?». Преподаватель, дослушав доклад, оценивает знания курсанта и разрешает сесть. Среди достоинств данного доклада и его визуальной презентации преподаватель выделяет следующие: текст четкий и информативный; слайды пронумерованы и выполнены в одном стиле; принципы военного искусства Г.К. Жукова изложены с аргументацией. Далее отмечаются недостатки: часть информации можно было бы сказать устно, не перегружая слайд; вывод носит поверхностный характер, без четкого обобщения.

Как видим, даже в первом приближении военный и гражданский дискурс в образовательных учреждениях разнятся. Курсант/слушатель всегда приветствует преподавателя словами: «Здравия желаю, товарищ преподаватель»; студент обращается по имени отчеству и говорит привычное «здравствуйте». Главный стиль высказываний в военном вузе, в сравнении с гражданским, носит формальный характер. В речевых актах преподавателей и курсантов/слушателей преобладают перформативные глаголы – «разрешить», «приказываю», «отставить», «доложить», «садитесь» и т. д. Неформальный стиль высказываний проявляется, как правило, во время самостоятельной подготовки курсантов/слушателей и, в случае необходимости, в личных беседах «по душам», когда преподаватель или старший офицер может пошутить или привести пример из своих жизненных наблюдений.

В качестве обобщения отметим следующие консенсусные суждения по исследуемой теме. Военный дискурс в образовательной сфере можно рассматривать двояко: как легитимно-нормативную совокупность документов и речевых правил (институциональный аспект) и как повседневные социальные практики в диапазоне коммуникаций «преподаватель – курсант/слушатель» (межличностный аспект). Главными дискурсивными особенностями коммуникаций в военном вузе являются формальность речи (устав, правила внутреннего распорядка); перформативность обращений (приказ, клятва, команда); коммуникативная напряженность (предупреждение, наказание); речевая вертикаль (субординация, участие в речевых актах разных по званию военнослужащих), а также ситуативное смешение формальных и неформальных стилей высказывания.

Список литературы

1. Антропологические дискурсы в XXI веке / Круглый стол в рамках VIII Российского философского конгресса «Философия в полицентричном мире», г. Москва, 27 мая 2022 г. // Человек. RU. 2022. С. 294–321.

2. Дейк ван Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е.А. Кожемякин, Е.В. Переверзев, А.М. Аматов. М.: Либроком, 2015. 352 с.
3. Носова М.Б. Военный дискурс как предмет лингвистического описания в практике преподавания РКИ // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (149). С. 68–73.
4. Сдобнова Ю.Н. Некоторые особенности современного военного дискурса (на материале арготизмов-зоонимов в терминосфере Военно-Морских Сил Франции) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 12 (751). С. 149–155.
5. Усачева О.Ю. Речевая культура преподавателя высшей школы: актуальные подходы // Преподаватель XXI век. 2022. № 2. С. 462–474.
6. Положение об организации внутренней службы и внутреннего порядка в Тверском филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя // https://xn--r1ae.xn--l1aeji.xn--b1aew.xn--p1ai/Universitet/Uchreditelnye_dokumenty (дата обращения: 10.04.2023).
7. Устав Военной академии военно-космической обороны имени маршала Советского Союза Г.К. Жукова // https://vavkotver.ru/images/vavko/docs/vavko_2019/ustav_vavko_10_12_2015.pdf (дата обращения: 10.04.2023).

FEATURES OF MILITARY DISCOURSE IN THE EDUCATIONAL SPHERE

N.N. Zimenkova¹, L.A. Nikonov²

¹ Military Aerospace Defense Academy named after Marshal
of the Soviet Union G.K. Zhukov, Tver

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
named after V.Y. Kikot, Tver

The purpose of the article is to consider professional military activity from the perspective of discursive culture. Military discourse is considered as a specific form of speech culture of a teacher and a student. It is noted that the form of military discourse is regulated by the charter, the content – by educational programs and cross-cutting competencies of the future specialist. In order to more accurately guide readers on the topic, the article uses comparative examples of speech practices of teachers, as well as cadets and students of a military university.

Keywords: *culture, communication, discourse, military discourse, higher education.*

Об авторах:

ЗИМЕНКОВА Наталья Николаевна – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) ФГКВООУ ВО «Военная академия воздушно-космической обороны имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова», г. Тверь. E-mail: zimenkova69@yandex.ru

НИКОНОВ Леонид Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры правовой и гуманитарной подготовки ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя» (Тверской филиал), г. Тверь. E-mail: nikonov6980@mail.ru

Authors information:

ZIMENKOVA Natalia Nikolaevna – PhD (Philosophy), Associate Professor; Associate Professor of Military-Political Work in the Troops (Forces) of the «Military Aerospace Defense Academy named after Marshal of the Soviet Union G.K. Zhukov», Tver. E-mail: zimenkova69@yandex.ru

NIKONOV Leonid Alexandrovich – PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Legal and Humanitarian Training, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot (Tver branch), Tver. E-mail: nikonov6980@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.05.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 20.06.2023.

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091):162.6

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.095

ДИАЛЕКТИКА И ПОЗИТИВИЗМ В ФИЛОСОФИИ РУССКИХ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕМОКРАТОВ (на примере анализа сущности религиозных движений)

Н.О. Архангельская

ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», г. Мытищи, Московская область,

В статье рассматривается различие понимания социальной сущности религиозных движений представителями русской крестьянской демократии. Революционные демократы использовали диалектический метод, что давало возможность определить социальную сущность этих движений как выражения интересов различных общественных групп. Ими также ставился вопрос о влиянии религиозной формы выражения взглядов на содержание учения. Т.Н. Грановский, чья позиция по данному вопросу была сходной, также использовал диалектику. Идеологи народничества, опираясь на идеи позитивизма, утратили достижения своих предшественников и в ряде случаев продемонстрировали упрощенный подход к религии. Одной из причин этого был отказ от использования диалектики в качестве метода анализа общественных явлений.

Ключевые слова. *диалектика революционных демократов, идеологи народничества, позитивизм, метод.*

В XIX в. произошло глубокое изменение понимания сущности религии в европейской философии: от просветительских концепций к научному взгляду на проблему. Взгляд на религию как нечто порожденное исключительно невежеством уходил в прошлое по мере распространения историзма, который заставил также отбросить представление о неизменной сущности явлений как природных, так и общественных. В той или иной степени он широко распространился в европейской мысли, но наиболее разработанным учением первой трети XIX в. была гегелевская диалектика, очень популярная в России. «Для поколения Грановского немецкая классическая философия (и прежде всего гегельянство) стало важнейшим интеллектуальным фактором, существенно изменившим духовную жизнь общества» [20, с. 255].

Обращение к диалектике и усвоение основных ее положений позволили увидеть конкретные формы религиозных идей, а также изменения их социального содержания, увидеть качественное различие между мышлением различных эпох. Оказалось, что в разные периоды в рамках одной и той же религии возникают течения, выражающие интересы различных социальных слоев. Большую роль в формировании нового взгляда на рели-

© Архангельская Н.О., 2023

гию сыграли работы немецких исследователей, но и в России происходил пересмотр прежних взглядов.

В русской религиозно-философской мысли середины XIX в. можно различить несколько принципиально различных точек зрения. Их появление было обусловлено рядом факторов, среди которых значительную роль играли социально-политическая позиция авторов и методологические основы их концепций. Роль второго фактора видна при сравнении позиций представителей левого крыла русской общественно-политической мысли, тех, кого сейчас связывают с крестьянской демократией. Традиционно их делили на две группы: революционных демократов и народников, что отнюдь не случайно, поскольку подход представителей этих групп к решению общественных проблем базировался на разных философских методах.

Сущность расхождений связана с тем, что, во-первых, в русской мысли получили распространение вначале диалектика, позднее – позитивизм. Во-вторых, наличие элементов материалистического подхода к обществу во взглядах революционных демократов приводило к тому, что истоки идей, распространявшихся в обществе, они искали в реальной жизни, а взгляды на общество ведущих идеологов народничества стали более идеалистическими.

Цель статьи: показать влияние использовавшейся методологии на решение религиозно-философских вопросов. Задачи: подчеркнуть различие мировоззрения двух этих групп, различие использовавшихся ими методов и вытекавшее отсюда, как следствие, различие религиозно-философских концепций.

Высокая оценка гегелевской диалектики дается уже в работе А.И. Герцена «Дилетантизм в науке» (1842 г.), диалектическому методу посвящены «Письма об изучении природы» (1844–1846). «Герцен дает в своих статьях совершенно самобытную версию гегельянской философии, поставив одним этим русскую общественную мысль на уровень передовой философской мысли того времени» [27, с. 46]. Гегелевскую философию изучал в Германии Грановский, чьи взгляды на проблему религиозных движений были близки концепции революционных демократов. Работы Грановского очень высоко оценивал Н.Г. Чернышевский в рецензии на первый том сочинений историка. Сам Чернышевский неоднократно обращался к диалектике, используя ее законы для доказательства возможности коренного изменения социальных отношений в России. Причем он подчеркивал противоречие между методом Гегеля и его выводами: «Принципы Гегеля были чрезвычайно мощны и широки, выводы узки и ничтожны» [36, с. 205]. Чернышевский писал о неравномерности общественного развития, о кратких периодах, когда происходят значительные, т. е. качественные изменения, подчеркивал противоречивость природных и общественных явлений. «По выгодам все европейское общество разделено на две половины: одна живет чужим трудом, другая – своим собственным... Это разделение общества, основанное на материальных интересах, отражается и в политической деятельности» [38, с. 337]. Идею преобразования

общества он также обосновывал, опираясь на диалектические закономерности. О значении диалектических идей в философии Чернышевского пишут В.П. Евланников и Г.Е. Евланникова (см. [14]).

Именно применение диалектики позволило в оценке развития общественного сознания выйти на принципиально новый уровень. Диалектический метод дал возможность не только увидеть историю идей, в данном случае религиозных, но оценить реальное социальное содержание каждого религиозного движения, существовавшего в определенных исторических условиях. Оценивалась не религия в целом, а конкретное религиозное направление от раннего христианства до старообрядчества. Диалектический метод приводил к выводу, что движения под религиозной оболочкой могут играть различную роль в обществе, в зависимости от того, какие конкретно общественные силы стоят за этими движениями и какую роль они играют в данный период истории в целом. Именно такой взгляд на религию будет характерен для представителей этого направления, несмотря на определенное расхождение позиций внутри него.

Сведению религиозной формы к конкретному историческому содержанию способствовали и элементы материалистического взгляда на общество, имевшиеся у революционных демократов. Для таких русских материалистов, как А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев и особенно Н.Г. Чернышевский, будет характерно стремление к материалистическому ответу на основной вопрос философии применительно к общественной жизни, стремление объяснить все явления общественного сознания, в т. ч. и религию, исходя из реальной жизни общества. Создать целостную концепцию им не удалось, но целый ряд материалистических положений мы у них находим.

Уже Герцен переход к социализму связывал с существующей крестьянской общиной, что по оценке Г.В. Плеханова было «полупризнанием того, что не мышление определяет собою бытие, а бытие определяет собою мышление» [25, с. 403]. Герцен подчеркивал закономерность общественного развития и решающую роль народных масс, даже выдающиеся личности не могут противостоять ходу истории.

Чернышевский обращал особое внимание на роль материальных потребностей в жизни общества. Недостаток работ многих историков, по мнению Чернышевского, заключается в том, что «о материальных условиях быта, играющих едва ли не первую роль в жизни, составляющих коренную причину почти всех явлений в других, высших сферах жизни, едва упоминается» [37, с. 357]. Чернышевский отмечал важнейшую роль развития производительных сил в жизни общества и пришел к выводу: «При грубых процессах производства, какими ограничивалась техника варварских обществ, рабский труд не представлял несообразности с орудиями, к которым прилагался: и то, и другое было одинаково дурно. Когда техника несколько развилась, когда явились довольно многосложные и деликатные орудия, грубый труд раба оказался непригодным: машина не терпит подле

себя невольничества... не выдерживают невольничества и все те мастерства, в которых введены сколько-нибудь усовершенствованные инструменты, для них необходим вольный человек» [39, с. 220]. Подчеркнув связь производительных сил и социальных отношений, Чернышевский отметил еще один важный момент: экономическая сфера играет важнейшую роль в жизни общества, «умственное развитие, как и политическое и всякое другое, зависит от обстоятельств экономической жизни» [40, с. 441]. Отсюда вытекает важнейший вывод: именно экономический строй общества обуславливает социальные интересы, которые отражаются в теориях, в том числе и религиозных. Это было еще не целостное материалистическое учение, но важнейшие основы для его разработки были заложены.

Ту же идею проводил и Добролюбов. Ведущая мысль статьи Добролюбова «О степени участия народности в развитии русской литературы» следующая: «Поэзия и вообще искусства, науки слагаются по жизни, а не жизнь зависит от поэзии» [11, с. 81]. В статье «Роберт Овен» Добролюбов подчеркивал, что основой разделения бывших ремесленников на капиталистов и рабочих является собственность на средства производства. «Большая часть ремесленников не имела средств на то, чтобы завести у себя машины, для этого нужны были капиталы, которых у них не было ...вскоре ремесленники очутились в необходимости сделаться наемниками у людей, имевших средства приобретать машины и заводить обширные фабрики» [12, с. 321].

Еще один важный момент во взглядах Добролюбова – исторический подход к рассмотрению социальных вопросов. Он постоянно подчеркивал, что те или иные концепции сформировались в определенных условиях; человек и общество также меняются в ходе истории. Например, как достоинство книги В. Ирвинга отметил, что деятельность Магомета представлена «естественным следствием его природных наклонностей, воспитания, характера страны, в которой он жил, – всех обстоятельств, под влиянием которых сложился его характер и взгляд на вещи» [9, с. 128]. Взгляд Ирвинга на рождение ислама был противопоставлен трактовке образа Магомета как хитрого обманщика. Добролюбов доказывал несостоятельность последнего подхода, являвшегося вчерашним днем религиоведения.

Материалистические идеи можно найти и в работах Д.И. Писарева, посвятившего истории религии ряд статей. Д.И. Писарев пришел к выводу, что основа жизни людей – труд. С его помощью люди удовлетворяют свои самые насущные потребности в пище, одежде, жилище. Благодаря труду «каждое последующее поколение оказывается многозначительнее предыдущего, живет богаче и придумывает новые технические улучшения, которые позволяют ему добывать больше пищи и одежды с меньшим напряжением мускулов и с меньшею тратой времени» [23, с. 239]. Именно единый процесс совершенствования знаний и орудий труда лежит, по мнению Писарева, в основе развития человеческого общества.

Писарев также обращал внимание на различную роль общественных отношений в развитии труда. Условия, при которых трудятся люди, или помогают им производительно трудиться, или препятствуют этому. Античная цивилизация погибла из-за распространения рабовладельческих отношений и незаинтересованности рабов в результатах труда. Причиной заката античного мира стало такое развитие рабовладельческих отношений, при котором труд массы рабов не мог обеспечить нормальную жизнь общества. «Живые источники свободного народного труда быстро иссякали, рабы работали дурно и небрежно; голод свирепствовал постоянно...» [24, с. 368]. Феодалный строй во Франции в XVIII в. препятствовал развитию производительных сил народа. «Счастливая Франция, осыпаемая в протяжении многих десятилетий... истинно королевскими благодеяниями, преуспела до того, что дальше преуспеть было уже невозможно. Дальше оставалась одна только голодная смерть» [24, с. 337]. По мнению Писарева, гибель какого-либо общества нельзя объяснять его «старостью», причины кроются в другом. Фактически Чернышевский и Писарев ставили вопрос о взаимодействии производительных сил и производственных отношений.

Элементы материалистической трактовки общественных явлений и диалектический подход к ним позволили увидеть социальный смысл различных религиозных идей и движений, фиксировать такие особенности религиозных движений прошлого, которые ускользали при чисто просветительском подходе к религии.

Важнейшими вопросами были следующие: 1. Выделение в качестве главного социального содержания учения. 2. Связь формы и содержания.

Вывод, к которому пришли революционные демократы и Грановский: в религиозной форме могут выражать свои взгляды представители различных социальных слоев, поэтому необходимо всегда обращать внимание в первую очередь на содержание учений. Оно могло выражать интересы либо правящего класса, либо социальных низов, религиозную форму приобретало и требование национальной независимости. Таким образом, на первый план выходила не религиозная форма выражения взглядов (в определенные эпохи людям было свойственно выражать свои взгляды в такой форме), а их социальная сущность.

Еще Грановский и Герцен подчеркивали, что раннее христианство было мировоззрением низов римского общества. При этом, с точки зрения Герцена, важнейшие его положения – отсутствие частной собственности, отрицание всего старого мира целиком. В первых христианах Герцен видел предшественников социалистов XIX в. и указывал на ряд сходных положений в раннем христианстве и социализме:

1. Кризис старого мира – рабовладельческого в Риме и «католико-фео-дального» в Европе [7, с. 98]. «Он может еще долго стоять, но обнов-

ляться не может, общественная мысль, развивающаяся теперь, такова, что каждый шаг к осуществлению ее, будет выход из него» [7, с. 51]¹.

2. Появление нового учения, отрицающего не какие-либо части этого мира, а весь его целиком и, главное, частную собственность. Герцен подчеркивал, что христианская община – это «братственная община... не знавшая права собственности» [6, с. 161]. Отрицание частной собственности первыми христианами неизменно вызывало сочувствие Герцена и его последователей.

3. Преследование сторонников нового учения властями. «Если друзья порядка в Риме не проповедовали избиение или резню “назареев”, то это только от того, что языческий мир был более человечен, не так духовен, менее нетерпим, нежели католическое мещанство» [7, с. 141].

4. Распространение, несмотря на это, нового учения (см. [7, с. 58]).

Главное сходство – оба учения соответствуют запросам низших слоев населения, бедноты. Уже здесь мы видим, что религиозное учение связывается с конкретными социальными слоями, которыми оно вырабатывалось и интересам которых отвечало. Эта мысль станет ведущей в работах революционных демократов и Грановского. В первоначальном христианстве они выделяли социальный протест, скрытый под религиозной оболочкой, и высоко его оценивали. Большое внимание уделялось средневековым еретическим учениям. Писарев и Зайцев рассматривали их как выражение недовольства народных масс своим положением. Это тем более важно, что в целом к религии революционные демократы относились отрицательно, имея в виду и ее идеализм, и социальную роль, часто отвечавшую интересам имущих классов. Анализ социального содержания религиозных движений был шагом вперед по сравнению с чисто просветительским подходом к религии.

Ставился вопрос о связи формы и содержания. В.А. Зайцев подчеркивал, что многие еретические движения Средневековья, в сущности, были протестом против эксплуатации. При этом он стремился объяснить, почему недовольство крестьян и горожан проявлялось в религиозной форме. «В церкви была в то время сосредоточена вся духовная жизнь общества... Вот почему протест против нового мира вышел из церкви и прежде всего обратился против нее. Отщепенцы от общества были прежде всего сектаторами, еретиками»² [28, с. 202]. Зайцев обращал внимание на то, что народные еретические движения возвращались к уравнительным тенденциям первоначального христианства.

Специфика ересей заключалась в том, что за разногласиями по проблемам вероучения и культа скрывались разногласия по вопросам обще-

¹ Чернышевский не соглашался с этой идеей Герцена, полагая, что общество никогда не может исчерпать силы. (см. [21]).

² Автор книги – Н.В. Соколов, но, как выяснил историк Б.П. Козьмин, Соколов писал вторую часть книги, а первая была написана его другом В.А. Зайцевым (см. [15]).

ственного устройства – именно это, по мнению Зайцева, было причиной живучести ересей. «Двенадцать веков один за другим безостановочно поднимались эти протесты... Что же касается внешней формы, то, конечно, спор шел большей частью о таких пустяках, что ожесточение, с которым одни преследовали, а другие упорствовали, будет совершенно непонятно, если за этой мелочной внешностью не видеть серьезного социального содержания» [28, с. 202–203].

Писарев также подчеркивал, что особенностью средневековой мысли было господство религиозного мировоззрения, поэтому социальная и политическая борьба велась под религиозными лозунгами. «Все враждующие элементы средневекового общества стояли на почве данной общей доктрины, которая для всех была обязательна и ненарушима. Интересы у всех враждующих элементов были, напротив того, различны, или, вернее, взаимно противоположны. Задача каждой воюющей стороны состояла в том, чтобы ссылками на общеобязательную доктрину оправдать свои собственные притязания и опровергнуть притязания противников» [22, с. 171]. Поэтому Писарев в первую очередь обращает внимание на то, какие конкретно социальные силы стояли за тем или иным религиозным учением и каковы были условия его появления и существования. Живучесть ересей объяснялась тем, что за расхождениями во взглядах на культ и организацию общины стояли по сути дела интересы определенных социальных групп, которые, исходя из собственного социального положения, осознавали свои интересы, но в Средние века это осуществлялось в религиозной форме.

Социальное содержание религиозных движений анализировал и Грановский. В гуситском движении он видел борьбу за национальную независимость, что и подчеркивал: «Вопрос религиозный был для них (чехов. – *Н.А.*) и вопросом политическим, национальным; спор шел между славянскими и германскими элементами...» [8, с. 377–378].

Рассматривая Реформацию, историк определил связь различных ее направлений с конкретными социальными слоями. Взгляды Лютера соответствовали экономическим интересам дворянства и зажиточных горожан. «В тех землях, где утверждалась Реформация, власть князей сильно усиливалась. Во-первых, князь становился уже главою областного духовенства... Во-вторых, князья отобрали значительную часть имения у духовенства католического или капитулов» [8, с. 101]. Устраивало светские власти и то, что «Лютер проповедовал начало безусловной покорности воле императора» [8, с. 107].

Историк обратил внимание и на позицию крестьян. «Вот что требовали они: уничтожение всех феодальных повинностей... Они требовали секуляризации церковных имений... и оканчивали требованием христианской братской общины, основанной на учении Христа, который страдал за крестьян, как и за высшее сословие. ...это самая полная попытка реформации, которая была до Французской революции» [8, с. 385]. Интересам крестьян соответствовало учение Мюнцера.

О том, как изменившиеся социальные условия рожают религиозные движения, писал Добролюбов в статье «О значении наших последних подвигов на Кавказе». Он показал, что религия лишь оформляет взгляды, вытекающие из определенных интересов. Не ислам побудил дагестанцев воевать с русскими, наоборот, мюридизм получил распространение в период войны. «Первым кликом мюридизма на Кавказе был *газават*... на Кавказе ничего не могло быть популярнее этого предписания исламизма, и вот почему мюридизм так быстро принял здесь громадные размеры» [10, с. 143]. Причем ислам не был для горцев новой религией, но в изменившихся условиях стал формой выражения их интересов. Все зависит именно от исторических условий, определяющих содержание движения.

Помимо того, что в работах указанных мыслителей было показано, как в религиозной форме выражались идеи различных социальных слоев, рассматривалось и обратное влияние формы на содержание учений. Несомненной заслугой Зайцева была постановка проблемы влияния формы выражения взглядов на характер движения. Например, он подчеркивал, что первые христиане ограничивались пассивным неприятием ценностей римского общества (см. [28, с. 188]).

Н.В. Шелгунов рассматривал эту проблему в статье «Европейский Запад». Отвечая на вопрос, почему христианство не смогло преобразовать общество, он указывал, что одной проповеди равенства было недостаточно, нужно было найти новые социальные формы. «Христианство, поучая любви, братству, равенству, не только не давало точных общественных формул, но с самого начала встало на теологическую точку зрения» [41, с. 8]. Основная причина неспособности изменить общество в том, что «религиозный романтизм замкнулся с самого начала в самом себе и ограничил сферу своей деятельности одними пределами внутреннего единоличного мира, одною моральною областью» [41, с. 8]. Такая ограниченность сделала невозможным социальное преобразование. В итоге религиозная форма привела к тому, что постепенно произошло коренное изменение содержания христианского учения. Начало его Шелгунов связывал с деятельностью апостола Павла, выразившего интересы тех слоев общества, которые опасались, что бедняки могут не ограничиться проповедью и перейти к активным действиям. Усилиями католических философов была выработана доктрина, поставившая на первое место откровение, умерщвление плоти, заставлявшая человека думать только о себе, о собственной душе. Христианская идея утратила свой первоначальный гуманный характер. Таким образом, оказывается, что не только содержание определяет форму выражения взглядов, но и форма, в свою очередь, существенным образом влияет на содержание. Подобный вывод был бы невозможен без применения диалектического метода.

Можно отметить, что именно диалектика и элементы материалистического взгляда на общество дали возможность не только анализа истории религиозных движений, их социальных основ, но и рассмотрения вза-

имодействия содержания и формы. Русская религиозно-философская мысль сделала значительный шаг вперед в научном анализе этих проблем.

Ведущие идеологи народничества исходили из других философских предпосылок. Во-первых, все они испытали значительное влияние позитивизма, что отразилось на их подходе к решению социальных проблем, в т. ч. и на отношении к религии. Гегелевская философия была отвергнута. Лавров прямо противопоставлял позитивизм как новую философию гегельянству, которое он считал устаревшим (см. [18, с. 331]). Бакунин определял философию вслед за Контом следующим образом: «Координация всех позитивных наук в единое человеческое знание образует Позитивную философию или всемирную науку» [4, с. 283]. Он хвалил Конта за то, что тот «основывает разум и так называемый дух на природе... психологию и социологию исключительно на космических, физиологических и антропологических основаниях» [1, с. 131]. Т. е. фактически за сведение более сложных процессов к простым, что в корне противоречит диалектике. Результат – стирание качественных различий даже между животными и людьми. «Все животные одарены и разумом, и волей. Между этими способностями животных и соответствующими способностями человека есть лишь количественное различие, различие в степени» [3, с. 361–362]. Ткачев в рецензии на русское издание «Философии природы» Гегеля писал: «Мы не имеем и не можем иметь ни малейшего разумного основания, ни малейшей действительной причины заниматься гегелевской философией» [30, с. 265]. Конечно, будучи людьми высокообразованными, диалектику идеологи народничества знали, но не считали необходимым ее использовать. В их взглядах присутствовал эволюционизм, но речь шла скорее о степени развития каких-либо черт или явлений. Применительно к человеческой культуре это проявилось в недооценке качественного различия исторических эпох и недооценке конкретно-исторического подхода к оценке событий.

Во-вторых, если у революционных демократов были элементы материализма в понимании жизни общества, то ведущие идеологи народничества отказываются от них. На первый план выходит сознание, в частности, у Лаврова – критически мыслящая личность, поэтому все дело оказывается лишь в том, какие идеи выдвинет эта личность. Очень четко этот взгляд проводится в «Исторических письмах», где все прогрессивное развитие человечества приписывается небольшой группе критически мыслящих личностей. Выходит, что не среда определяет личность (положение, основы которого заложили еще просветители), но личность формирует среду. «Прогресс заключается лишь в числе личностей, усвоивших сильные и самостоятельные убеждения». Прогрессу «препятствуют еще усвоенные *привычки*, освященные временем *предания*» [17, с. 63, 65]. Отсюда и вытекает постановка задачи – преодоление привычек, мешающих развитию, является условием изменения общества. Ткачев, правда, признавал, что «все явления – юридические и политические – представляют не более

как юридические последствия жизни экономической» [35, с. 99], но, рассуждая о христианстве, не использовал это положение.

Если для революционных демократов и Грановского исходным было положение о том, что различные социальные группы выражают свои интересы (зачастую противоположные) в религиозной форме, то у Лаврова и Бакунина религия, будучи ложным мировоззрением, является основой существующего строя. Отсюда и известное положение Лаврова: «Для нас в настоящую минуту существуют две общечеловеческие идеи, две борьбы, в которых должен участвовать всякий мыслящий человек... Это, во-первых, борьба науки против религии. Это, во-вторых, борьба труда против праздного пользования благами жизни... борьба за реализацию справедливого строя общества» («Вперед! Наша программа» (цит. по: [5, с. 5–6]). Ткачев сочувственно относился к первому виду борьбы, считал, что в ней должен участвовать «всякий не только мыслящий, но просто даже честный человек» (цит. по: [26, с. 28]), но для революционера этого недостаточно. Аналогичный подход встречаем у Бакунина в «Революционном катехизисе». Первое его положение: «*Отрицание наличности действительного, внемирового личного бога, а посему и всякого откровения и всякого божественного вмешательства в дела мира и человечества. Уничтожение служения божеству и его культа*» [2, с. 274]. Борьба против религии поставлена на первое место, а борьба против эксплуатации – на второе, но иного варианта не остается, если исходить из первичности сознания. Борьба за истинное мировоззрение, а не за изменение социальных отношений, приобретает в таком случае решающую роль в жизни общества. Здесь заметен явный отказ от тех элементов материалистического понимания общества, которые были у революционных демократов.

Подобный подход к решению философских проблем проявился и в особенностях трактовки сущности религиозных движений. Здесь можно увидеть как отдельные положения, восходящие к идеям революционных демократов, так и те, которые будут характерны именно для идеологов народничества.

Лавров не отрицал связь религиозных верований с определенными социальными группами, например, первоначальное христианство – религия низов. Такой подход замечен в статье «Анабаптисты или перекрещенцы» из «Энциклопедического словаря». «Успех реформации был основан на соединении в этом стремлении всех общественных сил. Государи и торговое сословие, гуманисты и безграмотное большинство населения, воинственное дворянство и религиозно-мистические мечтатели имели одного врага – католическое духовенство. Но эти разнородные союзники должны были разделиться немедленно после победы» [16, с. 248]. Среди возникших течений было и то, которое отвечало интересам работников. О нем Лавров писал, что пророки «опирались в особенности на желание социального переворота, кипевшее в подавленных низших классах» [16, с. 248]. Но на первый план выдвигалась специфика развития отдельных народов. При

этом сама сущность национальностей понималась упрощенно. «Национальности... суть результаты природных влияний, видоизменяемых историческою культурою». Они обладают естественной склонностью к деятельности в какой-либо области [19, с. 310–311]. Налицо попытка дать натуралистическое объяснение социальных явлений. Трактовка нации как подобия личности со своими склонностями упускала из вида закономерность развития, присущую всем народам (что утверждала диалектика). Характерно суждение о богомилах. «Это было верование, выросшее на славянской почве при особых условиях, в среде здесь существовавшей...» [19, с. 331]. При этом Лавров отмечал влияние богомильства на западноевропейские еретические движения, но без ответа оставлял вопрос, что заставило французов или представителей других народов воспринимать идеи, «выросшие на славянской почве». Ведь у них своя «почва», следовательно, должны быть свои взгляды.

Лавров не уделяет большого внимания интересам различных слоев населения при рассмотрении гуситского движения. Гус, отмечал Лавров, «*первым* слил догматическую оппозицию с национальной; чехи *первые* бросили в Европу мысль о национальной реформе на основании Библии» [19, с. 345]. То, что гуситы фактически отстаивали свою национальную независимость, подчеркивал еще Грановский. Изложение проблемы Лавровым идет с позиции концепции критически мыслящего меньшинства и большинства, не имеющего для этого образования. Чехи «вернее своих последователей, немцев, поняли сущность религиозного движения... они не отделили умственных интересов меньшинства от практических интересов массы...» (цит. по: [13, с. 203]). При этом не показано, как интересы меньшинства соотносились с интересами большинства, социальные характеристики здесь совершенно исчезают.

Далее о двух направлениях гуситов Лавров писал: «Табориты были самым полным (и вместе с тем самым крайним) выражением гуситства, его наиболее последовательным и вместе самым национальным развитием...» [19, с. 342]. Он отмечал, что «собственники и дворянство калишников (каликстинцев) видели более опасных врагов в социалистических таборитах, чем в немцах и католиках...» [19, с. 347–8]. Однако социальный конфликт не становится объектом рассмотрения. Умеренные гуситы вернулись к католицизму, «сознавая, м. б., что национальная реформа, в которой не участвует народ, не есть уже вовсе реформа религиозная» [19, с. 346]. За рамками рассмотрения остается вопрос, что же означал такой возврат к католицизму, и почему враждовали две ветви гуситов, одинаковы ли были интересы этих групп, мог ли народ поддержать умеренных. Лавров подметил, что и у гуситов, и в протестантизме народные варианты потерпели поражение, но причины такого развития событий остались без объяснения. Подобная трактовка становилась неизбежной, если исходить из положения, что движущая сила истории – идеи, и при этом не обращать должного внимания на социальные конфликты. Возможно, причиной игнорирования

классовой борьбы в средневековой Европе и переноса акцента на развитие идей самих по себе стало то, что вместо борьбы в обществе Лавров, а также некоторые другие, хотели видеть в обществе развитие солидарности.

Различие результатов, полученных в результате применения диалектического метода и отказа от него, видно из сравнения трактовки протестантизма Грановским и Лавровым. Грановский в лекциях четко обозначил социальную основу течений внутри Реформации. Дворянство и зажиточные горожане, с одной стороны, им противостояли крестьяне со своим религиозным учением и социальными требованиями (см.: [8, с. 100, 103, 107, 383]). Лавров интерпретирует Реформацию несколько иначе. «Протестантизм с самого начала имел две ветви, из которых одна развивается в богословскую схоластику пасторов, а другая коренится в простонародье» [19, с. 345]. Но сама сущность расхождений, причины их Лавровым не выясняются. Почему одержала верх «схоластика пасторов», остается непонятным, а главное, кто же поддерживал ее, какие социальные силы.

На этом примере видны различные результаты, к которым приводит использование диалектики Грановским и позитивизма Лавровым. Несмотря на временной интервал почти в 30 лет, трактовка событий Лавровым не только не углубляет оценок Грановского, но оказывается значительно упрощенной по сравнению с ними. Там, где историк видел борьбу различных слоев населения, Лавров видит только особенности нации или невозможность для мыслящего меньшинства привлечь на свою сторону большинство. Вопрос о различии интересов социальных слоев не ставился, поскольку позитивизм ведь и не требовал углубленного объяснения причин явлений, сводя закономерность к повторяемости.

В итоге получается, что игнорируется классовая основа религиозных движений. Такая трактовка была невозможна для революционных демократов, поскольку для них было ясно, что революцию могут совершить только широкие народные массы. В условиях развития революционной ситуации они обращали внимание на те религиозные группы, которые могли активно действовать в предполагавшейся революции. Даже после того, как стало очевидно, что революция в России не произошла, религиозные движения рассматривались в первую очередь как форма протеста социальных низов против эксплуатации. Иной подход был у идеологов народников, мечтавших об изменении социального строя в условиях, когда население было весьма пассивно. Надежды они могли возлагать только на активное меньшинство.

Лавров считал: «Чтобы быть плодотворным и живым явлением, религиозное движение должно соединить в себе три элемента: догматический интерес большей истины, исторический интерес удовлетворения задаче культуры данного времени и места (что в большей части совпадает с вопросом национальным), социологический интерес справедливейшего удовлетворения потребности вечно-страдающего большинства» [19, с. 347]. Здесь можно отметить расхождение по двум пунктам с позицией

революционных демократов. Последние совершенно справедливо подчеркивали, что религиозные разногласия могли быть ничтожными, это не было главным. Речь идет не об истинности, а о форме выражения взглядов, характерной для определенных эпох. Что же касается третьего элемента, то, с их точки зрения, каждая социальная группа понимала это по-своему. Именно такая ситуация приводила к мысли, что следует обратить внимание не столько на форму, в которой выдвигаются требования, сколько на их социальное содержание. Последнее положение почти исчезает у Лаврова.

Позиция П.Н. Ткачева также заметно отличается от подхода революционных демократов к религиозным движениям. Он оказался далек от понимания, что в религиозной форме выражали свои взгляды представители низших классов, религия, по его мнению, создается господами и служит их интересам. Так христианство сразу стало защищать интересы рабовладельцев и использовалось для запугивания простонародья. Привлекательным для рабов христианство сделали обещания награды в загробном мире и пассивный характер религии, соответствовавший характеру рабов. Справедливо подчеркивая пассивность раннего христианства, Ткачев отбрасывал вопрос о его социальной сущности, преследование первых христиан римскими властями объяснял тупостью императоров (см. [32, с. 331]). Способ привить новую религию – сила, употребляемая властью, и воспитание, также находящееся в ее руках (см. [32, с. 334]). Подчеркивалось, что неудачи восстаний заставили искать иной выход из тяжелого положения, что именно призывы терпеть и смиряться привлекли на сторону новой религии симпатии господ. Но игнорировался тот факт, что первоначальное христианство вырабатывались самими низами общества, а не было навязано им. Сложная картина становления христианства, изменения его социальной сущности, которую раскрывали религиоведы середины XIX в., заменена предельно упрощенной схемой, отчасти возвращающейся к концепциям XVIII в.

Ткачев отмечал, что христианство с первых веков своего существования боролось с язычниками и еретиками, но ограничился констатацией факта, его не заинтересовала социальная основа этой борьбы. В итоге делается вывод, что меры по насильственному крещению (II–V вв.) дали результаты и «вся Европа признала неоспоримую непогрешимость католических догматов и покорно распростерлась перед троном папы» [31, с. 125]. Предполагая добиться изменения социальных отношений силами небольшой, но активной группы лиц, Ткачев распространял, как видим, это положение не только на политические перемены в современном ему обществе, но и на историю. Оказывается, воли верхушки римского общества было достаточно, чтобы христианство стало мировой религией.

Ткачева считают сторонником «экономического метода». Действительно, с одной стороны, он писал, что, согласно Смитту, «вся общественная жизнь во всех ее проявлениях, со своей литературой, наукой, религией, политическим и юридическим бытом есть не что иное как продукт извест-

ных экономических принципов, лежащих в основе всех этих социальных явлений» [34, с. 96]. С другой стороны, оказывалось, что российское государство вовсе не имеет опоры в обществе, в тех же экономических отношениях, более того, экономический прогресс разрушает основы народной жизни, получается, что он нежелателен (см. [29, с. 89–90]). Ведущую роль в революционном перевороте Ткачев отводил революционной партии, к которой принадлежат «люди умственно и нравственно развитые, т. е. меньшинство». Оно «должно иметь умственную и нравственную власть над большинством» [29, с. 94]. Таким образом, решающая роль опять отводилась идеям и выдающимся личностям.

Роль экономического фактора понималась как стремление к комфорту и наслаждениям. «Люди начали дорожить жизнью и ставить земные утехи выше небесных» [31, с. 144]. Это высказывание несколько похоже на идею Писарева, что главным фактором развития духовной культуры южной Франции стал расцвет городов, рост достатка горожан, тесная связь хозяйственного развития с подъемом культуры. Но при этом Писарев подчеркивал противоположность интересов папства и горожан, которая и привела к распространению ересей. Ткачев не видит разницы между господствующей церковью и ересями, сектами, его не интересует социальное содержание взглядов, высказываемых в религиозной форме. Он отвергает религию как просветитель, видя в ней несоответствующее науке, разуму ложное мировоззрение. Если Зайцев справедливо видел в еретических движениях протест против феодального строя, то для Ткачева это только заблуждение.

Что касается протестантизма, то нельзя сказать, что Ткачев полностью игнорировал его связь с интересами буржуазии, но он рассматривал только борьбу по вопросу о процентах за предоставленный кредит. Подробно излагая ход борьбы, Ткачев пришел к выводу, что реформация была затеяна промышленными классами в отпор феодализму и католицизму. «Кальвин подкрепил учение ростовщиков текстами из Священного писания» [31, с. 139]. Но, при всей важности этой связи, речь должна была идти не только о процентах, так как интересы формирующейся буржуазии проявлялись не только в этом вопросе, и кальвинизм отразил их не только тем, что допустил процент.

Объясняя, почему люди в начале Нового времени перестали верить в ведьм и колдунов (заявление достаточно оптимистичное), Ткачев вновь вспоминал об экономическом факторе: «изменения, произошедшие в экономическом быту европейского общества, вызвали и воспитали дух скептицизма – более реальный и рациональный взгляд как на человеческие отношения, так и на явления природы» [33, с. 151]. Беда в том, что этот «экономический фактор» в изложении Ткачева весьма абстрактен, механизм его воздействия на общество неясен.

Можно сделать следующий вывод. Революционные демократы и Грановский показывали сущность определенных религиозных учений в

конкретных условиях и их социальные основы. Из их работ следовало, что в определенные исторические периоды в религиозной форме выражали свои интересы и крестьяне, и городская беднота. Такой подход не позволял трактовать религию упрощенно, только как инструмент, с помощью которого правящие слои укрепляют свои позиции (как это получалось у просветителей). Использование гегелевской диалектики, а у революционных демократов и стремление к материалистической ее интерпретации дали возможность рассмотреть историю идей, оценить их реальное социальное содержание, облаченное в религиозную форму, увидеть качественное различие между мышлением различных исторических эпох.

Понимание различия между господствующими и оппозиционными религиозными учениями в значительной степени было утрачено ведущими идеологами революционного народничества. Причину можно увидеть в изменении социальной обстановки в России. В начальный период деятельности революционных демократов в стране созревала и существовала революционная ситуация, т. е. само общественное развитие приводило к росту активности населения, а также вынуждало правительство провести ряд реформ. В этих условиях появились надежды на крестьянскую революцию. Только те из них, чье творчество пришлось на годы после революционной ситуации, вынуждены были отказаться от надежд на быстрые перемены. В период активной деятельности народников стало очевидно, что широкого крестьянского движения нет. Разлад между желанием изменить жизнь народа и отсутствием реальных возможностей для этого побуждал их возлагать надежды на субъективный фактор, которому и стали приписывать решающую роль в общественной жизни. А последнее привело к фактическому отказу от диалектики и к утрате элементов материалистического подхода к обществу. Применительно к религиоведению это заключалось в упрощенной трактовке религиозных движений, недооценке их социального содержания. Такое сопоставление тем более показательным, что и революционные демократы, и народники фактически выражали интересы одной социальной группы, недаром их объединяют, называя крестьянской демократией. В данном случае можно отметить, что различия позиций были связаны именно с мировоззренческими и методологическими аспектами их взглядов.

Список литературы

1. Бакунин М.А. Наука и народ // Бакунин М.А. Философия, социология, политика. М.: Правда. 1989. С. 125–143.
2. Бакунин М.А. Революционный катехизис // Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль. 1987. С. 274–279.
3. Бакунин М.А. Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке // Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль. 1987. С. 344–444.

4. Бакунин М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль. 1987. С. 279–330.
5. Володин А.И. К характеристике атеизма П.Л.Лаврова // Лавров о религии. М.: Мысль. 1989. С. 3–33.
6. Герцен А.И. Несколько замечаний об историческом развитии чести // Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 тт. Т. II. М.: Издательство АН СССР. 1954. С. 151–176.
7. Герцен А.И. С того берега// Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 тт. Т. VI. М.: Издательство АН СССР, 1955. С. 7–142.
8. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М.: Наука. 1986. 429 с.
9. Добролюбов Н.А. Жизнь Магомета. Соч. Вашингтона Ирвинга // Добролюбов Н.А. Избранные философские сочинения. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы. 1945. С. 124–130.
10. Добролюбов Н.А. О значении наших последних подвигов на Кавказе // Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений. Т. 4. Л.: ГИХЛ. 1937. С. 140–157.
11. Добролюбов Н.А. О степени участия народности в развитии русской литературы // Добролюбов Н.А. Избранные философские сочинения. Т.1. М.: Государственное издательство политической литературы. 1945. С. 78–123.
12. Добролюбов Н.А. Роберт Овен // Добролюбов Н.А. Избранные философские сочинения. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы. 1945. С. 309–343.
13. Дьяков В.А., Жигунов Е.К. Народническое направление в русской славяноведческой историографии и П.Л. Лавров // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М.: Наука. 1984. С. 157–215.
14. Евланников В.П., Евланникова Г.Е. Метод Гегеля в философии истории Чернышевского // Поиск истины в пространстве современной культуры. Сб. научных статей. Вып. 2. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2016. С. 73–80.
15. Козьмин Б.П. Н.В. Соколов // Козьмин Б.П. Литература и история. М.: Художественная литература. 1982. С. 377–378.
16. Лавров П.Л. Анабаптисты или перекрещенцы. Собрание сочинений. Серия 5. Вып. 1. Пг.: Революционная мысль. 1917. С. 247–271.
17. Лавров П.Л. Исторические письма // Философия и социология. Избранные произведения в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль. 1965. С. 19–295.
18. Лавров П.Л. Критическая история философии // Философия и социология. Избранные произведения в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль. 1965. С. 331–352.
19. Лавров П.Л. Роль славян в истории мысли. Публичные чтения П.Л. Лаврова; читаны в Цюрихе... 23 и 29 дек. 1872 г. // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 309–372.
20. Левандовский А. Т.Н. Грановский. «Рано или поздно действительность догонит мысль» // Российский либерализм: идеи и люди. Т.1. XVIII-XIX века. М.: Новое издательство. 2018. С. 252–260.
21. Лунин В.С. Падение Римской империи в русской общественной мысли XIX в.: Чернышевский // Гуманитарий. 2015. № 4. С. 40.

22. Писарев Д.И. Исторические идеи Огюста Конта // Писарев Д.И. Полное собрание сочинений и писем. Т.8. М.: Наука. 2004. С. 71–204.
23. Писарев Д.И. Очерки из истории труда // Сочинения в 4 тт. N. 2. М.: Художественная литература. 1955. С. 228–330.
24. Писарев Д.И. Популяризаторы отрицательных доктрин // Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. Т. 8. М.: Наука. 2004. С. 337–391.
25. Плеханов Г.В. Философские взгляды Герцена // Плеханов Г.В. Сочинения. М.-Л.: Госиздат. Т. XXIII. С. 354–413.
26. Пустарнаков В.Ф., Шахматов Б.М. П.Н. Ткачев – революционер, публицист, мыслитель // Ткачев П.Н. Сочинения. Т. 1. М.: Мысль. 1975. С. 5–90.
27. Сарычев В.В. Трагедия мыслящего: А.И.Герцен. СПб.: Умозрение. 2020. 80с.
28. Соколов Н.В. Отщепенцы // Шестидесятники. М.: Советская Россия. 1984. С. 166–304.
29. Ткачев П.Н. «Набат» (Программа журнала) // Ткачев П.Н. Сочинения. Т. 2. М.: Мысль. 1976. С. 89–102.
30. Ткачев П.Н. Новые книги. Гегель. Философия природы // Ткачев П.Н. Сочинения в 2 тт. Т. 1. М.: Мысль. 1975. С. 265–269.
31. Ткачев П.Н. Очерки из истории рационализма. Статья первая // Ткачев П.Н. Сочинения в 2 тт. Т. 1. М.: Мысль. С. 119–156.
32. Ткачев П.Н. Очерки из истории рационализма // Вопросы научного атеизма. Вып. 25. М.: Мысль. 1980. С. 316–337.
33. Ткачев П.Н. Очерки из истории рационализма // Встань, человек. М.: Советская Россия. 1986. С. 142–153.
34. Ткачев П.Н. Экономический метод в науке уголовного права. Введение // Ткачев П.Н. Сочинения. Т. 1. М.: Мысль. 1975. С. 93–98.
35. Ткачев П.Н. Библиографический листок // Ткачев П.Н. Сочинения в 2 тт. Т. 1. М.: Мысль. 1975. С. 99–118.
36. Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. III. М.: Гослитиздат. С. 5–309.
37. Чернышевский Н.Г. Сочинения Т.Н. Грановского // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. III. М.: Гослитиздат. 1947. С. 346–368.
38. Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника». 1859. № 8 // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. VI. М.: Гослитиздат. 1949. С. 328–375.
39. Чернышевский Н.Г. Основания политической экономии // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. IX. М.: Гослитиздат. 1949. С. 11–334.
40. Чернышевский Н.Г. Примечания к переводу «Введения в историю XIX века» Г. Гервиниуса // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. X. М.: Гослитиздат. 1951. С. 441–453.
41. Шелгунов Н.В. Европейский Запад // Шелгунов Н.В. Сочинения. Т. 1. СПб.: Издательство О.Н.Поповой. 1904. С. 1–19.

**DIALECTICS AND POSITIVISM IN THE PHILOSOPHY OF
RUSSIAN PEASANT DEMOCRATS
(by the example of the analysis of the essence of religious movements)**

N.O. Arhangelskaja

State University of Education, Mitishi

The article examines the difference in understanding of the social essence of religious movements by representatives of the Russian peasant democracy. The revolutionary democrats used the dialectical method, which made it possible to define the social essence of these movements as expressions of the interests of various social groups. They also raised the question of the influence of the religious form of expression of views on the content of the teaching. T.N. Granovsky, whose position on this issue was similar, also used dialectics. The ideologists of narodniks, relying on the ideas of positivism, lost the achievements of their predecessors and in some cases demonstrated a simplified approach to religion. One of the reasons for this was the refusal to use dialectics as a method of analyzing social phenomena.

Keywords. *Dialectics of revolutionary democrats, ideologists of narodniks, positivism, method.*

Об авторе:

АРХАНГЕЛЬСКАЯ Наталья Олеговна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», Московская обл., г. Мытищи. E-Mail: narhan@yandex.ru.

Author information:

ARHANGELSKAJA Natalya Olegovna – PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy, State University of Education, Mitishi. E-Mail: narhan@yandex.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.04.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 10.05.2023.

УДК 1 (091):001.83

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.113

ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОЕЗДКИ Т.Н. ГРАНОВСКОГО: ОТ ОБУЧЕНИЯ К НАУЧНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Цель статьи – рассмотреть обучение за границей и научные встречи Тимофея Николаевича Грановского как способ установления научного диалога специалистов разных стран, разрабатывавших концепцию всеобщей истории. В основу статьи легли субъективные или так называемые «живые» источники – письма самого Грановского и воспоминания друзей, свидетельствующие о времени его обучения в Берлине. Эпистолярные тексты не являются, разумеется, полностью достоверными источниками, тем не менее они представляют социальную и культурную значимость, помогают погрузиться в эпоху, уловить ее жизненную тональность и более емко изобразить персональных участников событий. Сделан вывод о том, что Грановский возвратился в Россию с большим запасом новых знаний и обрел круг научных знакомств с перспективой на научное сотрудничество.

Ключевые слова: *Т.Н. Грановский, культура, наука, история, заграничная поездка, обучение, научные встречи.*

В деятельности российских университетов XIX столетия сложилась традиция отправлять выпускников на стажировку в европейские университеты «для усовершенствования в науках» [5]. На высочайшем уровне, начиная с императора Никола I, принималось решение о том, что государство брало на себя все расходы по командированию. Такой вызов правительства ехать за границу за казенный счет включал обычно две задачи: теоретическую (приготовить себя к профессорской кафедре) и практическую (овладеть навыками преподавания на примере европейских мастеров). В итоге сотни молодых российских ученых воспользовались предоставленной возможностью, многие из них по возвращении в Россию стали гордостью отечественной науки и культуры.

Российский историк-медиевист, профессор Московского университета Тимофей Николаевич Грановский (1813–1855) в начале своей карьеры воспользовался правом продолжить обучение в Европе и прошел международную стажировку в Берлинском университете. В его письмах того времени и воспоминаниях друзей иллюстративно отражены истоки научного диалога историков разных стран [6]. Диалог, начатый в 30-х годах XIX столетия Грановским и другими молодыми преподавателями Московского университета (в частности, специалистами по всеобщей истории П.Н. Кудрявцевым, М.М. Стасюлевым, В.И. Герье. – *Е.М.*), спустя два-

© Михайлова Е.Е., 2023

три десятка лет продолжился благодаря схожей деятельности их петербургских коллег К.Д. Кавелина и Н.И. Кареева [4].

Цель статьи – рассмотреть обучение за границей и научные встречи Т.Н. Грановского как способ установления научного диалога историков разных стран и других специалистов, воплощающих концепцию всеобщей истории.

По одной из версий, востоковед, писатель и издатель О.И. Сенковский сподвиг Грановского на подачу прошения об обучении за границей на имя министра народного просвещения С.С. Уварова; по другой версии, писатель, философ Н.В. Станкевич порекомендовал своего друга попечителю Московского учебного округа графу С.Г. Строганову [2, с. 467, 651]. В любом случае, все сложилось так, что Грановский был направлен в Берлинский университет для прохождения международной стажировки с 1836 по 1839 г. Этот период хорошо отражен в его эпистолярном наследии и в воспоминаниях друзей. В письме своему другу Я.М. Неверову Грановский так обрисовывает цель своей стажировки: «...поездкой за границу я могу пополнить, по крайней мере, главные пробелы в моем образовании и приготовить себя к истинно разумной и полезной деятельности, как человек и гражданин» [2, с. 469].

Первой проблемой, с которой столкнулся Грановский перед поездкой, стало плохое знание немецкого языка. В России пришел на помощь друг Я.М. Неверов, желавший, по его собственному признанию, научить не только языку, но и передать свою любовь к искусству и музыке [2, с. 467]. По прибытии в Германию Грановский стал брать уроки и самостоятельно осваивать немецкий язык. Вот как он сам описывает свой рядовой повседневный день в Берлине в письме к Неверову: «Я хожу всякий день в театр, беру уроки немецкого и читаю Геродота. Меня учит по-немецки придворный проповедник, пастор Паули, отличный филолог и вообще очень ученый человек» [2, с. 474].

В традициях того времени немецкий студент, поступая в университет, приобретал «права академического гражданства». К.Д. Кавелин, изучавший по заданию министерства народного просвещения особенности устройства европейских университетов, так обрисовывал систему обучения. В ней были легитимизированы и сбалансированно прописаны как права, так и обязанности студента. Согласно установленным правам, студент получал возможность изучать дисциплину у любого профессора, осваивать курсы в любом порядке, пользоваться университетской библиотекой, вступать в студенческие сообщества по своим интересам и т. д. При этом студент был обязан каждый семестр слушать университетские курсы и получать в финале от профессора удостоверение, чаще всего в виде записки для деканата, об их успешном окончании [3, с. 33–34]. Схожие права имели и стажеры из других стран, разве что за исключением вступления в студенческое сообщество, поскольку они таковыми не являлись.

Грановский разработал себе план, в который входили такие задачи, как слушать лекции мастеров, читать исследования и изучать источники по всеобщей истории, чтобы «с запасом готовых материалов» вернуться в Россию и работать на благо студентов и науки [2, с. 471]. Исходя из своих интересов, он выбрал лекции мастеров, в число которых вошли К. Риттер (география), Л. Ранке (новая история), К. Вердер (история новой философии), Э. Ганс (государственное право), Ф. Савиньи (историческая школа права), Ф. Раумер (история), А. Тренделенбург (логика) и другие.

В письмах друзьям он дает преподавателям характеристики, меткие, но, разумеется, субъективные. Так, К. Риттер для Грановского – классик, «он довольно известен везде»; у Ранке «живые, поэтические взгляды на науку»; Раумер «много знает, но холоден и мелочен»; Штур «гениальный человек» [2, с. 283, 476]. Очевидно, что два мастера оказали большое воздействие на Грановского, и оба такие же молодые, как он сам. Это Вердер и Ранке. В годы учебы Грановского Карл Вердер был приват-доцентом кафедры философии Берлинского университета. Во многом благодаря ему у русского стажера-историка появился интерес к философии. Началось все с того, что вместе со Станкевичем Грановский стал посещать не только лекции Вердера, но и за отдельную плату его домашние занятия по логике. Довольно быстро научные интересы переросли, как это бывает с молодыми людьми, в дружеские отношения. Друзья потом вспоминали, как Вердер был молод, пылок, как охотно советовал, к нему можно было прийти «на дом» и задавать вопросы. Сначала Вердер поучительно относился к русским студентам, сомневался в их самостоятельном мышлении, считая, что они могут лишь одеваться «в одежды чужого образования» [2, с. 598]. Со временем он изменил свое мнение и поверил в будущее русской науки. Тесное общение с Вердером [Грановский даже одно время снимал рядом квартиру, чтобы быть как можно ближе к интересному коллеге. – *Е.М.*] привнесло в мир историка два новых жизненных приобретения. Первое достижение – Грановский проникся понятием «профессорского служения». Впоследствии, будучи уже в Москве, он станет воспроизводить традиции взаимодействия немецких профессоров и студентов в амплитуде разговора на равных, а не с высоты учености или статуса. Второе достижение – Грановский проникся значимостью философии истории и пытался, весьма небезуспешно, сопоставлять предмет философии истории и всеобщей истории.

Охваченный желанием познакомиться с историками-славистами, поработать в новых библиотеках и архивах, а также вкусить повседневную жизнь европейских интеллектуалов, Грановский в 1838 г. совершил поездку в Прагу, Вену и Дрезден. В Праге он познакомился с историком-славистом П. Шафариком. В неоднократном общении он проникся идеями возможного единения славянства. «Я не знаю, чему дивиться более в Шафарике: его великой учености или истинно великому характеру», – делится своими впечатлениями Грановский в письме Станкевичу и Неверову из

Праги [2, с. 297]. Русский историк потрясен тем, как Шафарик бескорыстно служит науке: он буквально голодает, но не задумывается о перемене своих житейских обстоятельств, ибо главным его желанием является доказательно обосновать, что объединенные славяне смогут преобразовать Европу, «полную бесплодных волнений, полуразорванную внутренними раздорами» [2, с. 299]. Солидаризируясь с суждениями Шафарика, Грановский не сомневается, что в славянах, особенно южных, «шевелится новая жизнь, что у них есть новые потребности» [2, с. 301]. Для завершения эскиза об отношениях русского и чешского историков нужно отметить еще один показательный факт. Материальная сторона жизни для Шафарика являлась весьма чувствительным вопросом. Все его друзья и коллеги знали об этом. Историк Погодин придумал способ, как помочь другу так, чтобы не ущемить его чувство достоинства. Он предложил организовать фонд взаимопомощи историков. Грановский в числе первых включился в эту подписку в пользу Шафарика.

В Вене произошла встреча Грановского с итальянским географом Адриано Бальби, автором популярного «Этнографического атласа мира» (1832), переведенного впоследствии на многие языки. Грановский принял участие в переводе работы Бальби в России. «Я обещал перевести и прислать ему то, что в русском переводе его географии будет прибавлено о России», – пишет в письме Н.Г. Фролову Грановский [2, с. 323]. Встречи с итальянским географом, как и ранее лекции Риттера, оставили сильный след в историческом мировоззрении Грановского; впоследствии во всех своих исследованиях и лекциях он будет серьезно относиться к природно-географическому фактору истории.

Особо следует отметить, как повлияла на мировоззрение Грановского его дружба со Станкевичем. Первая встреча молодых людей произошла в Москве и сразу переросла в тесные дружеские отношения. Грановский ценил литературный талант Станкевича, тот, в свою очередь, – исследовательские способности друга, говоря, что «он многого ожидает от этой головы» [2, с. 466–467]. Станкевич увлекался философией Гегеля и побудил друга изучать и применять диалектику в своих исследованиях. Вот как Герцен описывает этот сюжет: «Он [Станкевич] изучил немецкую философию глубоко и эстетически; одаренный необыкновенными способностями, он увлек большой круг друзей в свое любимое занятие» [1, с. 335–336]. В Берлине Станкевич и Грановский вместе слушали лекции профессоров университета, брали дополнительные уроки, работали в архивах Королевской библиотеки. Оба признавались Герцену, что два года жизни в Берлине оказались для каждого «ярко-светлой полосой их существования», где сливались воедино порывы молодости, шалости, ирония, с одной стороны, и серьезное обучение, – с другой [1, с. 421]. Дружбу обрвала лишь ранняя смерть Станкевича в 1840 г.

Учеба в Берлинском университете и поездка по городам Европы принесли Грановскому много интересных встреч, часть из которых пере-

росла в дальнейшем в научное сотрудничество. Русский филолог П.Я. Петров, еврейский религиозный деятель М. Сакс, интерпретатор Горациевых сатир Цумпт, русский географ и издатель Н.Г. Фролов и его семья, историки-слависты Н.Д. Иванишев и О.М. Бодянский – этот ряд имен можно продолжить.

В Россию в июле 1839 г. Грановский возвратился с большим багажом в прямом и переносном смысле этого слова. Он подготовил курс лекций по истории западноевропейского Средневековья, став практически первым медиевистом в России; накопил материалы для лекций по истории Нового времени; расширил свой лингвистический запас, изучив немецкий, в том числе и богемский (пражский немецкий), чешский, латинский, греческий языки; собрал большую домашнюю библиотеку с архивом источников и привез ее в Москву; наконец, обрел круг научных знакомств, которые впоследствии переросли в научное сотрудничество. Пример Грановского не единичен. Целая плеяда молодых профессоров вернулась после обучения в Германии в Московский университет, исполненная верой в ценность науки. Каждый из них поднимался на кафедру перед слушателями, чувствуя себя в первую очередь не кабинетным ученым, а гражданином своего отечества. Все горели желанием преподавать по-новому, не противопоставлять науку и повседневную жизнь, а, наоборот, наводить мосты, говорить о прошлом в регистре современности.

Список литературы

1. Герцен А.И. Былое и думы: в 2 т. / сост., предисл. и коммент. И.Г. Птушкиной. М.: СЛОВО/SLOVO, 2001. Т. 1. 912 с. Т. 2. 552 с.
2. Грановский Т.Н. Публичные чтения. Статьи. Письма / сост. А.А. Левандовский, Д.А. Цыганков. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 672 с.
3. Кавелин К.Д. Свобода преподавания и учения в Германии // К.Д. Кавелин. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. Философия, наука и литература. С. 5–70.
4. Михайлова Е.Е. К.Д. Кавелин: заграничные поездки и встречи как способ научного сотрудничества // Вече: Ежегодник русской философии и культуры; СПб.: СПб. философское общество, 2021. С. 48–59.
5. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Зарубежные стажировки как форма повышения квалификации преподавателей императорских российских университетов в XIX веке // Вопросы общего, высшего и дополнительного образования. Сб. ст. нац. науч.-практич. конф. с межд. участием / науч. ред. М.В. Новикова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 266–277.
6. Тишина Ю.В. Пражское путешествие как источник славянской тематики в лекциях и трудах Т.Н. Грановского // Новейшие исследования в области истории и педагогики. Мат-лы II Междун. науч. конф. / ред. И.Е. Воронкова [и др.]. Орёл: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2022. С. 262–271.

T.N. GRANOVSKY'S FOREIGN TRIPS: FROM TRAINING TO SCIENTIFIC COOPERATION

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The purpose of the article is to consider studying abroad and scientific meetings of Timofey Nikolaevich Granovsky as a way to establish a scientific dialogue between specialists from different countries who developed the concept of universal history. The article is based on subjective or so-called «living» sources – letters from Granovsky himself and memories of friends, testifying to the time of his studies in Berlin. Epistolary texts are not, of course, completely reliable sources, nevertheless, they represent social and cultural significance, help to immerse oneself in the epoch, catch its vital tone and more succinctly portray the personal participants of events. It is concluded that Granovsky returned to Russia with a large stock of new knowledge and gained a circle of scientific acquaintances with the prospect of scientific cooperation.

Keywords: *T.N. Granovsky, culture, science, history, foreign trip, training, scientific meetings.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии, истории и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 16.05.2023.

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ: **ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

УДК 1(091):177(316.3)

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.119

МИР(О)-ПОРЯДОК КАК ОСНОВА «СОЦИАЛЬНОГО» В ДОКТРИНЕ МАРСИЛИЯ ПАДУАНСКОГО

Н.Н. Козлова^{1,2}, С.В. Рассадин¹

¹ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

²ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»,
г. Москва

Авторы исследуют дискурсивное конструирование «Социального» в труде Марсилия Падуанского «Защитник мира». Авторы полагают, что итальянский мыслитель осуществил конвергенцию перипатетического и теологического дискурсов с применением органического инструментария. Раскрывается функциональный подход итальянского мыслителя, выраженный в поиске конфигурации институтов «Социального», обеспечивающих мир и спокойствие общества. В рамках дискуссии о степени радикальности взглядов Марсилия Падуанского предлагается умеренная трактовка его концепции народного суверенитета: при сохранении средневековой теологической конструкции бытия, в котором «вся власть от Бога», источник власти в «этом мире» выводится за пределы теологического дискурса. Авторы считают, что пересборка «Социального» в труде Марсилия Падуанского предполагает новый аксиологический и институциональный порядок, в котором основополагающей ценностью и организацией является единая неделимая политическая власть в лице государства, обладающая верховенством в процессе принятия решений.

Ключевые слова: «Социальное», социальное конструирование, Марсилиус Падуанский, теологический дискурс, политическая власть, средневековая философия.

Дискурсивное конструирование «Социального» в эпоху развитого Средневековья детерминировано контекстом острой политической борьбы между папством и светской властью, по словам А.Г. Сытина, спором, «продолжавшемся с разной интенсивностью в течение едва ли не всего европейского Средневековья» [22, с. 38]. Опираясь на теории дискурса, можно утверждать, что за стремлением мыслителей артикулировать свою позицию по вопросу о соотношении светской и духовной власти стоит определенная картина мира в аспекте воспроизводства власти. Исследователи отмечают, что для эпохи Средневековья характерно отсутствие единого политического пространства, наличие конгломерата замкнутых политических единиц, которые в условиях политической раздробленности находи-

© Козлова Н.Н., Рассадин С.В., 2023

лись в состоянии постоянной/перманентной войны – Императоры, города-республики, папа и др. участники политического процесса [15; 16, с. 73–129; 23]. Э. Зибницкий указывает: «Христианское Средневековье пыталось подняться над грубой эмпирикой “плюрализма воли” и создать некое совершенное государство, в котором бы воцарились мир, закон и порядок» [11, с. 75].

Исходной конструируемой рамкой «Социального», которая подвергается аналитической переработке в развитом Средневековье, является сформулированное Аврелием Августином еще в V в. учение о Граде Божьем (*Civitas Dei*). Э. Жильсон отмечает: «Два сообщества, которые любит описывать св. Августин и которые поглощают у него все прочие сообщества, – это Град Божий и град земной... Доктрина Августина в том виде, в каком он ее сформулировал, содержала идею чрезвычайной важности: идею вселенской религиозной гражданственности. Но она ничего не говорила об универсальном земном сообществе... С того момента, как сам земной порядок интегрируется таким образом в Церковь, Град Божий оказывается представлен Церковью, но более не остается языческой империи, представляющей град земной» [10, с. 243]. Поэтому используемое Августином понятие «христианский народ» обесмысливало дальнейшую выработку нового социального знания.

К факторам, стимулирующим поиск нового языка описания «Социального», исследователи относят рецепцию идей Аристотеля средневековым интеллектуальным сообществом с конца XII в. В XIII в., опираясь на аристотелевский принцип, что человек – это существо общественное, а гражданская жизнь необходима человеку, чтобы достигнуть полноты своего развития, Фома Аквинский придал ценность «Социальному», утвердив реальное различие мирского и религиозного порядков [1]. В итоге размышлений Аквината реабилитация «Социального» оправдывается умножением разумов отдельных индивидов для достижения благой жизни, однако субординация порядков с приоритетом Церкви, принципиально консервировала социальный дискурс. В то же время наследие Аристотеля вкупе с римским правом концептуально позволяло расколоть целостность «христианского мира» путем обоснования самодостаточности политических общностей [15, с. 130].

Значительную роль в формировании концепта «Социальное» сыграли те мыслители, которые стремились обозначить автономность светской власти от духовной, интегрируя в анализ обществ новые теоретические конструкты, метафоры, предлагая детализированные описания социальных систем, трансформируя лексические единицы религиозно-морально-этической сферы в гражданский дискурс. Как отмечает Б.Н. Чичерин, «на защиту императорской власти против папских притязаний двинулись не одни приверженцы теории всемирной монархии и крайние демократы, на поприще борьбы явились и схоласты» [24, с. 229]. В своих произведениях Данте Алигьери, Марсилиус Падуанский, Уильям Ок-

кам и др. реализуют цель – депотенцировать папскую власть за счет придания весомости/самодостаточности светской власти, стремясь обнаружить источник власти в гражданском обществе, осуществить пересборку известных Средневековыми элементами «Социального». Центром конструирования «Социального» для мыслителей становится государство как светский институт, его формы, источники и механизмы реализации государственной власти, который собирает вокруг себя все общество, включая церковь как одну из его частей. По мнению К. Скиннера, с конца XIII в. до конца XVI в. в Европе происходит выработка идеи конкретного правового и конституционного порядка, позволяющей концептуализировать государство «как единственный источник власти и легитимной силы на своей территории» [20, с. 8].

Цель данной статьи – анализ дискурсивного конструирования «Социального» в эпоху развитого Средневековья в труде итальянского мыслителя Марсилия Падуанского (1275–1342) «Защитник мира». Многие исследователи его творчества считают, что идеи Марсилия знаменуют концептуальный сдвиг в европейской политико-философской мысли XIV в., возводят генезис представлений о суверенитете с творчества Марсилия Падуанского [12]. По мнению А.Г. Сытина, основные положения книги «Защитник мира» предвосхитили новоевропейские теории народного суверенитета [22, с. 35]. Отдельные исследователи «Защитника мира» обозначают его суждения как оригинальные [21; 25; 26], радикальные [14], полагая, что Марсилиус «разработал средневековую теорию разделения властей между законодательствующим народом и исполняющим монархом» [19, с. 108]. Н. Афанасов и А. Павлов называют политическую теорию Марсилия «секулярной политической теологией», поскольку итальянский мыслитель «не просто признает за государством первенство, но и отказывает церкви в возможности иметь в этом мире какую-либо власть» [2, с. 45]. А.А. Бычков высказывает точку зрения, что Марсилиус Падуанский полностью отказывается от теократического основания любой политической власти [5]. По мнению Г.П. Лупарева, главной методологической особенностью «*Defensor pacis*» является необыкновенный для средневекового произведения конструктивизм, поскольку в трактате Марсилиус «не просто развенчивает папские претензии на неограниченную власть в обществе, но противопоставляет им собственный проект государственности, построенный на идее верховенства народа» [17, с. 32–33].

Ряд исследователей подчеркивает идеологическую подоплеку труда «Защитник мира»: А.Г. Енько считает, что Марсилиус оспорил светские притязания папства [9], К. Скиннер полагает, что Марсилиус внес существенный вклад в идеологию городских республик *Regnum Italicum*, «полностью оправдав их *de jure* независимость от Церкви» [20, с. 52].

В то же время некоторые эксперты в области творчества предостерегают от модернизационных трактовки концепции Марсилиуса, отмечая

отражение в его труде практик управления итальянскими городами-коммунами [4, с. 127].

Обратимся непосредственно к труду мыслителя. На наш взгляд, отправной точкой для поиска нового языка описания феномена «Социальное» становится проблема мира. Впервые артикуляция мира как самой насущной потребности общества встречается в трудах итальянского поэта, политического деятеля Данте Алигьери (1265–1321): «И род человеческий, будучи в состоянии покоя и ничем не возмутимого мира обладает наибольшей свободой и легкостью совершать свойственное ему дело, почти божественное... всеобщий мир есть наилучшее из того, что создано для нашего блаженства» [7, с. 28]. Итальянский мыслитель Марсилиус Падуанский в труде «Защитник мира» вторит Данте: «Для существования любого королевства, безусловно, необходим мир, который стимулирует развитие народов и одновременно защищает их интересы. Он является источником, наполненным красотой искусств и наук. Именно мир и спокойствие, умножая расу смертных непрерывным обновлением, расширяют их возможности и развивают нравы» [18, с. 64]. Марсилиус Падуанский объясняет название своего произведения, указывая, что «в нём обсуждаются и разъясняются основные причины, посредством которых гражданский мир, или спокойствие [в обществе], существует и поддерживается, а также причины, по которым возникает его противоположность – борьба, ему препятствующая и его уничтожающая» [18, с. 653]. Непосредственной причиной, вынудившей итальянского мыслителя обратиться к пересборке «Социального», являлся конфликт между Папой Римским Иоанном XXII и императором Священной Римской империи Людвигом Баварским. Как патриот Италии, «сын своей родины-матери, такой спокойной и красивой прежде, а теперь безобразной и растерзанной», Марсилиус сокрушается о последствиях раздоров среди жителей: раздробление государства, господство иноземных народов, тяжкий гнет тиранов и т. д. [18, с. 66], стремится в произведении выразить «перед Богом свой протест» против сложившегося социально-политического порядка, обвиняя епископов Рима в узурпации власти [18, с. 561]. Н. Афанасов и А. Павлов считают, что, полагая целью земной жизни мир, а не добродетель, Марсилиус «занижает стандарты древнегреческой мысли» [2, с. 45]. Для нас важно, что Марсилиус исходит из того, что наличное «Социальное» не обеспечивает мир и спокойствие, поэтому конструирование «Социального» мыслители начинают с поиска механизма равновесия и стабильности в обществе и анализа соотношения элементов между собой. Можно сказать, что, изучая состояние общества, средневековый мыслитель выводит определенный порядок, конкретную конфигурацию институтов, детерминирующих процессуальные/функциональные аспекты «Социального». Автор «Защитника мира» указывает на данную идею со всей очевидностью: «Мы сказали, что мир и спокойствие являются хорошим состоянием (механизмом) государства для взаимодействия его частей. В последующем надо обратить внимание на

сущность и цель самого государства, на характер и количество его основных частей; кроме того, на роль каждой из них; и, наконец, на их причины и соответствующий порядок; таковы предпосылки, необходимые для точного определения спокойствия и его противоположности» [18, с. 76]. Таким образом, Марсилий приходит к выводу, что за мир и спокойствие отвечают политические институты, прежде всего, государство, которое и является объектом пристального внимания итальянского мыслителя. Другой аспект, затронутый Марсилием, – это связь состояния «Социального» с концептуально-идеологической подсистемой, которую падуанец называет софистской, пагубной для рода человеческого доктриной [18, с. 67], конкретизируя далее на страницах своей книги теократическое учение католической церкви. Падуанец ставит задачу «познать и сорвать маску софизма с ошибочного мнения некоторых епископов римских и их сообщников, которое, выражая порочные желания, до настоящего времени является источником всех общественных раздоров» [18, с. 194]. Д. Джермино полагает, что ориентация текста Марсилия, так сказать, «на злобу дня» не дает возможности эксплицировать философские основания его идей [8, с. 339]. Однако, на наш взгляд, прежде чем приступить к теме мира/раздора, Марсилий Падуанский концептуально определяется с рядом универсальных понятий – власть, государство, право, закон, собственность, богатство/бедность и др., что придает его труду теоретический характер. Согласимся с мнением А.К. Гладкова, который рассматривает дискурс Марсилия Падуанского как «пример удивительного интеллектуального синкретизма, определяющего “смысловую многослойность” использованной автором терминологии» [6, с. 9]. Разбирая понятие *regnum* (в переводе с франц. Б.У. Есенова «королевство» [18, с. 72]), Марсилий выделяет несколько традиционных трактовок значения термина «королевство» и предлагает интерпретацию со ссылкой на авторитет Аристотеля, что «государство есть одно одушевленное или живое существо» [18, с. 73]. Марсилий сравнивает общество и живой организм, рассматривая структуру общества следующим образом: «Действительно, подобно живому организму, состоящему по его природе из определённо расположенных органов, обеспечивающих взаимосвязь целого и осуществляющих свои функции во взаимном обмене, государство тоже состоит из определённых частей, если оно хорошо, согласно здравому смыслу упорядочено» [18, с. 73]. Собственно, используемая итальянским мыслителем органическая метафора в социально-политическом дискурсе не являлась новаторской для Средневековья: в XI в. органический подход был применен И. Солсберийским в труде «Политикратикус», который использовал его для оценивания важности/значимости различных частей организма, проводя аналогию органов с институтами власти, и выявляя таким образом иерархию последних. Органическая метафора была близка автору «Защитника мира» как профессиональному врачу [3], но Марсилий Падуанский использовал ее для демонстрации единства и связности общества/организма, от которого, по его

мнению, зависит мир/здоровье субъекта: «Как конституция тела живого существа и его органы сложены для обеспечения ему здоровья, так же, очевидно, учреждение государств и его частей должно быть создано для обеспечения ему мира» [18, с. 73]. Опираясь на данный тезис, итальянский мыслитель сосредоточен на выяснении сущности, цели, происхождении общества, конкретных функций каждой его части, вклада органов власти в функционирование целого. Рассматривая общество в исторической ретроспективе, Марсилий убежден в поступательном развитии общества от низших форм к высшим, «от несовершенных форм общения люди дошли до совершенных сообществ, их строев правления и образов» [18, с. 75]. Согласимся с А.А. Бычковым в том, что «фактически Марсилий, отказавшись от идеи рассмотрения человечества как единого целого, поставив во главу угла итальянскую *communitas* в качестве единицы своего политико-философского анализа, произвёл второе существенное отклонение от “классического” понимания империи в качестве политического порядка, который непременно должен объединять весь человеческий род, без чего достижение людьми общего блага невозможно» [5, с. 22]. Марсилий видит отличие общественной/государственной организации от семейного быта в установлении справедливости, рационального порядка, соответствующих требованию «человеческого разума» [18, с. 76], и вслед за Аристотелем полагает государство «совершенным обществом» [18, с. 78]. Важно отметить, что в противовес мейнстриму теологического дискурса средневековой мысли, итальянский мыслитель подчеркивает, что он концентрируется исключительно на исследовании земной жизни, тогда как небесная/вечная, по мысли Марсилия, «не относится к области очевидной» [18, с. 80], поэтому он рассуждает «только об установлении законов и правлений, которые происходят непосредственно от воли человеческого разума» [18, с. 123]. Падуанец приходит к выводу, что человек появляется с врождёнными элементами противоположностей, поэтому среди людей возникают разногласия и ссоры, избежать которых возможно установлением норм права и созданием органов правосудия. В целом Марсилий для конструирования идеального государства, создавшего «механизм самообеспечения путём взаимодействия разных его частей» [18, с. 81], надстраивает над семьей и селением три подсистемы: гражданскую – политическую/государственную, связанную с установлением права и контролем за его исполнением, религиозную и экономическую. На наш взгляд, идея самообеспечения роднит итальянского мыслителя с представителями системного социального дискурса (Т. Парсонсом, Д. Истоном и др.). Реализация механизма самообеспечения, по мысли Марсилия, возможна благодаря деятельности крестьян, ремесленников, торговцев, воинов, священников, судей/советников. Духовенство, военных и судей автор относит к привилегированным, «знатым» людям, тогда как первые три слоя вслед за Аристотелем Марсилий называет «плебейскими» [18, с. 82]. Важность воинов и судей Марсилий объясняет не только профилактикой конфлик-

тов; он затрагивает различные аспекты идеи государственного суверенитета, утверждая, что приговоры судей против насильников и внутренних мятежников должны исполняться принудительной силой, а государство не сможет обеспечить хорошую жизнь, если граждане будут обращены в рабство [18, с. 85–86]. Одну из функций политической системы итальянский мыслитель видит в поддержании равновесия и обеспечении пропорций социальной системы, просекании излишеств и т. д. [18, с. 85]. Излагая подробно функционал каждой из частей государства, Марсилиий затрудняется в обосновании необходимости части священнической. С одной стороны, мыслитель отмечает, что она не может «рассматриваться как вещь, явная сама по себе», с другой стороны, «все народы пришли к согласию насчёт её учреждения для поклонения Богу и восхваления Его ради получения выгоды, которую мы находим в этом мире и [ещё больше] найдём в другом» [18, с. 87]. Марсилиий полагает, что священники также вносят свою лепту в поддержание мира тем, что внушают умеренность, призывают к почтению и милосердию [18, с. 89]. Опираясь на теологический дискурс, Марсилиий объясняет необходимость государства несовершенной природой человека вследствие грехопадения: «Если бы он (Адам. – *Н.К., С.Р.*) оставался таким же, не было бы необходимости учреждать для него и его потомства разные части государства, а также обособлять их. Ведь природа предоставила бы ему выгоды и удовольствия от достаточной жизни в земном рае, не прилагая для этого никаких усилий и не боясь никаких наказаний» [18, с. 91]. Согласимся с Н. Афанасовым и А. Павловым, что в вопросе о происхождении государства Марсилиий пытается органично совместить взгляды Аристотеля с идеями Августина [2, с. 52].

Марсилиий сравнивает Бога с врачом, который «действовал в данной области как опытный медик» и дал человечеству «некоторые заветы послушания, которые как противоядие от непослушания должны излечивать болезнь греховного падения» [18, с. 91–92]. Поэтому задачей священства является «воспитание и обучение человека тому, во что необходимо верить, что делать и чего избегать согласно евангельскому Закону, дабы достичь Вечного Спасения и избежать вечного страдания» [18, с. 94]. С точки зрения Падуанца, данная задача является частной по отношению к обществу как целому, поскольку «общей конечной целью всех служб государства является обеспечение благоприятных условий гражданам и состояния достаточности для свершения их действий и страстей» [18, с. 95]. В результате Марсилиий делает вывод, что священство необходимо подчинить мирскому законодателю, устранив при этом монополию римских епископов на толкование Библии, и, тем самым, интегрировать священство в единое социальное тело.

Придавая государству значительную ценность, падуанец в то же время характеризует государство с функциональных позиций. Рассуждая о причинах существования служб или частей государства, Марсилиий выделяет материальные («люди, получившие потенциал посредством овладе-

ния разными ремёслами и учениями, на основе которых в государстве учреждены различные части для достаточной жизни как его конечной цели», формальные («наставления, которые действующая причина даровала и внушила тем, кому предназначено исполнять определённые функции в государстве») и действующие («возможности души... они являются разумом и волей людей в их мыслях и желаниях, рассматриваемых... в индивидуальном или коллективном видах») [18, с. 95]. Трактовка итальянским мыслителем материальных служб близка к современным понятиям о сервисном государстве как деятельности, направленной к услугам человека [18, с. 96–97]. В рамках христианской теологии Марсилиий понимает отправление власти как служение: выполняя свой функционал, государственная власть служит обществу. Итальянского мыслителя интересуют в трактате, прежде всего, действующие причины существования различных государственных органов, которые автор связывает с законодателем, ибо «именно законодательная власть разделяет и устанавливает эти службы, подобно тому, что совершается в природе» [18, с. 98].

Признавая ключевой тезис теологической доктрины о даровании Богом правления на земле, Марсилиий в то же время утверждает, что «Бог не всегда действует непосредственно», а в большинстве случаев «устанавливает правление государством посредством человеческого разума, которому Он даровал свободу такого деяния» [18, с. 101]. Поэтому, опираясь на разум, Марсилиий полагает, что может получить знание «того, что является лучшим или худшим для политической формы» [18, с. 101]. Выделяя правильные и неправильные формы государства, Падуанец считает правильными те, которые в большей степени основаны на согласии подданных [18, с. 105], поэтому «выборный тип правления является лучшим по сравнению с теми, которые им не являются» [18, с. 105]. По мнению итальянского мыслителя, чтобы политическое общество достигло высокого уровня согласия, стало предрасположенным к справедливому и полезному состоянию, необходимо установить закон, под которым автор «Защитника мира» понимает «правила справедливого и полезного в городе-государстве, выражением которых являются традиции, обычаи, всенародные постановления и любые подобные правила обязательного характера, установленные властью» [18, с. 111]. Марсилиий связывает несправедливые законы с ограничением прав, угнетением и нищетой граждан, которые приводят к развалу политического сообщества. Утверждая, что «закон – это одно око, состоящее из множества глаз» [18, с. 117], Падуанец указывает, что «законодателем, т. е. действующей (первой и особенной) причиной закона, является сам народ или его преобладающая часть» [18, с. 124]. Марсилиий продолжает: «Эта преобладающая часть, оцениваемая мною с точки зрения количества людей и их положения в обществе, путём голосования на общем собрании граждан предопределяет содержание закона, предписывает в нём поступки человека, устанавливает, что допустимо, а что недопустимо под угрозой наказания» [18, с. 124]. Итальянский мыслитель отказыва-

ется признавать другие источники закона, в частности, церемонии/торжества, видя в них лишь символическую природу. В частности, в рамках дискуссии о роли папства в создании империи (коронация Карла Великого в 800 г. римским папой Львом III) Марсилий высказывает идею, что смысл процедуры коронации состоял не в передаче власти императору, а придании официального характера данной власти [18, с. 642]. Мыслитель обосновывает необходимость принятия закона народом большей вероятностью заметить ошибку или чей-либо личный интерес, а на стадии правоприменения – обеспечить повиновение закону гражданина, в выработке которого он участвовал сам [18, с. 127].

Марсилий ссылается на аристотелевское понятие гражданина: «Я называю гражданином того, кто участвует в управлении гражданским обществом, участвует в юридических делах или судебном разбирательстве по своему положению» [18, с. 124–125]. При этом мыслитель требует от гражданина высокого уровня политико-правовой культуры, позволяющей вникнуть в суть государственных проблем и противостоять манипулированию общественным мнением со стороны римских епископов [18, с. 123]. Высказывая сожаления о низком уровне развития интеллектуальных способностей граждан, Марсилий полагает необходимым и полезным, чтобы «общая масса граждан доверила благоразумным и опытным людям открытие, исследования и разработку будущих законов и сводов правил относительно того, что является справедливым и полезным для государства» [18, с. 137]. Механизм итальянский мыслитель предлагает следующий: «каждая из основных служб государства..., исходя из пропорционального соотношения всех, избирает несколько человек; или же вся объединённая масса граждан выбирает этих благоразумных и опытных людей», а как только «законы будут созданы и тщательно рассмотрены, они должны быть предложены всей массе граждан на одобрение или отклонение [18, с. 137]. Таким образом, Марсилий вводит в законотворческий процесс элемент публичного одобрения разработанных норм.

В научной литературе нет единой трактовки «*legislator humanus*». В частности, Б.И. Ключко указывает, что «*legislator humanus*» не следует воспринимать как синоним современного законодателя, поскольку Марсилий Падуанский рассуждал о гражданской общине (*civitas*), а не государстве, и не знал концепции разделения властей, теории суверенитета [13, с. 138]. Помимо законодательной функции Марсилий приписывает народу право утверждать или выбирать правление (правителя): «Только законодатель обладает правом определять правителя или даже убирать его [с поста], если это необходимо для общего блага. Это составляет одно из самых важных дел в политическом обществе и принадлежит всей массе граждан» [18, с. 148]. Итальянский мыслитель полагает правильным механизм избрания императора Священной римской империи тремя христианскими архиепископами и четырьмя светскими христианскими князьями [18, с. 543], поскольку данные выборщики «не имеют для решения этой задачи

особой власти и другой [правовой] основы, хотя она [такая власть] не может быть у них отнята или отозвана другим лицом, кроме вышеупомянутого человеческого законодателя Римской империи» [18, с. 643].

В дальнейшем итальянский мыслитель подробно разбирает функционал «исполнительной или инструментальной» власти правителя: кадровые назначения, организация военной службы, отправление правосудия, исполнение приговоров. Чтобы государство и его существующие части являлись «аналогией великолепно созданного природой живого организма и его органов» [18, с. 150], по мысли Марсилия, правящая часть должна содействовать всем службам в выполнении их функций, а «деятельность правителя в государстве, подобно деятельности сердца в живом организме, никогда не должна прекращаться» [18, с. 155]. Характеризуя правителя, Марсилиус затрагивает и внутренний аспект суверенитета, а именно единство и верховенство государственной власти: королевство должно иметь «один высший принципат, а не несколько», правитель «должен быть один, если речь идёт о нём не как о представителе человеческого рода, а как о представителе власти» [18, с. 177], принципату должны быть подчинены другие части государства [18, с. 178]. По мнению итальянского мыслителя, именно общий правитель, регулирующий социальные связи, и дает возможность государству быть единым организмом [18, с. 180]. Падуанец не разделяет идею своего соотечественника Данте о необходимости всемирной монархии, полагая, что «предпочтительно, чтобы в разных краях, разделяемых расстояниями, различиями в языках, обычаях и традициях населения, каждое сообщество обрело тот принципат, который ему подобает» [18, с. 179]. «Ибо, хотя все верующие едины во Христе, или в веровании в Него, независимо от того, являются ли они евреями или греками, владельцами или рабами, тем не менее существует различие в отношениях людей между ними, и апостолы предписывают, чтобы такой порядок был сохранён на протяжении этой жизни» [18, с. 243]. При этом, как предполагает А. Гевирт, Марсилиус, ориентируясь на порядки поздней Священной Римской империи Германской нации, определял роль императора в терминах номинального верховенства [25]. Марсилиус педантизирует идею об ответственности правителя перед законодателем, о подчинении правителя власти закона [18, с. 181–183, 639], что роднит ее с идеей правового государства.

В противовес идеалу Марсилия – мирному/спокойному существованию государства под властью одного правителя – автор «Защитника мира» анализирует конфликт между римскими епископами и императорами Священной римской империи, в результате которого итальянское королевство было подвергнуто «всевозможным унижениям», «всевозможным беспокорствам» [18, с. 187]. Марсилиус подробно останавливается на генезисе священства с первых веков существования христианства до того момента, когда «некоторые епископы, наследующие его [Симона-Петра] папский трон в Риме, особенно после эпохи императора Константина», выдвинули идею полноты власти (*plenitudo potestatis*) в лице Папы Римского [18,

с. 190]. В отличие от римских епископов, которые именно таким образом интерпретировали вручение ключей от Царствия Небесного Иисусом апостолу Петру [18, с. 209], и на этом основании добивались присвоения «себе принудительной юрисдикции во всех королевствах», «над всеми народами и провинциями», подчинении «себе правителей и всех живущих в обществе людей» [18, с. 198–199], Марсилиус трактует полноту власти как всеобщую пастырскую заботу «о душах всех народов и государств мира» [18, с. 501]. Он отстаивает ключевой тезис, что «ни епископу римскому, ни какому другому епископу, священнику или духовному служителю как таковому не принадлежит обязанность принудительного правления над любым отдельно взятым человеком, в каком бы звании он ни находился, над любой группой или сообществом» [18, с. 192–193], выступает против претензии Папы Римского на утверждение избранного коллегией римского императора [18, с. 543]. При этом Марсилиус не посягает на основы христианской онтологии, указывая, что «мы будем ссылаться на авторитет Священного Писания» [18, с. 209], а объектом критики выбирает не церковь как институт, а отдельных ее представителей, которые искажают Писание и злоупотребляют властью [18, с. 199, 519].

Для последовательного опровержения аргументов римских епископов итальянский мыслитель предлагает расширенную трактовку понятия «церковь» как массы верующих во Христа, не ограничиваясь совокупностью «священников, епископов, диаконов» [18, с. 201, 202]. Разграничивая понятия «духовный» и «мирской», автор указывает, что «сутяжнические, плотские и мирские» поступки духовенства должны быть подсудны светскому суду [18, с. 206, 253, 281], что «человеческий закон должен быть мерилом подобных деяний» [18, с. 207]. Обращаясь к идеалам раннего христианства, итальянский мыслитель считает, что Иисус отказался от правления, от богатства [18, с. 254, 322], «продемонстрировал необходимость подчинения принудительной юрисдикции мирского правителя... на самом себе, собственной самодисциплиной» [18, с. 228]. Опираясь на изречения апостола Павла «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим 13:1)», автор «Защитника мира» считает, что «тот, кто сопротивляется власти, сопротивляется повелению Бога» [18, с. 239], что и происходит, когда епископы вмешиваются в светские дела, тем самым «покушаются на чужую область деятельности» [18, с. 236]. Марсилиус важно подчеркнуть, что всякая душа, в том числе и священнослужители, должны подчиниться верховной власти правителя, а в совокупности все люди, в том числе и правитель, должны подчиняться более высшей власти – власти Бога [18, с. 241]. Итальянский мыслитель специально оговаривает ситуацию, при которой власть правителя может носить разрушительный характер, «поскольку при ней хорошие не очищаются, а злобные не наказываются» [18, с. 240], поэтому он оставляет право на сопротивление власти, подчёркивая абсолютное превосходство Божьего закона над человеческим [18, с. 281, 329].

Важно помнить в этом контексте, что Марсилиий мыслит в логической конструкции разделения мира на небесный и мирской, поэтому и полагает в конечном счете, что «под именем власть понимается либо та, которая была дана от Бога, либо та, которой обладает человек, что внимательный читатель может различать» [18, с. 240]. Автор указывает, что «такая власть *в этом мире* (курсив наш. – *Н.К., С.Р.*) даётся законом или человеческим законодателем» [18, с. 246]. В данной конструкции только власть правителя обладает принудительным характером («подобная власть принадлежит лишь человеческому законодателю» [18, с. 248]), так как Марсилиий рассматривает правителя как служителя Божия, «карателя от гнева Божьего» на земле. Выполнение данной функции, по мнению итальянского мыслителя, предполагает, что правитель не может иметь «жалкий и покорный вид» [18, с. 320], иначе подданные не будут его почитать и бояться. Поэтому, несмотря на декларируемую Марсилием потенциальную возможность противостоять власти, итальянский мыслитель настаивает на подчинении подданных ей, уплате ими налогов, поскольку правитель предлагает взамен защиту, сражается за отчизну, восстанавливает справедливость [18, с. 243]. Поскольку и священники пользуются услугами правителя в области обороны и безопасности, то «церковь или вся масса верующих во Христа должна быть подвластна мирским правителям, должна соблюдать их повеления, не противоречащие Закону Вечного Спасения» [18, с. 249–250]. Идею служения правителя Марсилиий вписывает в контекст христианской онтологии, не допускает произвол власти подчинением правителя законам Божьим, рассматривает отправление власти не как право, а как долг. Таким образом, несмотря на концептуальный сдвиг в политической мысли Марсилия Падуанского, мыслитель осуществляет пересборку «Социального» внутри существующего порядка.

Утверждая монополию власти правителя на принуждение для формирования мир(о)-порядка итальянский мыслитель лишает римских епископов данной власти, «ибо принуждение никогда не принесёт никакой выгоды делу Вечного Спасения» [18, с. 246], но в то же время допускает делегирование власти законодателем («никакой епископ или папа не имеют принудительной юрисдикции над кем бы то ни было в этом мире, хоть над священником, хоть над несвященником, если только эта власть не предоставлена законодателем, который всегда имеет право её у него забрать по серьёзной причине, полная оценка которой принадлежит тому же законодателю, особенно в сообществах верующих» [18, с. 253–254]. Падуанец проводит аналогию между деятельностью священника и доктора/лекаря – функционал данных профессий состоит в предписании конкретных наказов, исцеляющих души и тела, но не имеющих принудительного характера [18, с. 276]. Он предлагает называть декретами римских епископов не законами, а учениями [18, с. 290], и в силу этого лишает юрисдикции римских епископов в вопросе осуждения еретиков [18, с. 309–311], «так как никто не наказывается и не карается в этом мире за сверше-

ние греха против теоретических или практических учений как таковых» [18, с. 304]. Марсилиий формулирует идею, которая в протестантизме будет обозначена как «спасение/оправдание верой»: «Вина и задолженность вечного проклятия прощаются истинно раскаивающемуся грешнику только одним Богом, без предварительного или последующего участия священника» [18, с. 263]. Право на утверждение судьи, в функции которого входит разбирать [дело], судить виновного, прощать его или приговаривать к публичному позору и изгнанию из сообщества верующих, Марсилиий вручает «всей массе верующих или их главному консилиуму в лоне того общества, в котором кто-либо должен быть осуждён таким судом» [18, с. 267]. При этом согласно Марсилию, судьёй является мирской правитель как таковой, но не священник или епископ [18, с. 283]. Итальянский мыслитель выступает против тамплиеров, госпитальеров и других орденов, утверждая, что «никто не должен быть освобождён от общественных обязанностей и не может избавляться от гражданской юрисдикции без распоряжения того же законодателя» [18, с. 287]. В конечном счете, утверждая юрисдикцию правителя на правах законодателя над священниками для предотвращения смуты, Марсилиий видит епископат как составную часть государства, когда «правитель должен определить в каждой провинции, которая ему подчинена, точное число духовных служителей, равно как число людей, управляющих любой другой частью политического сообщества» [18, с. 288]. В рамках данного подхода Падуанский не ограничивается пересборкой «Социального» через новую конфигурацию институтов государства и церкви, но настаивает на реорганизации самой церкви, поднимая вопрос об источнике власти в сообществе верующих, об экономическом статусе церкви, праве назначать священнослужителей. Марсилиий предписывает церкви соблюдать заветы Иисуса в отношении бедности/богатства, обладать только теми вещами, которые обеспечивают удовлетворение непосредственных сиюминутных потребностей [18, с. 356, с.363, 396]. Рассматривая вопрос об источнике власти в сообществе верующих, Марсилиий напоминает, что «основателем всех служб в государстве является законодатель (тот, кто стоит у власти) самолично или через правящую верхушку» [18, с. 402].

По мнению итальянского мыслителя, все священники равны в священном сане [18, с. 405], поскольку все апостолы получили равное священное право от Христа [18, с. 402]. В связи с этим, по мысли Падуанского, римские епископы не имеют права устанавливать в должности других епископов, лишать их сана, интерпретировать Писание и католическую веру [18, с. 420]. Марсилиий видит изоморфными принципы организации государства и церкви: в сообществах верующих «действующую безотлагательную причину учреждения или назначения руководителя (от самого высшего епископа до самых нижайших уровней священников) составляет или должно составлять всё множество верующих этой местности, которые через выборы или прямое волеизъявление того и тех, кому эта масса верующих предоставила власть, проводят подобные назначения» [18, с. 428]. В

частности, в число тех, кому масса предоставила право власть подбирать людей для продвижения их на должности священников, запрещать им исполнение функции, право утверждать или отклонять суждения, Марсилий включает человеческого законодателя [18, с. 434–435]. Итальянский мыслитель настаивает на уплате налогов церковью в обмен на её покровительство со стороны королевской власти [18, с. 439–440], которая в свою очередь будет распределять данные налоги «для удовлетворения потребностей бедных евангелистов и всех нуждающихся бедняков» [18, с. 478–479]. Падуанец предлагает ликвидировать монополию римских епископов в вопросах интерпретации Писания, установления церковных ритуалов, вверяя данный функционал всеобщему Собору христиан [18, с. 449, 451], которому, в конечном счете, и принадлежит главная власть в церкви [18, с. 459]. Механизм организации работы Собора, состоящего из священников и мирян, является, согласно Марсилию, прерогативой мирского законодателя [18, с. 459, 467], который также устанавливает форму и систему избрания священника римским понтификом [18, с. 471]. Таким образом, урезая власть римских епископов до определенной функции – священства, сокращая количество центров принятия решений в государстве, итальянский мыслитель стремится свести к минимуму расколы в гражданском обществе. В итоге итальянский мыслитель осуществил конвергенцию перипатетического и теологического дискурсов с применением органического подхода: при сохранении средневековой теологической конструкции социального бытия, в котором «вся власть от Бога», источник власти в «этом мире» – «человеческий законодатель» – выводится за пределы теологического дискурса. Пересборка «Социального» в труде Марсилиа Падуанского предполагает новый аксиологический и институциональный порядок, в котором основополагающей ценностью и главным принципом социальной организации является единая неделимая политическая власть в лице государства, обладающая верховенством в процессе принятия решений.

Список литературы

1. Аквинский Ф. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л.: Наука. 1990. С. 234–243.
2. Афанасов Н., Павлов А. Секулярная политическая теология Марсилиа Падуанского // Философско-литературный журнал «Логос». 2015. Т. 25, № 6 (108). С. 44–67.
3. Банк В.Э. Молодые годы Марсилиа Падуанского. СПб.: тип. М.А. Александрова, 1913. 28 с.
4. Баранов В.Ф. Политическое учение Марсилиа Падуанского и его связь с коммунальным движением Северной и Средней Италии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета: сб. статей. Т. 16, вып. 7. Вопросы истории. Петрозаводск, 1970. С. 124–136.
5. Бычков А.А. Обоснование и кризис имперской идеи в XIV веке: Данте Алигьери, Уильям Оккам и Марсилий Падуанский: автореф. дис. ... канд. полит. н. М., 2008. 27 с.

6. Гладков А.К. «Pacis civilium» Марсилия Падуанского: социальное благоденствие, «Здоровье» государства и функции власти в политической мысли XIV в. // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2017. № 4 (16). С. 7–12.
7. Данте Алигьери. Монархия / пер. с итал. В.П. Зубова; комм. И.Н. Голенищева-Кутузова. М.: «КАНОН-пресс-Ц» – «Кучково поле», 1999. 192 с.
8. Джермино Д. Возрождение политической теории // Политическая теория в XX в. / под ред. А. Павлова. М.: Издаельский дом «Территория будущего», 2008. С. 339. С. 336–363.
9. Енько А.Г. Борьба империи против светских притязаний папства в первой половине XIV века и «Defensor pacis» Марсилия Падуанского: Автореф. дисс. ... канд. ист. н. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. 14 с
10. Жильсон Э. Философия в Средние века. М.: Культурная Ре-волюция, Республика, 2010. 678 с.
11. Зибницкий Э. Град земной и град Божий. Проблемы христианской социологии в исторической перспективе // ЭОН. Альманах старой и новой культуры. 2017. С. 71–95.
12. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля // Юридическая наука. 2016. № 3. С. 22–29.
13. Ключко Б.И. Законодатель в трактате Марсилия Падуанского «Защитник мира» // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2015. № 2. С. 133–140.
14. Ключко Б.И. Масилий Падуанский. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2562404.html> (дата обращения: 14.04.2023).
15. Кондратенко С.Е. Политическая аргументация Бонифация VIII и Эгидия Римского о сущности власти // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2017. Т. 10, № 2. С. 130–144.
16. ЛеГофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. под общ. ред. В.А. Бабинцева; послесл. А.Я. Гуревича. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.
17. Лупарев Г.П. Мыслитель-бунтарь Марсилиус Падуанский // Марсилиус Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступит. ст., примеч. Г.П. Лупарева. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К0», 2014. С. 11–63.
18. Марсилиус Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступит. ст., примеч. Г.П. Лупарева. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К0», 2014. 656 с.
19. Серегин А.В. Развитие учений о монархической форме правления в средневековой Европе // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2010. № 2(18). С. 104–109.
20. Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. / пер. с англ. А. Олейника. М.: Издат. дом «Дело» РАГС НХ, 2018. Т. 1. Эпоха Ренессанса. 464 с.
21. Суини М. Лекции по средневековой философии. Вып. 2. Средневековая политическая философия Запада. М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006. 320 с.

22. Сытин А.Г. Концептуальный сдвиг в понимании оснований политики в европейской мысли XIV в.: учение Марсилия Падуанского // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. № 4. С. 35–43.
23. Царьков И.И. Священный порядок и право: опыт христианской теологии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. № 4. С. 18–36.
24. Чичерин Б.Н. История политических учений: в 3 т. СПб.: Издательство РХГА, 2006. Т. 1. 720 с.
25. Gewirth A. Introduction // Marsilius of Padua: The Defender of the Peace. N.Y.: Harper and Row Publishers, 1967.
26. Strauss L. Marsilius of Padua // Marsilius of Padua: the Defender of the Peace. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

PEACE/WORLD ORDER AS THE BASIS OF THE SOCIAL IN THE DOCTRINE OF MARSILIUS OF PADUA

N.N. Kozlova^{1,2}, S.V. Rassadin¹

¹ Tver State University, Tver

² Russian State Social University, Moscow

The authors explore the discursive construction of the «Social» in the work of Marsilius Padua «Defender of Peace». The authors assume that the Italian thinker accomplished the convergence of peripatetic and theological discourses using organic tools. The functional approach of the Italian philosopher is revealed, expressed in the search for the configuration of the institutions of the «Social», ensuring the peace and tranquility of society. As part of the discussion on the degree of radicality of the views of Marsilius of Padua, a moderate interpretation of his concept of popular sovereignty is proposed: while preserving the medieval theological construction of being in which «all power is from God», the source of power in «this world» is removed from the limits of theological discourse. The authors believe that the reassembly of the «Social» in the work of Marsilius of Padua presupposes a new axiological and institutional order in which the fundamental value and organization is a single indivisible political power represented by the state, which has supremacy in the decision-making process.

Keywords: «Social», social construction, Marsilius of Padua, theological discourse, political power, medieval philosophy.

Об авторах:

КОЗЛОВА Наталия Николаевна – доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии, Институт экономики и управления, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь; профессор кафедры политологии и прикладной политической работы, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Москва. E-mail: tver-rapn@mail.ru. ORCID Id 0000-0003-1212-6412, Scopus Author ID: 56446454300, ResearcherID D-5405-2019, SPIN-код: 6273-0895

РАССАДИН Сергей Валентинович – кандидат философских наук, до-

цент, доцент кафедры политологии, Институт экономики и управления, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: s_r08@mail.ru. ORCID Id 0000-0002-3478-0792, Scopus Author ID: 56518236300, ResearcherID AAS-7665-2021, SPIN-код: 7952-3904

Authors information:

KOZLOVA Nataliya Nikolaevna – PhD (Political Sciences), Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Institute of Economics and Management, Tver State University, Tver; Professor of the Department of Political science and applied political work, Russian State Social University, Moscow. E-mail: tver-rapn@mail.ru.

RASSADIN Sergei Valentinovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science, Institute of Economics and Management, Tver State University, Tver. E-mail: s_r08@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.05.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 16.06.2023.

УДК 1(091):130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.136

ПЕРЕХОД ОТ ХРИСТИАНСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ К НОВОЕВРОПЕЙСКОМУ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

С.И. Сулимов

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж

Цель исследования – выявление и раскрытие социальных и духовных причин формирования новоевропейского понимания философии истории. Новизна исследования заключается в выявлении факторов общественного развития, повлекших за собой отказ новоевропейских мыслителей от христианского финализма, но не приведших к возвращению традиционной циклической парадигмы понимания истории. В результате исследования нами были обнаружены такие факторы, приведшие к трансформации западноевропейского понимания истории в XVI–XVII вв., как сформировавшийся в городах-коммунах тип личности, стремящейся к индивидуальной деятельности, вере и познанию; распространение книгопечатания; успехи естественных наук; Английская революция, продемонстрировавшая непрочность любого политического режима.

Ключевые слова: философия истории, социальная философия, индивидуализм, книгопечатание, общественная динамика.

Введение

Актуальность данной работы вызвана тем фундаментальным наследием, которое оставило современности западноевропейское общество в Новое время. Это и колониальная система, становление и распад которой повлияли на все без исключения ныне существующие культуры и цивилизации, и противоречивые экономические достижения, во многом способствовавшие становлению мировой капиталистической системы со всеми достоинствами и издержками данного явления, и множество технических изобретений, до неузнаваемости изменивших производство, военное дело и даже досуг всех народов планеты. Но ведь такие свершения не могут произойти без предшествовавших им мировоззренческих изменений, среди которых одним из самых важных является трансформация представлений о динамике общественного развития и особенно о характере исторического процесса. Например, циклическая парадигма исторического развития с необходимостью приводит к попыткам законсервировать традиционное общественное устройство и безуспешной ориентации на «золотой век», якобы имевший место в далёком прошлом. Ориентированная же на неизбежный финал земной истории и перемещение человечества в иную, трансцендентную, реальность христианская парадигма понимания

© Сулимов С.И., 2023

истории, характерная для западного Средневековья, оставляла без внимания многие явления и проблемы социальной эмпирии, без решения которых новоевропейская политическая и культурная экспансия не была бы возможна.

В данной работе мы предпримем попытку выявить и проанализировать те социальные и духовные факторы, которые привели к замене в западноевропейском мировоззрении средневекового понимания истории (финализма) на прогрессизм и неоциклизм Нового времени.

Целью исследования является выявление духовных, социальных и политических факторов, приведших к пробуждению интереса западных европейцев к явлениям, процессам и событиям социальной эмпирии в XV–XVII вв. Эта цель предполагает решение следующих задач:

- раскрыть социальные процессы, приведшие к формированию новоевропейского типа личности;
- отметить технические достижения, которые позволили новоевропейскому мировоззрению функционировать, а новым идеям – овладевать широким кругом образованной публики;
- выявить политические события, привлёкшие внимание европейцев к процессам и явлениям, содержащимся в современной им земной общественной реальности.

Методологической основой исследования послужили сравнительный анализ и сопоставление таких событий XV–XVII вв., как изобретение книгопечатания, расцвет культуры в самоуправляющихся городах-коммунах, обретение автономии естественными науками и Английская революция (1640–1660 гг.).

Теоретическая база работы – исследования отечественного исследователя Н.А. Кареева и британского историка Р. Осборна, подробно изучавших социальный и духовный переход от средневекового западного общества к новоевропейскому. Становление философской литературы, характерной для городского общества XV–XVI вв., мы рассматриваем на материале исследований отечественного автора В.Г. Драча, а значение британской революции устанавливаем, опираясь на сочинение У. Черчилля.

Вместе с тем мы отдаём себе отчёт, что данный исторический период и произошедшие в нём социально-духовные процессы совсем не просты и являются предметом исследования западных и отечественных учёных на протяжении более чем столетия. Мы не претендуем на исчерпывающий их анализ и практически не затрагиваем такие явления, как гуманизм и Реформация. Заинтересованный читатель найдёт их тщательное рассмотрение в работах таких авторов, как М. Вебер, М. Брендлер, Л.М. Баткин и В.В. Соколов. Наша же задача – выявить и подчеркнуть те социальные причины, которые привели к фундаментальной трансформации мировоззрения средневековых европейцев и сделали возможным новоевропейское понимание истории.

Практическая значимость исследования заключается в использовании данной работы при чтении таких гуманитарных курсов, как социальная философия, культурология и философские проблемы истории. Также результаты исследования могут применяться для прогнозирования дальнейших мировоззренческих трансформаций западноевропейского общества.

Социальные и технические достижения городов-коммун

Говоря о переходе европейцев в эпоху позднего Средневековья от финалистского понимания истории к парадигме прогресса, важно заметить, что даже основанный на теологии и библейской метафизике подход к социальной динамике в какой-то степени учитывал изменения, происходящие в обществе. К примеру, средневековый итальянский богослов Иоахим Флорский целенаправленно стремился найти в мировой истории такой этап, на котором в обществе доминировало бы чёрное духовенство, поскольку притязания римского папы на светскую власть невозможно было скрыть так же, как невозможно было провести аналогий между режимом понтифика и духовным авторитетом «отцов Церкви». Но такие неортодоксальные подходы к историческому развитию представляли собой в Средние века редкую экзотику, да и католический клир не стремился исследовать происходящие в земном обществе процессы в отрыве от сакрального смысла истории. Однако, невзирая на свою грамотность и систематическую работу с богословскими и философскими текстами, монашество не было единственным образованным сословием средневековой Европы, равно как оно почти никогда не было законодателем мировоззренческой моды. Если же говорить о светской аристократии, то её быт на протяжении всего Средневековья оставался военизированным и не предполагал глубоких духовных запросов. Но аристократия и духовенство не были единственными западными сословиями и точно не являлись монополистами в сфере мысли. Более того, параллельно с обеими общественными группами зародилась и набирала силу новая социальная общность, которая со временем стала претендовать на то, чтобы устроить жизнь европейского социума на собственных духовных и экономических началах. Речь идёт о самоуправляющихся городах-коммунах, население которых занималось ремеслом и коммерцией, а на земельную собственность вне городских пределов не претендовало и тем самым исключало себя из сеньориальных отношений, столь характерных для светских и духовных иерархов. Отечественный исследователь Н.И. Кареев пишет по этому поводу: «Существенные черты нового общества в его отличие от средневекового ранее всего проявились именно в городах. Города не только извне вышли из-под власти феодалов, но и внутри освободили свой быт от феодальных форм. Здесь впервые верховная власть отделилась от землевладения и сделалась выражением общей воли гражданства. Здесь впервые расторгались вассальные узы, ставившие одного свободного человека в зависимость от другого, и образовалось состояние граждан» [3, с. 39]. Такой город-коммуна с

характерными для него карнавалами, выборами в городской совет и негласным господством ростовщиков является оригинальным европейским явлением, и поэтому происходящие в нём духовные процессы протекали только в Европе, без параллелей с городским обществом Ближнего Востока или Китая.

Сформировавшаяся в коммунах Северной Италии и Германии личность человека-индивида, не связывавшего свою идентичность с каким-нибудь сословием, настаивала на определённых неотчуждаемых правах и стремилась занять в мире своё индивидуальное место в соответствии с индивидуальными же предпочтениями. Если в политическом отношении союз короны с автономными городами стал предвестником гибели для полунезависимых аристократов и не признававшего государственных границ духовенства, то в духовном плане развитие городской мысли шло по пути постепенного обособления индивида от традиционных религиозных форм духовной жизни. В обоих случаях немалую роль сыграли технические изобретения. Важнейшей такой новацией стал печатный станок с подвижными литерами, изобретённый в середине XV в. Иоганном Гуттенбергом и почти сразу же подорвавший монополию клира на книжную мудрость. Начиная с XVI в. сочинять книги мог любой человек, а не только монах, имеющий на это благословение аббата, и издание этих книг зависело лишь от того, сможет ли автор оплатить услуги типографии, которые благодаря станку Гуттенберга перестали быть дорогостоящими. Это, в свою очередь, привело к распространению грамотности, потому что умение читать теперь было связано не только с профессиональной деятельностью, но и с удовольствием. Вследствие формирования читательских запросов и авторских предложений возникло множество литературных жанров, многие из которых никак не были связаны ни с религией, ни с традицией, да и вообще не претендовали ни на какую серьёзность. Так, например, в Европе возродились античные жанры сатиры и мемуаров о путешествии. Не меньшее значение распространение печатных книг имело и для протестантской Реформации. Ведь когда Мартин Лютер настаивал, что пастор и даже рядовой верующий должны сами читать Библию, то он подразумевал, что бумажный экземпляр Священного Писания доступен каждому. Значение духовной эмансипации индивида от общины (например, от церковной проповеди или карнавального празднества) невозможно переоценить. Вот как характеризует произошедшую в духовном климате Европы метаморфозу британский исследователь Р. Осборн: «Распространение книгопечатания означало, что теперь любой состоятельный вельможа мог сочинить поэтическую книжку или изложить историю своих путешествий на бумаге и затем распространять экземпляры среди своих друзей, знакомых и тех, на кого он хотел повлиять. В XVI веке Европу наводнили повести о приключениях – их авторы представляли собой массу отдельных людей, каждый из которых пытался возвысить голос над шумной толпой. И так же, как из-под кисти фламандцев выходило искусство, в котором религи-

озный сюжет сменялся выражением духовности и особого настроения самого художника, из-под пера европейских писателей выходила литература, в которой не было Бога. <...> Западная Европа по-прежнему была насквозь пропитана христианством, однако на горизонте уже брезжил рассвет иного мира. В эпоху Реформации средневековое общество уступило место отдельному человеку, одиноко стоящему перед лицом Бога; пройдет ещё немного времени, и смысловая ось западной цивилизации вновь сдвинется: на сей раз христианин, состоящий в непосредственной связи с Богом, превратится в рационального индивидуума, нуждающегося в рационально устроенном обществе» [5, с. 358–359]. Размышляя о роли широкого распространения книгопечатания в становлении новоевропейской культуры, особенно хотелось бы отметить то значение, которое распространение печатной Библии сыграло в процессе Реформации. Дело в том, что Мартин Лютер и Жан Кальвин, настаивая на чтении Священного Писания каждым верующим, тем самым санкционировали свободный религиозный поиск, что выразилось в возникновении множества протестантских течений (квакеров, левеллеров, конгрегационалистов, янсенистов и т. д.) и сект. Если люди теперь должны были не принимать на веру слова духовенства, а читать, размышлять и делать выводы самостоятельно, то совсем не удивительно, что их мнения по ключевым вопросам веры не могли оставаться единообразными. Но пытливый горожанин-индивид не ограничился религиозной проблематикой, и вскоре объектом его интереса стал весь окружающий мир – от астрономии до политики. Мнение классических мыслителей, которые столетиями господствовали в средневековых университетах, больше не вызывали безоговорочного доверия.

Становление литературы нового типа: от утопии к политическому трактату

Современный отечественный исследователь Г.В. Драч, размышляя о творчестве Т. Кампанеллы, предположил, что в XVI в. было сделано достаточно открытий и опубликовано слишком много книг, для того чтобы «Физика» Аристотеля продолжала считаться исчерпывающим сочинением: «Необходимость новой теологии, так же как новой метафизики, новой философии и вообще всего обновления наук, Кампанелла обосновывает успехами человеческой цивилизации, достижениями эпохи великих географических открытий. Нельзя ссылаться на древних и ограничиваться Аристотелем, писал он в трактате “Против языческой философии” и в “Богословии”. После того как Колумб открыл Новый Свет, а Магеллан совершил кругосветное путешествие, стали известны новые моря и земли, нравы и обычаи неизвестных доселе народов. Коперник обосновал новую космологию, Тихо Браге и Галилей открыли не наблюдаемые древними астрономами звёзды, кометы и планеты. Были изобретены книгопечатание, артиллерия, телескоп, реформирован календарь» [2, с. 9]. Разумеется, такие успехи естественных наук (т. е. в познании природы) пробудили исследо-

вательский интерес и к общественной проблематике. Тем более, что роман-путешествие в годы Великих географических открытий превратился из развлекательного чтения в познавательное. Литературный жанр путешествий был известен в Западной Европе с раннего Средневековья, в частности, в ирландской агиографии так составлялись жития некоторых святых (например, «Плавание святого Брендана») [1, с. 242–245]. Но мемуары участников трансокеанских экспедиций и завоевания Центральной Америки претендовали на достоверность. Их авторов читатели нередко знали в лицо, и ни один из этих мемуаристов не претендовал на личную исключительность. Например, написанная отставным конкистадором Берналем Диасом «Правдивая история завоевания Новой Испании» быстро превратилась в бестселлер. Важность этого произведения заключается в том, что оно «из первых рук» повествует о встрече европейцев с иным миром, в котором христианские и античные представления о жизни не имеют никакого смысла. Причём этот мир – не потусторонний; он находится на западном побережье Атлантического океана, и любой мореплаватель, солдат или купец может достигнуть этого мира без какой-либо мистики. Однако Диас, описывая сражения и приключения своих соратников, образ жизни и особенности культуры ацтеков, недвусмысленно дал понять, что традиционные для Западной Европы представления о мире и населяющих его народах очень ограничены. Похожую работу проделал креститель Юкатана францисканец Диего де Ланда Кальдерон, в работе «Сообщение о делах в Юкатане» изложивший краткий очерк истории городов-государств майя на протяжении XV–XVI вв. Но если адресатом сочинения Кальдерона хотя бы номинально считался испанский король, то Диас обращался напрямую к широкой читающей публике, тем самым поощряя её интерес к реальным, существующим в мире обществам и как бы случайно опровергая мнение европейцев о собственном всезнании. Но в тот момент европейские очевидцы пытались рассматривать заокеанский мир с точки зрения собственных политических представлений. Например, ацтекский император – «тлатоани» – казался им «королём», а майянские вожди – «сеньорами», которых конкистадоры пытались привести к вассальной присяге испанскому монарху и столь же безуспешно пробовали следовать в сражениях с ними нормам западной воинской этики.

Однако как в естественных науках вслед за открытиями появились изобретения, так и в представлениях об обществе произошёл переход от описания новых стран к конструированию утопий. Важно отметить, что эти утопии пока не были новаторскими политическими проектами. Ни Томас Мор, ни Томмазо Кампанелла, ни Френсис Бэкон не утверждали, что описываемые ими идеальные порядки хотя бы в принципе могут быть реализованы в одной из новоевропейских стран. Утопию Бэкона вообще справедливо считают технократической: «Сюжет “Новой Атлантиды” Бэкона, с одной стороны, типичен для утопий того времени, а с другой, представляет новую тенденцию, отвечающую веяниям эпохи нарождающегося капита-

лизм. Типичность утопии состоит в развитии жанра романа-путешествия и островной темы. Напротив, оригинальность – в разработке не социальных, а преимущественно научно-технических аспектов организации будущего общества, что позволило исследователям отнести утопию Бэкона к категории технократических» [6, с. 65]. Т. е. утопия не стала заменой средневековому католическому учению о государстве и даже не претендовала на эту фундаментальную роль. Однако причиной такого бурного развития утопического жанра не в последнюю очередь стали Великие географические открытия и хотя бы поверхностное знакомство европейцев с общественным устройством американских и азиатских народов. Вместо того чтобы по характерной для средневекового католицизма моде безоговорочно отвергать чуждый, иноверческий социальный опыт, мыслители-утописты, а вслед за ними и иные философы предпочли познавать сначала чужие общества, а потом и своё собственное. Необходимо отметить, что католическое социальное учение не могло в этом помочь. Ведь для христианства вообще и для католицизма в частности характерна прочная связь между небесным и земным мировыми порядками, и земной мир сам по себе, в отрыве от мира небесного не представляет для Церкви большого интереса. Отечественный исследователь Н.И. Кареев заметил по этому поводу: «Земля объявлялась юдолюю печали и страданий, и в настоящей жизни спастись из этой юдоли казалось возможным только в монастыре; миру с его несовершенствами не противопоставлялся иной социальный идеал, кроме тихого пристанища монашеской обители, да и зачем было стремиться к тому, чтобы лучше устроить материальную жизнь людей, когда она-то, жизнь эта, и есть источник нравственной гибели?» [3, с. 76]. Именно, потому что ни учение об обществе Блаженного Августина, ни философия истории Иоахима Флорского не углубляются в подробности реальных политических процессов, познание общественной реальности стало уделом людей, участвовавших в политической борьбе, пусть даже при этом и не очень ревностных католиков.

Одним из первых мыслителей, заинтересовавшихся современным ему общественным строем и принципами его функционирования, стал Никколо Макиавелли (1469–1527). Большую часть своей жизни этот человек посвятил политической борьбе в своей родной Флоренции, и эта борьба не всегда проходила для него удачно. Однако, возможно, именно этот факт побудил его исследовать политику и общество такими, каковы они есть, безотносительно к тому, что должно быть в принципе. Для того чтобы лучше понять переменную, произошедшую в осмыслении общества, ознаменованную творчеством Н. Макиавелли, приведём несколько примеров из работ итальянского мыслителя. В книге «Государь», написанной как пособие для правителя, Макиавелли даёт гипотетическому венценосцу такой совет: «Переходя к другим из упомянутых выше свойств, скажу, что каждый государь желал бы прослыть милосердным, а не жестоким, однако следует остерегаться злоупотреблять милосердием. Чезаре Борджиа мно-

гие называли жестоким, но жестокостью этой он навёл порядок в Романье, объединил её, умиротворил и привёл к повиновению. И, если вдуматься, проявил тем самым больше милосердия, чем флорентийский народ, который, боясь обвинений в жестокости, позволил разрушить Пистойю. Поэтому государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости» [4, с. 91]. Т. е. мыслитель призывает правителя быть прагматичным и, если потребуется, не останавливаться перед крайними мерами. Мерило политического успеха, с точки зрения Макиавелли, – выгода, а не доброе имя и личное благочестие. Именно поэтому он сравнивает политику, проводимую Чезаре Борджиа, с политикой Флорентийской республики, исходя из достигнутых результатов, а не устремлений или верности идеалам. Т. е. если герцог Борджиа сумел реально установить в Папской области мир, а флорентийское правительство не сумело защитить один из подвластных городов, то для правителей предпочтителен опыт Борджиа, даже если он не опирается на христианские добродетели или учения античных философов. Автор «Государя» пишет об этом прямо и без стеснения: «О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют, ибо чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нём не остаётся места, когда за большинством стоит государство» [4, с. 95].

Однако считать Макиавелли проповедником имморализма было бы неправильно. Он вовсе не путает добро со злом и высказывает в своём творчестве традиционные для католической Европы нравственные оценки. Другое дело, что эти оценки никак не влияют на прагматическую выгоду от политических действий, которые писатель рекомендует воображаемому правителю. В одной из глав «Государя» мыслитель отмечает, что если бы общество располагало добрыми нравами, то в вероломной и жестокой политической практике не было бы нужды. Однако эмпирическое средневековое общество не оставляет правителю выбора, если только он желает сохранить корону: «Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдётся. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушила своё слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру» [4, с. 94].

Если сравнить Макиавелли со святым Августином, считавшим, что никакое земное государство не сможет заменить человеку Царства Небесного, или с епископом Евсевием Кесарийским, возлагавшим надежды на

христианизацию политики, то флорентийский мыслитель стоит на более примитивной, но и более подходящей для познания позиции. Ведь он рассматривает общественные отношения в их наличном виде, ничего нового не предлагая и не призывая ни от чего отказываться. Макиавелли предполагал, что правила политической борьбы существовали задолго до того, как родился первый желающий их реформировать и облагородить. Поэтому политическому деятелю приходится учитывать эти правила и следовать им, а не давать им нравственную оценку. Эта мысль обусловила слабое место концепции флорентийского автора: описываемые им социально-политические отношения словно не развиваются, а общество всегда остаётся одним и тем же; меняются лишь имена правителей, границы и названия государств. Условно говоря, политическую философию Макиавелли можно назвать возвращением к античной циклической традиции Геродота и Фукидида. В частности, размышляя о событиях римской истории, Макиавелли пытался обнаружить в ней те же мотивы, которыми руководствовались итальянцы XVI в. — его современники. Однако следует отдать флорентийскому писателю должное: он стал первым новоевропейским автором, который попытался изучать общество исключительно в его наличном виде, не сравнивая друг с другом небесный и земной порядки.

Английская революция как свидетельство необратимости истории

Общественная динамика стала очевидной для всей Западной Европы после того, как в Англии в середине XVII в. произошла революция, в ходе которой был осуждён и казнён король Карл I Стюарт, а государственная система подверглась коренному и наглядному реформированию. Казнь монарха сама по себе была событием неслыханным: в Средние века королей иногда убивали заговорщики, но только для того, чтобы возвести на трон кого-то из родственников погибшего венценосца. Во время Английской революции схваченный король предстал перед судом парламента так, как если бы был обычным политическим преступником (например, изменником). До последней минуты ни монарх, ни его приближенные, ни даже некоторые судебные заседатели не верили в то, что простолудины могут вынести приговор своему монарху. Однако под давлением радикально настроенных солдат смертный приговор всё-таки был вынесен и приведён в исполнение. А вскоре после этого командующий революционной армией генерал Оливер Кромвель превратился в диктатора того типа, который часто появлялся на политической сцене в первой половине XX в. В частности, сторонники Кромвеля разогнали большую часть парламента, упразднили англиканскую Церковь, а вся власть сосредоточилась в руках генерала и небольшой группы лояльных к нему депутатов. Шок, который испытала при виде этих лавинообразных социально-политических изменений западноевропейская читающая публика, хорошо выразил У. Черчилль: «Монархия и палата лордов ушли в прошлое; англиканская Церковь пре-

бывала в прострации; от палаты общин осталась немногочисленная группа, презрительно называемая “Охвостьем”. Сами члены “Охвостья” не страдали от недостатка самомнения. В своём представлении они были живым воплощением того дела, которое защищал парламент, и считали, что страна ещё долгие годы будет нуждаться в их руководстве» [7, с. 298]. Реставрация монархии, произошедшая во второй половине XVII в., лишь доказала, что общество изменилось необратимо. Новый монарх хоть и был приглашён на престол парламентом, но моментально лишился короны, едва попытался править самовластно. Если Карл I, прежде чем попасть на эшафот, вёл с революционерами долгую гражданскую войну, то Яков II даже не имел возможности сопротивляться, потому что ни одна воинская часть его не поддержала, и поэтому бесславно бежал из Лондона (1688). Таких прецедентов Средневековье не знало, но в реальности революционных событий не приходилось сомневаться.

Произошедшая в Англии революция стала предметом самого разнообразного осмысления. Например, Томас Гоббс именно под впечатлением от казни короля задумался о сущности государства. Джон Локк попытался сформулировать неотчуждаемые права человека, которые никакое государство – как монархическое, так и республиканское – не сможет отобрать. Современный британский исследователь Р. Осборн считает Английскую революцию катализатором активации интереса к эмпирическому общественному развитию: «В 1640-х годах попытки теоретического осмысления начал современного государства неожиданно получили мощный практический импульс, и его источником стал политический кризис в одной из главных европейских монархий. Именно английская революция создала ситуацию, в которой у политических идей появился шанс на широкое публичное обсуждение» [5, с. 442]. В отличие от утопий прежних времён, политические проекты XVII в. допускали свою реализацию, и возможность такой реализации стала наглядной. Теперь наиболее глубокомысленные исследователи стремились прогнозировать возникновение и степень осуществимости подобных земных проектов в земной же реальности, которую смелые замыслы, как оказалось, могут фундаментально изменить.

Заключение

В данной работе мы предприняли попытку выделить предпосылки формирования новоевропейской философии истории. Самыми важными из этих социальных и духовных факторов являются следующие. Первым стало формирование в самоуправляющихся городах-коммунах нового типа личности-индивида, стремящейся к индивидуальной деятельности, вере и познанию. Вторым фактором трансформации западноевропейской духовной, а затем и социальной жизни оказалось распространение печатного слова, позволившее каждому грамотному человеку приобщаться к знаниям и размышлять о них самостоятельно. Третьей предпосылкой формирования новоевропейской философии истории стали успехи естественных

наук, повлёкшие вслед за стремлением познавать материальный мир желание освоить закономерности мира социального. При этом важно отметить, что без распространения книгопечатания и интереса к светской литературе эти научные достижения оказались бы бесполезны, потому что не достигли бы образованной публики, оставшись достоянием лишь узкого круга естествоиспытателей и фантазёров-утопистов. И, наконец, немаловажную роль в трансформации европейских представлений об общественной динамике сыграла Английская революция, продемонстрировавшая, что наличный политический порядок непрочен и вполне подвластен человеческим усилиям. Именно благодаря хоть и кратковременной, но очень зрелищной замене английской монархии на республику и установлению прочных ограничений для монаршей власти, которые не смогла ликвидировать даже реставрация, европейцы увидели важность и необратимость событий земной истории. Под влиянием Английской революции интерес к общественному развитию превратился из мечтательного в практико-ориентированный. Ведь теперь европейским эрудитам и политикам стало ясно: общественное развитие подвластно человеческой воле, и общество может быть изменено самым радикальным образом, если так сочтут нужным люди. Пока ещё никто не знал, каковы пределы возможностей действующих лиц земной истории, повторяются ли ключевые события и возможен ли какой-нибудь прочный результат исторического развития, однако самодостаточность земного мира и его способность необратимо развиваться оказались признаны единогласно.

Благодаря рассмотренным нами в данной работе социально-духовным трансформациям новоевропейского общества в дальнейшем стало возможным возникновение таких парадигм осмысления истории, как неоциклизм, предтечей которого стал Дж. Вико, и прогрессизм французских просветителей.

Список литературы

1. Диллон М., Чедвик Н.К. История кельтских королевств. М.: Вече, 2006. 512 с.
2. Драч Г.В. Томмазо Кампанелла: философия и социальная теория // Утопические проекты в истории культуры: матер. II Всеросс. (с междунар. участием) научн. конф. «Утопические проекты в истории культуры» на тему ««Город Солнца»: в поисках идеального локуса». Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2019. С. 7–11.
3. Кареев Н.И. Философия культурной и социальной истории Нового времени. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1902. 195 с.
4. Макиавелли Н. Сочинения. СПб.: Кристалл, 1998. 656 с.
5. Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира. М.: АСТ, 2018. 768 с.
6. Позитивный образ будущего: теория, история, способы конструирования: монография / Т.С. Паниотова, Е.В. Золотухина, И.В. Желтикова и др. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2021. 268 с.

7. Черчилль У.С. Британия в Новое время (XVI–XVII вв.). Смоленск: Русич, 2006. 416 с.

TRANSITION FROM CHRISTIAN TO NEW EUROPEAN UNDERSTANDING OF HISTORY: PREREQUISITES AND FACTORS OF CHANGE

S.I. Sulimov

Voronezh State University, Voronezh

The purpose of the study is to identify and reveal the social and spiritual reasons for the formation of a new European understanding of the philosophy of history. The novelty of the study is to identify the factors of social development that entailed the refusal of New European thinkers from Christian finalism, but did not lead to the return of the traditional cyclical paradigm of understanding history. As a result of the study, we discovered such factors that led to the transformation of the Western European understanding of history in the XVI-XVII centuries. as the type of person that has formed in the communal cities, striving for individual activity, faith and knowledge; distribution of printing; advances in the natural sciences; An English revolution that demonstrated the fragility of any political regime.

Keywords: *philosophy of history, social philosophy, individualism, printing, social dynamics.*

Об авторе:

СУЛИМОВ Станислав Игоревич – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории философии и культуры, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж. E-mail: sta-sulimov@ya.ru

Author information:

SULIMOV Stanislav Igorevich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Philosophy and Culture, Voronezh State University, Voronezh. E-mail: sta-sulimov@ya.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.04.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 20.05.2023.

УДК 1(091):316.3

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.148

ЗНАЧЕНИЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОПОНИМАНИЯ

Н.Н. Равочкин

ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени
Т.Ф. Горбачева», г. Кемерово

ФГБОУ ВО «Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия»,
г. Кемерово

Правовая проблематика является одной из наиболее значимых на современном этапе мирового развития. Данный регулятор общественных отношений является вершиной теоретической мысли интеллектуалов различных эпох и цивилизаций. Однако комплексный характер права дает основания для построения множества дискурсивных мостов, связанных с пониманием данного феномена. Сегодня философы стремятся преодолеть проблему неоднозначного восприятия права, а также последующих этапов, связанных с его пониманием и практическим применением. Различные попытки, ориентированные на позитивизацию правопонимания, предлагают плюрализм инструментов и методов для достижения данной амбициозной цели. Представители аналитической философии, преследуя точность и ясность в толковании правовых норм и понятий, предпочитают руководствоваться строгими методами. Настоящая статья посвящена анализу вклада аналитиков в эволюцию правопонимания на современном этапе мирового развития. Осуществлен анализ направлений воздействия идей аналитической философии на правовую сферу. Обозначены ключевые достижения, связанные с контекстуальным пониманием норм. Выявлена двойственная природа права. Проведены разграничительные линии между сферой права и другими областями общественной жизни. В заключение подведены итоги и намечены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: аналитическая философия, правопонимание, правоприменение, юридический язык, контекст, право.

В последние десятилетия в философском понимании социальной действительности рельефно проступает значимая проблема, связанная с выявлением и практическим использованием методологии к содержательному анализу права как одного из регуляторов интересубъективных отношений. Большинство российских исследователей сущности права указывают на существование двух диаметрально противоположных точек зрения. В.В. Оглезнев указывает на существование заочной дискуссии об эффективности сциентистской и концептуальной версий правопонимания и возможностях их применения при формировании нормативных систем на национальном и международном уровнях [9].

© Равочкин Н.Н., 2023

Представители сциентистской концепции отмечают необходимость формирования натурализованной юриспруденции, приматом которой оказывается так называемый юридический факт в лице сформированной нормы права. Методологический принцип заключается в эмпирическом способе обоснования формируемых правовых норм, следовательно, вектор развития ключевого феномена детерминируется деятельностью практикующих юристов [15]. Именно представители этой профессии способны четко сформулировать объект исследования и выявить предмет своего изучения именно в опыте, т. е. в совокупности способов применения нормативной базы в различных ситуациях. Вдобавок к этому, практики могут изучать проблемы через формулирование концептов и предложение терминов для обозначения конкретных ситуаций, поскольку новые речевые единицы могут представляться более продуктивными в части альтернативных разрешений прежних трудностей. Наконец, сильная зависимость юристов от устоявшейся государственной политики позволяет как нельзя лучше погрузиться в область правоприменения конкретных норм: они могут обращаться к применению догм права, т. е. некоторых юридических канонов, которые по своей природе существенно отличаются от концептуального анализа правовых норм.

В свою очередь, концептуалисты исходят из общего понимания правовых норм и в своем стремлении постигнуть их сущность зачастую игнорируют их непосредственное применение ради постижения содержательного начала в социальной действительности. Полагается, что в качестве методологических оснований представители данного направления сосредотачиваются на аналитике языковых форм выражения правовой стороны общественной жизни. Смысл представленных идей можно свести к тому, что правовые термины должны интерпретироваться не с точки зрения эмпирического опыта и множества отдельных фактов, наполняющих юридическую науку, но исходя из тех условий, которые детерминируют необходимость использования конкретных дефиниций с хорошо известным значением [3]. Необходимо сказать, что принципиальное место здесь отводится позиции позднего Витгенштейна, согласно которому, определяющими являются «грамматические» конвенции, содержательно оправдывающие употребление того или иного предложения [16].

Сегодня в рамках юридического языка витгенштейновские идеи указывают на необходимость признания того, что именно конвенции, достигаемые между всеми участниками правовых процессов (при формировании и дальнейшем использовании норм) определяют вектор понимания сущности права. Один из классиков юридического позитивизма Дж. Остин считал, что более четкое понимание использования слов и выражений позволяет лучше понять сами правовые феномены, которое определяются соответствующими лексическими единицами. Так, для формирования, применения и толкования юридических норм, содержащих в себе соответствующие факты или социальные практики как многообразные варианты поведения человека, используются понятия и суждения как формы мысли-

тельной деятельности [7]. Таким образом отчетливо видно обращение к инструментарию традиционной формальной логики, в соответствии с положениями которой понятие предполагает наличие совокупности признаков предметов, что позволяет отличать один результат представления от другого. Содержательное прояснение таких признаков позволяет, как справедливо показывают современные исследования в области юридического позитивизма, в максимально четкой форме определить принципы регулирования социального поведения человека и социальных групп.

При этом следует говорить о том, что занимающий видное место в аналитической философской традиции концептуальный анализ через распознавание свойств направлен на распознавание содержания соответствующего слова, которое раскрывает смысл действий или отношений между юридически значимыми фактами. Именно такие свойства оказываются необходимыми и достаточными условиями использования понятия как формы выражения соответствующих действий в сфере права.

Рассмотрим, как представленная концептуализация правовых норм реализуется на практике. Обратимся к формированию системы международного права в Европейском союзе. А.Я. Капустин указывает на существование спора по поводу соотношения понятий «европейское право» и «право Европейского союза». Данная дискуссия основывается на различии в понимании данных понятий, а также исходных принципов, организующих восприятие и практическое применение системы европейского правового порядка. Содержательно же спор ведется относительно того, насколько оправданным является использование термина «европейское право». Аналитические эмпирики указывают на многозначность данной дефиниции, что приводит к некоторым неудобствам при его употреблении. Дополнительные затруднения появляются и за счет сложности и неоднородности Европейского союза, каждая из опор которого имеет различные свойства юридической природы [4]. Главным образом обозначенная совокупность специфических черт дискуссии приводит к возникновению коллизий по поводу четкого и ясного определения пространства применения правовых норм и регламентов их использования. Примечательно, но при осмыслении данного спора можно столкнуться с допущениями на предмет возможности противоречия одних государственных норм регламенту других государств. Отсюда следует, что сторонники аналитического эмпиризма вряд ли смогут разрешить представленную проблему.

Однако следует заметить, что идея В.В. Оглезнева об аналитическом концептуализме, который предполагает выделение у любого юридического понятия ряда свойств, действительно обладает определенной эвристикой и практической ориентированностью [8]. В частности, прикладной потенциал находит свою реализацию в том, что на международном уровне формируется система правовых норм, регулирующих, к примеру, правоотношения внутри государств Европейского Союза. Нельзя не согласиться с А.Я. Капустиным в его суждении, что правоотношения внутри ЕС регули-

руются европейским правом вообще, но не отдельными нормативно-правовыми актами, что позволяет сформулировать общепризнанные и общепринятые европейские юридические нормы, выступающие в качестве самых общих принципов организации взаимодействия субъектов Европейского союза [4]. Закономерно, что такая система мыслится как множество самых общих концептуальных принципов организации взаимодействий на международном уровне, тогда как национальные правовые системы в рассматриваемом кейсе становятся не чем иным, как частным проявлением общих принципов, или же правовыми фактами. Именно через призму аналитической философии становится понятна механика формирования единой институциональной системы Европейского союза, а также единое членство государств в ЕС и многих различных сообществах. В частности, широко известный Маастрихтский договор определяет не только наличие и функционирование самых общих правил, но и многочисленные факты в подтверждение того, что «правовая система ЕС построена на единых международно-правовых принципах» [4, с. 118].

Действительно, принимаемые и ратифицируемые международные договоры, каждый из которых регулирует одну из сторон межгосударственной интеракции, фундируют общую правовую систему. Наличие таких нормативных документов предполагает использование единых и изначально сформированных принципов организации взаимодействия целого ряда государств на международной арене. В самом деле, внешне представленная таким образом система может восприниматься в качестве практического применения концептуального анализа юридических норм. Именно благодаря практической реализации проявляют свои детерминационные и объяснительные возможности идеи аналитических философов для эволюции правопонимания. В дальнейшем принятые нормы становятся не только универсальными принципами, формирующими основания множественных интеракций, но и способами организации национальных правовых систем, в которые закладывается базис более высокого порядка. Изучение функционирования правовых норм в очередной раз позволяет заявить о том, что идеи имеют значение, определяя способы интересубъективных взаимодействий.

Другая сторона практического применения интеллектуальных конструкций аналитической философии усматривается нами через возможности расширения правового регулирования интеграции в целое сообщество. На примере интеграции уже упомянутых европейских стран в ЕС можно говорить о включении в таковую регламентацию направлений внешней политики, безопасности и сотрудничества в различных сферах, а также в области правосудия и внутренних делах. В итоге можно говорить о том, что на основании концептуального анализа, предложенного аналитической философией, в правовой сфере выстраивается целая вертикаль, предлагающая не только теоретические модели, но и варианты их реализации.

Еще одним значением аналитической философии для поступательного развития правопонимания можно предпринять через осмысление

«гильотины Юма», содержание которой, как известно, состоит в невозможности перехода от описательных предложений к суждениям со связкой «должен». По своему содержанию невозможность такого логического шага означает запрет на переход от утвердительных категорических суждений к модальным обязывающим суждениям [6]. При изучении «гильотины Юма» можно выделить два аспекта. Первый из них обладает исключительно теоретическим значением и связан с разделением области атрибутивных суждений, имеющих эпистемологическую модальность от суждений, которые обладают деонтической модальностью в различных ее вариантах («запрещено», «разрешено», «безразлично» или «обязательно»). Действительно, и на практическом, и на теоретическом уровне такое разделение представляется буквально витальным, поскольку отражает смысл, содержание и реальную правоприменительную практику.

При обращении к наследию аналитиков весьма распространена их приверженность прецедентам, вследствие чего они зачастую воспринимаются как представители правового реализма. Напомним, что эта исследовательская позиция сопряжена с результатами профессиональной деятельности судей. При этом необходимо сказать, что вынесение последними решений, как правило, предопределяется определенным контекстом, или же совокупностью конституирующих то или иное социокультурное явление набором параметров, нежели содержательной частью различных норм права. В свою очередь, данный подход очень тесно связан с положениями философии прагматизма [8]. Именно необходимость понимания права через результаты деятельности судей как разновидности практики приводит исследователей к вполне закономерному утверждению, что «для надлежащей практики правоприменения юристу в большей степени следует знать социологию и психологию, нежели исследования в области философии права, ориентированные на анализ специфики правовых институтов и правовых понятий» [8, с. 136–137].

Второй аспект изучения «гильотины Юма» связывается с прикладным значением: каким образом применять принятую норму права в той или иной ситуации? Система прецедентов опирается на концепцию естественного права, в рамках которой реализуются интенции человека к поиску справедливости, что, в свою очередь, «порождает сложную проблему соотношения того, когда разные решения по сходным поводам формулируются в одних и тех же терминах, тем более когда это осуществляется в рамках одной и той же прецедентной системы» [8, с. 137]. Проблемным представляется факт, что одни и те же юридические термины в одних и тех же условиях открывают возможности для описаний различных решений суда, значит, в ряде случаев формируются антиномии, возникновение которых формально-юридически вовсе не должно было произойти.

Налицо противоречие, содержание которого предстает в двух началах. Одна сторона заключается в том, что в своих стремлениях учесть все возможные нюансы юристы формируют такую судебную практику, на ко-

торую действительно можно сослаться. Однако следует заметить, что использование в качестве примеров отдельных решений суда приводит к их столкновению и противопоставлению, что способствует непониманию основных принципов решения целых классов дел. Здесь срабатывает логика Э. Гуссерля по поводу того, что из фактов следуют только факты, что в конечном счете приводит к возможности формирования совершенно различных решений суда. В данном ракурсе реализация «гильотины Юма» происходит в форме потребности исключительно точного употребления суждений о свойствах предмета без перехода к деонтологической модальности. Именно последняя исключается из системы судопроизводства как формы правоприменения. Являясь сущностным принципом, данная модальность более не определяется как нарратив, или, говоря более развернуто, применяемый в правовой среде руководящий принцип. Следствием для эволюции правоприменения является отсутствие исходных нарративов как принципа правопонимания.

Другая сторона выявленного противоречия связывается с использованием терминов. Признается, что решения формулируются в тождественных терминах, однако остается неясным, понимается ли тот или иной термин одинаково в различных решениях [8, с. 137]. Разумеется, данная проблема также может быть отнесена к «гильотине Юма» по причине того, совокупность признаков используемых понятий имеет прямую корреляцию с естественными состояниями человека – и это признается представителями аналитической философии права. Однако используемая логика «гильотины» детерминирует невозможность обязывания, разрешения или запрета только исходя из наличия свойств у человека как субъекта, принадлежащего к естественному и юридическому мирам одновременно. Вместе с тем, затруднительным становится анализ терминов и выявление таких признаков совокупности предметов, которые могли бы быть использованы при вынесении единообразных судебных решений. Заслуга аналитиков в попытках определения систем единых понятий, которые бы имели сходные признаки вне зависимости от ситуаций, в которых они применяются. Они указывают на необходимость выявления и формирования ядра правовой системы и последующей кодификации совокупности юридических понятий с заранее известными и четко определенными свойствами, а значит – и содержанием [8].

Действительно, рассуждения в данном ключе позволили бы сформировать представления о позитивном праве как социальном выражении естественных норм, отражающих имеющиеся признаки предметов в соответствии с их природным существованием. К примеру, внедрение и использование позитивного права позволяет кодифицировать правовую систему романо-германских стран. Кроме того, проводимая кодификация обозначенной системы позволяет на деле разрешить «гильотину Юма», ведь такая процедура способствует выявлению и обозначению как свойств предметов, так и отношений между субъектами социальной интеракции

или же вовсе совершаемых ими деяний. Понимаемые в такой логике объекты правового регулирования наделяются атрибутивными свойствами, становясь таким образом соответствующим видом суждений, выраженных в языковой форме [14]. В данном случае правовая реальность выступает языковой средой, в которой принципиальное значение придается наличию либо отсутствию свойств предмета регулирования. Право не выражает разрешения, запреты или обязанности лица по поводу совершения действий или отказу от такового: представители аналитической философии права относили данную область к иным регуляторам общественных отношений, к примеру переводя ее в сферу морали или этикета. В итоге можно говорить, что аналитическая философия выдвигает тезис о разделении сферы оценок и сферы знания и атрибутов с возможностью разделения на сферы влияния и регуляции общественных отношений. Важно, что правовая реальность оказывается морально нейтральной [2], что способствует точности и однозначности применения норм, правил и принципов в актуальной социальной действительности.

Очередным направлением имплементации положений рассматриваемого философского направления для правопонимания является разработка методов, используемых в процессе анализа содержания юридических понятий и их соотношения. Г. Харт полагает следующее: юридический язык включает в себе аномалию языкового порядка, которая связана с тем, что употребляемые в обыденной жизни слова и термины имеют аналоги в естественной природе. Методологическим принципом в данном случае становится положение о прямой зависимости правовых норм от естественных принципов. В частности, признаются факты существования соотношения между мирами вещей и слов и выражений, при помощи которых определяются возможности передачи знаний о свойствах предметов в символической форме [5; 13]. Для языковых единиц и их совокупностей, используемых в повседневных практиках, представленное положение дел является оправданным, поскольку непосредственно отражает указанную связь. Однако с юридическими понятиями дело обстоит несколько иначе: они не имеют соответствующих аналогов, вследствие чего их значения сильно размыты. Это приводит к тому, что в области юридической практики становится невозможным сформировать какие-либо единые значения для терминов, значит, данные понятия как факты обладают аномальной природой.

Через указание на такую ошибку в природе юридической терминологии Г. Харт допускает наличие некоторой степени неопределенности соответствующих понятий, что позволяет заранее руководствоваться возможностью для реализации многочисленных вариантов толкования правовых дефиниций [11; 12]. Это дает возможность распространять логику единства концептуального анализа правовых терминов и их восприятия как фактов на весь спектр юридического языка. Однако с точки зрения прецедентного права появляется вероятность для формирования различных юридических прецедентов, основанных на использовании дифференциаций в терминологии

гии и присутствию в понятиях отличающихся от друга признаков. Исходя из этого, аналитическая философия позволяет разделить формальную и содержательную сторону правопонимания, что оцениваем в позитивной модальности для эволюционной магистрали развития правовых систем.

Благодаря аналитической традиции право понимается как языковая система, самогенерирующая и самодетерминируемая на основании принципов и лингвистических правил, но никак не способ отражения предметов естественного мира. Помимо прочего, в рамках аналитической философии признается, что сам язык отныне «перестает восприниматься как система дескрипций внешних объектов, образцом для которой выступает предельно абстрактный и технический язык логики или логически опосредованной эмпирической науки» [5, с. 46]. Развитие понимания права происходит через переход от связи с естественным миром к языковым играм как системе понятий, каждое из которых наделяется необходимыми свойствами в соответствии с актуальными условиями социального бытия. На этом язык можно трактовать в качестве совокупности инструментов, призванных достичь поставленных целей и результатов. Любопытно, но именно здесь мы обращаем внимание на выделение нового исследовательского трека, связанного с трансформациями традиционных вопросов как сущности, так и применения правовых норм на практике.

Заслуживает внимания признание аналитиками оторванности правовых норм от естественного мира, поскольку они попросту не выражают свойств отдельных предметов, но скорее предстают как результат конвенций в конкретных социальных условиях. Невозможно не отметить влияние идей М. Фуко о нескольких видах соотношения слов и вещей, формирующих эпистему, благодаря чему в полной мере становятся понятны причины принципиальной значимости контекста употребления юридических понятий, а также возможности формирования различных прецедентов, не сводимых к единым принципам и концептам в правовой среде.

Помимо этого, представители аналитической философии сформировали нововведение в правопонимании, выраженное в двойственности правовых норм, имеющих дескриптивную и аскриптивную природу. Напомним, первая выражается в том, что нормативные понятия должны соответствовать природным явлениям и предметам, следовательно, выражать их свойства, т. е. описывать предметы в их существовании. В свою очередь, аскриптивность правовых норм определяется «действием с помощью правил (“оперативом”) или производством нормативного вывода (нормативной квалификацией конкретного случая)» [5, с. 50]. В последующем именно данное разделение природы правовых норм предопределяет способ их организации и функционирования. Итак, если дескриптивная сторона правовых норм определяет их соответствие вещам, то аскриптивная содержит в себе провозглашение и применение правил совместного действия. По сути, изменения, происходящие в правовой реальности под идеями аналитической философии, меняют точку отсчета. Здесь необходимо пояснить, что естественное положение дел более

не определяет содержание правовых норм, поскольку в них более не отражаются исключительно признаки предметов. Принципиальным становится навязывание, или приписывание, юридическими нормами предметам и субъектам конкретных признаков и свойств, конституирующих специфику отношений между ними. Юридический язык создает и принимает нормы, которые становятся определяющими для активности участников юридического процесса. На практическом уровне можно говорить о том, что «человек как субъект правовых отношений – это уже не просто абстракция внутри идентификации нормативной системы как правовой. Образ человека определяется через анализ универсальных принципов его существования в обществе, то есть принципов, которые имеют определенные минимальные черты естественного права» [2, с. 101]. Люди в значительной степени утрачивают составляющие биологизаторского статуса, одновременно приобретая социальные элементы в качестве определяющих. Последний же детерминируется системными общественными нормами, которые регламентируют свойства человека как участника intersubjectивных взаимодействий. Современный человек приобретает свойства именно благодаря аскриптивной природе норм, что подтверждает целесообразность следования правилу, сформированному аскриптивной природой права [1].

В заключение еще раз отметим высокую роль идей аналитической философии, которая применительно к праву сегодня выглядит буквально незаменимой, можно признать хотя бы потому, что она «акцентирует внимание именно на своеобразии юридических понятий, терминов, выражающих эти понятия, и всей правовой системы в целом как особого способа употребления языка» [8, с. 138]. Представители аналитической традиции актуализировали потребность исследовательского выхода за пределы исключительно правовых фактов и использования юридических понятий как средства выражения только единичных событий, значимых с правовой точки зрения. В таком ракурсе значение аналитической философии усматривается в признании необходимости учета социальных условий, в которых употребляется то или иное понятие [10]. Нельзя не отметить изменчивый характер социальных реалий, где функционируют правовые нормы, поскольку игнорирование динамизма, даже при вдумчивом применении инструментария концептуального анализа понятий, приведет к неотрефлексированности и отклонению от желаемых максимально эффективных описаний пространств(а), где применяется тот или иной термин. При этом одним из следствий реализации интеллектуальных конструкторов аналитиков в социальных координатах становится концептуализация центральных понятий в области права.

В дополнение к этому, еще одной важной формой влияния идей аналитической философии на эволюцию правопонимания можно считать разграничение собственно правового поля от остальных зон и сфер регуляции общественной интеракции. Такое разграничение позволяет максимально формализовать те области, которые действительно в этом нужда-

ются, оставив за сферой морали способности и возможности выдвижения разного рода оценок. Следует отметить, что логическая модальность, инкорпорированная в совокупность формализованных суждений, становится сферой этики, но никак не юриспруденции.

Список литературы

1. Дидикин А.Б. Интерпретация проблемы следования правилу в аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 2 (30). С. 83–89.
2. Дидикин А.Б. Моральная нейтральность как правовая ценность: критический анализ философско-правовых аргументов А.В. Нехаева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 3. С. 99–103.
3. Дидикин А.Б. Формирование аналитической традиции в современной философии права // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2010. Т. 4, № 1. С. 149–165.
4. Капустин А.Я. Право Европейского союза: понятие и классификация норм // Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Юридические науки. 2000. № 2. С. 118–124.
5. Касаткин С.Н. Объяснение правовых понятий в аналитической юриспруденции Г. Харта: методология и проблематизация // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 1. С. 43–71.
6. Максимов Л.В. «Гильотина Юма»: pro et contra // Этическая мысль. 2012. № 12. С. 124–143.
7. Нехаев А.В. Плохой закон как чистое право: критические заметки к философии права Г.Л.А. Харта // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 72–80.
8. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия Г. Харта и правовой реализм // Правоведение. 2013. № 4 (309). С. 134–147.
9. Оглезнев В.В. Концептуальный анализ как методологическое средство аналитической юриспруденции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 4 (16). С. 46–51.
10. Стельмах Е. Старые и новые интерпретации юридического натурализма // Известия Высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 4 (333). С. 6–19.
11. Суровцев В.А. О методах аналитической философии // Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России. СПб.: Философский факультет СПбГУ, 2012. С. 74–81.
12. Харт Г.Л.А. Определение и теория в юриспруденции // Правоведение. 2008. № 5. С. 6–32.
13. Харт Г.Л.А. Приписывание ответственности и прав // Правоведение. 2010. № 5. С. 116–135.
14. Хофельд У. Некоторые основные юридические понятия в приложении к судебной аргументации // Правоведение. 2012. № 3. С. 203–227.
15. Quine W. On Natural Deduction // Journal of Symbolic Logic. 1950 Vol. 15, № 2. P. 93–102.

16. Wittgenstein L. Philosophical Grammar. University of California Press, 1978. 495 p.

ANALYTICAL PHILOSOPHY SIGNIFICANCE IN LEGAL UNDERSTANDING EVOLUTION

N.N. Ravochkin

Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo
Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo

Legal issues are one of the most significant at the present stage of world development. This regulator of social relations is the pinnacle of the theoretical thought of intellectuals of various eras and civilizations. However, the complex nature of law gives rise to the construction of many discursive bridges related to the understanding of this phenomenon. Today, philosophers are trying to overcome the problem of ambiguous perception of law, as well as the subsequent stages associated with its understanding and practical application. Various attempts aimed at the positivization of legal understanding offer a plurality of tools and methods to achieve this ambitious goal. Representatives of analytical philosophy, pursuing accuracy and clarity in the interpretation of legal norms and concepts, prefer to be guided by strict methods. This article is devoted to the analysis of the contribution of analysts to the evolution of legal understanding at the present stage of world development. The analysis of the directions of influence of the ideas of analytical philosophy on the legal sphere is carried out. The key achievements related to the contextual understanding of the norms are outlined. The dual nature of law is revealed. Dividing lines are drawn between the sphere of law and other areas of public life. In conclusion, the results are summarized and prospects for further research are outlined.

Keywords: *analytical philosophy, legal understanding, law enforcement, legal language, context, law.*

Об авторе:

РАВОЧКИН Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева»; доцент кафедры педагогических технологий ФГБОУ ВО «Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия», г. Кемерово. E-mail: nickravochkin@mail.ru

Author information:

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social sciences Department, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev; Associate Professor of Pedagogical technologies Department, Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo. E-mail: nickravochkin@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.04.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 31.04.2023.

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.159

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ К. СКИННЕРА: ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В ТРУДАХ Н. МАКИАВЕЛЛИ

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Контекстуализм Скиннера выражается в представлении, что тексты могут быть правильно поняты и истолкованы только при помещении их в соответствующий интеллектуальный контекст, который может быть достигнут только с позиции языка. Указывается, что интерес Скиннера к прочтениям текстов в границах политической теории был обусловлен верой в необходимость исторической точности в различных работах по политической теории. Рассматривается интерпретация Макиавелли как истинного сторонника свободы и республиканского режима, предложенная Скиннером.

Ключевые слова: интеллектуальная история, контекстуализм, политическая теория, речевой акт, свобода, негативная свобода.

К. Скиннер – историк, философ, один из ведущих представителей Кембриджской школы, внес вклад в развитие интеллектуальной истории, отмечая большую значимость философии при формировании ее проблемного поля. К примеру, в работе «Значение и понимание в истории идей» Скиннер, используя достаточно сложную терминологию, основанную на представлениях Л. Витгенштейна и Р.Дж. Коллингвуда, стремился «придать истории идей ее собственную философскую опору» [13, р. 49–50], а также обращал внимание на «возможность диалога между философскими обсуждениями и историческими свидетельствами».

Методологические основы интеллектуальной истории Скиннера во многом покоятся на подходе к историческому исследованию Коллингвуда – методе вопросов-ответов, согласно которому, чтобы понять текст или действие, нужно его рассмотреть не просто как событие, а как попытку решить проблему. Значительное влияние оказала и аналитическая философия [4]. Привлекательной оказалась теория языковых игр и подход к языку как к целенаправленному дискурсу, а также закономерно вытекающие из этого вопросы о различных намерениях: «Я никогда не переставал верить... что намерения и значения, будь то в отношении действий или высказываний, являются общественным делом, и их следует понимать, не пытаясь забраться в головы действующих лиц прошлого, а просто наблюдая за формами жизни, в границах которых они действуют» [6, р. 15]. Внимание Скиннера также привлекли и исследования Дж. Остина, естественным образом вытекавшие из воззрений Коллингвуда и Витгенштейна. Результатом стало удивительно точное представление об огромном диапазоне при-

© Потамская В.П., 2023

менений языка и теории речевых актов: когда Скиннер пишет об авторских намерениях, он пишет о том, что Остин называл иллокутивной силой высказывания.

Вызов, поставленный работой Скиннера, заключается не просто в отрицании того, что политические теории прошлого когда-либо могут иметь отношение к современности, а в том, чтобы рассмотреть возможную методологию, которая не привела бы к редукции истории политической мысли к вечным доктринам и идеям [17, р. 5]. Скиннер был весьма непреклонен в этом вопросе. Он настаивал на том, что мы не можем ничему научиться, изучая «вечные» вопросы и ответы, данные классическими произведениями. Писатели прошлого – не наши современники, поэтому «мы должны научиться думать самостоятельно» [3]. Подобная позиция не является неоспоримой. К примеру, Я. Шапиро заявляет, что изучение истории идей обычно, хотя и не обязательно, «уходит корнями в настоящее», а понимание настоящего с исторических позиций желательно по многим причинам. Например, мы можем узнать, «откуда пришли наши убеждения и какие функции они выполняют в современном мире» [11].

Скиннер использует слово «исторический» как дескриптивно-нормативный критерий оценки любой политической теории. «Исторический» подразумевает, что использование и значение языка в обществе определяются и узакониваются сетью конвенций и языковых практик. Логика политики – это логика идеологической борьбы за определение этих условностей посредством новых языковых употреблений. Это приводит Скиннера к рассмотрению политических концептов как инструментов иллокутивной речи. Отсюда необходимость связывать понятия с практикой, институтами, традициями и идеологиями. В противном случае невозможно определить, чему именно они бросают вызов или какую реальность пытаются защитить или создать [7].

Скиннер утверждает, что интеллектуальный историк должен соответствовать трем требованиям, если он хочет правильно понять значение термина. Во-первых, этот человек должен знать смысл, в котором используется этот термин. Другими словами, он должен знать критерии, которые отличают слово от слов со сходными и противоположными значениями. Во-вторых, он должен знать, при каких обстоятельствах термин может быть употреблен должным образом, – референцию слова. Наконец, интерпретатор должен знать, в каких речевых актах может использоваться данный термин. Он должен знать, употребляет ли автор оценочный термин для выражения либо одобрения, либо неодобрения. Знать, какие речевые акты могут осуществляться, значит знать, что человек делает или намеревается делать, употребляя этот термин.

Интеллектуальная история в том виде, в каком ее практикует Скиннер, также не содержит в себе кантианской критики, демонстрации условной возможности политической деятельности. Скорее наоборот, это критика в стиле Фуко, которая вопрошает: «Какое место занимает единичное,

случайное и продукт произвольных ограничений в том, что дано нам как всеобщее, необходимое, обязательное?». По словам Скиннера, мы укоренены в практиках и отчасти ограничены ими. Но эти практики частично обязаны своим господством способностям нашего нормативного языка, и мы всегда открыты для использования ресурсов языка как для разрушения, так и для поддержания их. Следует обратить внимание и на определенные сходства в работах Скиннера и Фуко. Оба теоретика исследуют язык как структурную детерминанту действия и анализируют дискурсы. Однако, в отличие от работ Фуко, теория и методология Скиннера открывают возможность выйти за рамки простого изучения «дискурсивной практики» и выявить потенциальных инициаторов изменений в практиках. В то время как Фуко все еще придерживался структуралистской традиции, для Скиннера большое значение приобретают намерения действующего лица, создающего тексты, а интерпретацию текстов он связывает с лингвистическим контекстом [5].

Контекстуализм Скиннера позволяет увидеть, как мы «захвачены» собственным специфическим языковым контекстом, и понять, что наши концепции не являются самоочевидными интерпретациями реальности, поскольку на протяжении всей истории существовали разные соперничающие концепции [5]. Таким образом, исторические исследования становятся актуальными для политологов: потому что «мы можем надеяться достичь определенного рода объективности в оценке конкурирующих систем мышления. Мы можем надеяться достичь большей степени понимания и, следовательно, большей толерантности к различным элементам культурного разнообразия... Мы можем надеяться обрести точку зрения, позволяющую посмотреть на нашу собственную форму жизни более самокритичным образом... Мы также можем обнаружить, что кое-что из того, во что мы сейчас верим, например, наши моральные или политические договоренности, на самом деле ложно. Размышляя о таких альтернативных возможностях, мы обеспечиваем себя одним из лучших средств предотвращения перерождения наших нынешних моральных и политических теорий в некритически принимаемые идеологии» [5]. В тоже время Парех и Берки отмечают, что Скиннер явно не определяет, что он подразумевает под «контекстом» [9]; на отсутствие рассуждений о том, какой конкретный контекст следует анализировать при изучении того или иного текста, обращает внимание и Шапиро. Скиннер не предлагал четкой и точной дефиниции контекста. По мнению Асарда, при прочтении Скиннера складывается впечатление, что он принимает контекст как нечто само собой разумеющееся. Тем не менее Скиннера определенно интересуют замысел, биография и, хотя и в меньшей степени, мотивы писателя, но также он обращает внимание на взаимоотношения между авторскими текстами и интеллектуальной средой, в которой они возникли. По сути, изучение идеологического контекста мыслителя имеет первостепенное значение для проекта Скиннера. Он также обращает внимание на политическую структуру

окружающего общества, стараясь скрупулезно описать законы, принятие решений, формы правления и существующие структуры власти [3]. В тоже время Скиннер, обсуждая, что представляет собой надлежащий контекст для данного текста, не пытался подробно указать, почему одни факторы, например, политическая обстановка, важнее других, на что указывала Дж. Шклар [12].

Интерес Скиннера к прочтениям прошлых текстов в границах политической теории был обусловлен верой в необходимость исторической точности в различных работах по политической теории [5]. Политическая жизнь сама по себе ставит главные проблемы и задачи, формулируемые в рамках существующего интеллектуального языкового контекста. Он состоит из унаследованной культуры и традиций политического мышления, преобладающих в данном обществе. Действующее лицо действует только в рамках словарей (или же идеологий), устанавливаемых специфическим языковым контекстом. Данный контекст как ограничивает, так и дает возможность действовать, думать и говорить определенным образом. Если исследователь понимает смысл текста, он может понять и соотношение между теорией и практикой, поскольку автор в лингвистическом контексте принимает или отвергает, ставит под сомнение, иронизирует о чем-либо или же бросает вызов преобладающим предположениям и условиям и в некоторой степени изменяет или трансформирует значение языка [14].

Интерпретация любого текста всегда потребует применения двух неразрывно связанных представлений. Во-первых, понимания содержания самой аргументации, т. е. «выявление того, что имел в виду автор, рассуждая именно так, как он рассуждал» [1, с. 166]. Во-вторых, представление о том, что прошлое может не иметь никакого отношения к современности [1, с. 166].

Скиннер сосредоточился на исследованиях философии Раннего Нового времени, в частности, на воззрениях Т. Гоббса, и это решение было скорее методологическим, нежели историческим [6, р. 7]. Скиннера не привлекал ни марксистский, ни библейский подходы к текстам Гоббса, ни стремление продемонстрировать его вклад в решение «вечных проблем». Дискутируя с Макферсоном, Скиннер утверждал, что для понимания теории политических обязательств Гоббса в «Левиафане» нужно понять, почему данная проблема стала актуальной после казни короля Карла I в 1649 г., также требования присяги граждан, выдвигаемые правительством, а не понимание экономического характера общества того времени. По Скиннеру, когда Гоббс в «Левиафане» утверждал, что послушание и защита взаимосвязаны, его цель состоит в том, чтобы предложить решение этого конкретного кризиса легитимности, и это именно тот тип контекста, который необходим для подлинного исторического понимания его творчества [6, р. 8].

Обращаясь к Гоббсу, Скиннер решал, по существу, теоретическую задачу – стремился показать, что господствующие подходы к истории фи-

лософии были неверно истолкованы. Во-первых, на него повлияла сама идея канона. Британским ученым того периода казалось очевидным, что двумя великими отцами-основателями современной политической теории были Гоббс и Локк, первый из которых был ведущим образцом теории государства, а второй – теории народного суверенитета. «Джон Данн уже писал о Локке. Поэтому я выбрал Гоббса». Во-вторых, главная причина исследования Гоббса покоится в растущих сомнениях в самой идее канона. «Я чувствовал, что должен быть создан труд, основанный на контекстуализации, попытаться реконструировать интеллектуальный контекст, в котором и для которого изначально были написаны их тексты» [6, р. 8–9].

Хотя Скиннер начинал как сторонник более исторически ориентированного подхода к изучению моральной и политической мысли, со временем он все больше и больше опирался на свои личные политические предпочтения, хотя заявленный методологический подход Скиннера – контекстуализм – никогда не менялся, что подчеркивалось даже самым активным критиком Скиннера Ламбом [8]. Сам Скиннер в многочисленных интервью подтверждал как свою сильную, постоянную приверженность разрабатываемым им методологическим идеям, так и энтузиазм по поводу республиканизма и идеала свободы, который он пытался восстановить, опираясь на работы теоретиков республиканизма прошлого: «Моя недавняя работа, как вы правильно заметили, вероятно, сдвинулась в сторону того, чтобы стать более политической и, возможно, слишком политической по своему характеру» [10]. Скиннер, который в 1969 г. так энергично доказывал, что не существует вопросов о «постоянной “актуальности”», «вечных проблемах» и «универсальных истинах» и что «классические тексты не могут касаться наших вопросов и ответов, а только своих собственных», уже в 1980-е гг. стал говорить об изучении мысли как способе решения наших собственных проблем по крайней мере в границах политической теории [10]. Как продемонстрировал Буше, Скиннер прямо признает, что в классических текстах можно найти вечные вопросы и вневременные элементы, например, говоря, что Макиавелли посвятил себя «точно тому же кругу тем», что и писатели, жившие за несколько столетий до него. Кроме того, в «основной традиции итальянской политической теории» мы внезапно обнаруживаем два «вечных вопроса», а именно: «необходимость сохранения политической свободы и опасности для свободы, связанные с наличием постоянных наемных армий» [3, р. 103].

Большое внимание Скиннер уделяет ценностям республиканизма, поэтому одним из мыслителей, постоянно привлекавших его внимание, был флорентинец Никколо Макиавелли. Интерпретация Скиннера, согласно которой Макиавелли – настоящий, «истинный» республиканец, главным идеалом и ключевой ценностью которого является свобода, преобладает в современной англоязычной традиции и развитии современной республиканской политической философии. Следует отметить, что скрытое «про-республиканское» прочтение Макиавелли возможно обнаружить уже

в «Значении и понимании в истории идей», а на страницах «Истоков современной политической мысли» Макиавелли трактуется именно с позиций республиканизма. Именно Макиавелли является для Скиннера основным примером правильного республиканского понимания свободы, которое совпадает с собственным политическим идеалом Скиннера. В работе «Идея негативной свободы: философские и исторические перспективы» Скиннер представляет Макиавелли теоретиком, прежде всего, негативной свободы. Отмечая, что различия между позитивной и негативной свободой были актуализированы в работах И. Берлина, который ассоциировал негативную свободу с либерализмом, а позитивную с республиканизмом, Скиннер пересматривает подобные взгляды, утверждая, что традиционная республиканская свобода скорее согласуется с негативным пониманием. Подобная трактовка является достаточно спорной. К примеру, Покок утверждает, что в работах Макиавелли можно обнаружить несколько концепций свободы: древнюю и современную, республиканскую и либеральную, позитивную и негативную свободы. Более того, сам Скиннер в «Истоках современной политической мысли» [2] не обнаружил «негативных» аспектов взгляда Макиавелли на свободу: «под “свободой” он понимает прежде всего независимость от внешней агрессии и тирании». Во-вторых, говоря о “свободе”, Макиавелли «имеет в виду также соответствующую способность свободного народа управлять собой, а не государем». Однако в 1980-е гг. Скиннер в границах переосмысления республиканизма как теории негативной свободы выделяет Макиавелли как его главного сторонника.

Основной тезис Скиннера звучит следующим образом: хотя Макиавелли рассматривает в «Рассуждении» очень многое, важнейшим его намерением является рассмотреть воззрение на *libertas*, стоящее в центре римской республиканской политической мысли, но затем стертое в силу различных пониманий этой идеи в Средние века. Тем не менее, по мнению Н. Реджента, для Макиавелли политическая свобода не является главной целью: она важна, поскольку является средством расширения территории и создания империи, как показал великий пример Рима. Для Макиавелли политическая свобода – это свобода вооруженного гражданина, всегда готового сокрушить своих соседей, и он никоим образом не «принимает господствующее мнение о том, что необходимо изучать реальную конституционную практику, если мы хотим узнать секрет сочетания свободы и мира» [15], как выразился Скиннер. Свобода важна для Макиавелли, но прежде всего как средство обеспечения *virtu* республики, направленной на завоевание мира; свобода имеет лишь второстепенное значение по сравнению с величием, экспансией, империей.

Для Скиннера восстановление подобной теории позволит помочь в понимании негативной свободы [1, с. 169]. Негативное определение свободы, по Скиннеру, появляется у Макиавелли в первой главе «Рассуждений». Существуют два типа граждан: *grandi* и *popolo*. Обе группы, по словам Скиннера, «одинаково стремятся быть свободными в том смысле, что

им не препятствуют в достижении определенных целей, которые они решают поставить перед собой». Цель *grandi* – оставаться как можно более свободными от любых препятствий на пути к славе и господству над другими, цель *popolo* – оставаться максимально свободными от всякого вмешательства, для того чтобы вести спокойную жизнь. Для Скиннера обе эти цели являются выражением одного и того же стремления к негативной свободе. Более того, даже желание быть свободным от вмешательства или препятствий и «приобретать славу... посредством господства над другими» Скиннер понимает как выражение негативной свободы [16, р. 205].

Свобода индивидов в политическом сообществе подразумевает, что они свободны в том смысле, что им не мешают стремиться к любым самостоятельно избранным целям. Стало быть, быть свободным человеком означает иметь возможность действовать независимо от других. Тем самым Макиавелли под индивидуальной свободой понимает отсутствие принуждения, особенно отсутствие каких-либо навязанных другими ограничений возможности действовать независимо, преследуя самостоятельно выбранные цели [1, с. 171]. Поскольку люди преследуют разные цели, они заинтересованы в существовании в таком сообществе, которое лучше всего будет гарантировать свободу им следовать, независимо от того, к чему мы стремимся – к славе, власти или же безопасности. Вместе с тем важными для макиавеллевского определения негативной свободы являются еще два момента. Во-первых, Макиавелли проводит «решающее разграничение между «свободными людьми» и «теми, кто зависит от других». «Обладать своей свободой – значит быть свободным в обычном «негативном» смысле свободы» [1, с. 170].

Скиннер формулирует следующий тезис: продолжительное обладание личной свободой, по Макиавелли, возможно только для членов самоуправляемых сообществ, в которых воля самого политического общества направляет его действия, действия сообщества в целом. Макиавелли отмечает, что хотя подобное возможно и при монархическом правлении, это общее правило лучше всего соотносится именно с республикой. Подобная трактовка воззрений Макиавелли является достаточно дискуссионной. Основная проблема, по мнению критиков Скиннера, звучит следующим образом: разница между республикой и княжеской властью заключается в свободе командовать, свободе, которую государь не может вернуть населению. И такого рода свободу, в свою очередь, трудно трактовать иначе, чем как позитивную концепцию [10].

Тем не менее Скиннер излагает взгляды Макиавелли следующим образом: «только те, кто живут при республиканской форме правления, могут надеяться сохранить все составляющие личной свободы преследовать свои собственные цели, заключаются ли они в приобретении власти и славы или только в сохранении безопасности и богатства». Следовательно, вывод о том, что личная свобода может быть полностью гарантирована только в самоуправляемом республиканском сообществе, лежит в сердце

всех теорий гражданства классического республиканизма, хотя было отброшено позднейшими сторонниками негативной свободы [1, с. 173].

Одним из ключевых моментов логики описания свободы у Макиавелли является роль *ambizione* в политической жизни. Он полагает, что проявление амбиции всегда фатально для свободы того, против кого она направлена, поскольку она приобретает форму стремления принуждать других и использовать их как средство для достижения целей. *Ambizione* выражается в двух аспектах: во-первых, отражает стремление *grandi* достигать власти ценой угнетения своих сограждан; во-вторых, стремление господствовать над соседними государствами (примером подобного является Древний Рим, поскольку в силу *ambizione* римляне вели бесконечные войны со всеми окружавшими их народами и достигли величия и славы, завоевав по очереди всех соседей). Из этого следует, что любое государство, желающее сохранить свою свободу, должно всегда быть готовым завоевывать других, ибо «если вы не готовы к нападению, вы уязвимы для нападения» [1, р. 174]. Следовательно, граждане должны быть защитниками своей свободы, избегать лени и быть готовыми отстаивать государство с оружием в руках. Макиавелли постоянно предупреждает, что полагаться на наемников означает верную гибель государства и отказ от свободы.

Скиннер выделяет два качества, необходимых для защиты свободы по Макиавелли. Во-первых, необходимо быть мудрыми, что выражается не в традиционном понимании мудрости, а в наличии благоразумия, осторожного и эффективного расчета возможностей и результатов. Во-вторых, необходимо обладать *animo* (боевой дух, мужество), которое Макиавелли объединяет с решимостью и настойчивостью. Кроме того, существует еще ряд качеств, которые Макиавелли заимствует из представлений о традиционных римских добродетелях. Первое – это мудрость, понимаемая как житейская мудрость или рассудительность опытного государственного деятеля, способного обнаруживать лучшую последовательность действий и осуществлять их [1, с. 177]. Второе – это готовность избегать всех проявлений неумеренного и распущенного поведения, обеспечивая тем самым обсуждение общественных дел и принятие решений на основе строгого порядка и умеренности. И здесь Макиавелли полностью следует классическим источникам, особенно Ливию и Цицерону.

Тем самым для Макиавелли готовность добровольно служить обществу, в том числе и сражаться в составе вооруженных сил, составляет необходимое условие защиты индивидуальной свободы. «Если мы не будем действовать “как те, кто с оружием защитил свободу Рима”, если мы не будем “готовы действовать для защиты Отечества” – мы будем завоеваны и порабощены» [1, с. 180]. Кроме того, личная свобода для Макиавелли также зависит от того, чтобы *grandi* не принудили *popolo* служить их целям. Способ предотвращения подобного – организация политического сообщества так, чтобы каждый гражданин был в равной степени готов участвовать в управлении сообществом в целом.

Не принимает Скиннер и утверждения, не совместимого с негативной свободой, по мнению ряда политических теоретиков: «качества, требуемые от каждого индивида для выполнения общественных обязанностей, есть достоинства (virtues), и только обладающие ими могут обеспечить свою свободу». Однако для Макиавелли это те качества, которые необходимо культивировать, чтобы служить сообществу, и это достаточно очевидно с республиканской точки зрения. Необходимо обладать тремя качествами: мужеством для защиты свободы, умеренностью и приверженностью порядку для защиты свободного правления и благоразумием, чтобы наиболее эффективно осуществлять гражданские и военные мероприятия. Но, выделяя эти свойства, Макиавелли обращается к трем из четырех основных добродетелей, перечисляемых римскими историками и моралистами, внося только одно изменение: он убирает такое качество, как справедливость [1, с. 181]. Макиавелли проводит разграничение между справедливостью на войне и в мирное время, доказывая, что во время военных действий обе формы *iniuria* часто бывают необходимы. Обман нередко играет решающую роль в достижении победы и бывает необходим для достижения целей, поэтому называть его бесславным абсурдно, что также верно и относительно жестокости, и эти качества были свойственны и Камиллу, и Манлию – величайшим римским военачальникам. Это представляет собой эпохальный разрыв с классическим республиканским подходом к основным добродетелям. Однако все остальное в анализе Макиавелли *virtu* и ее связи с *liberta* исключительно цицероновское.

Макиавелли чаще всего использует термин *virtu*, говоря о средствах, с помощью которых мы достигаем определенных результатов. Упомянув о *virtu* он говорил о способностях, талантах, возможностях. Он часто замечает, что качество, которое позволяет побеждать врагов, одерживать великие победы, это *virtu* военачальников или государств [1, с. 182]. Таким образом, в сердце политической теории Макиавелли лежит классическая идея, оформляемая игрой слов, которую использовали классические республиканские теоретики. С одной стороны, необходимо быть готовым отбросить требования справедливости и «действовать с жестокостью и вероломством, когда это необходимо для защиты общего блага». Но, с другой стороны, также необходимо мужество, умеренность и благоразумие. «Если мы спросим, в силу каких качеств, каких талантов и способностей мы можем надеяться обеспечить свою свободу и способствовать общему благу, ответ будет: в силу гражданских добродетелей» [1, с. 183]. Стало быть, по Макиавелли, выполнение общественных обязанностей и культивация добродетелей являются необходимым средством для того, чтобы избежать принуждения и рабства, и условием обеспечения личной свободы в чисто гоббсовском смысле этого слова.

Тем не менее, по Скиннеру, мы не должны следовать пониманию свободы Гоббса, что любая теория негативной свободы должна быть теорией прав личности, которое господствует в современных дискуссиях. И

примером того, что мы не обязаны рассматривать нашу свободу таким образом, служит концепция Макиавелли. «Теория Макиавелли – это теория негативной свободы, но он развивает ее, совершенно не используя понятие прав личности» [1, с. 184]. Хотя он часто рассуждает о том, что является морально правильным, в своих сочинениях он нигде не говорил об индивидах как о носителях прав. «Напротив, сущность его теории можно выразить, сказав, что достижение общественной свободы не может быть делом обеспечения личных прав, так как оно необходимо требует выполнения гражданских обязанностей» [1, с. 185].

Таким образом, истинное историческое понимание, по Скиннеру, состоит в изучении стремлений и намерений автора посредством анализа лингвистического контекста. В идеале аналитик должен исследовать нормативные словари и политические идеологии, для того чтобы очертить и установить структурные свойства языкового контекста; изучать деятельность действующих лиц и институтов при анализе конкретных политических мыслей и действий, т. е. объяснять, что автор делал, излагая свои доводы: какие выводы, какие действия он поддерживал или защищал, атаковал или отвергал, над чем иронизировал, что высмеивал, о чем презрительно умалчивал и т. д., во всех речевых актах, воплощенных в чрезвычайно сложном процессе намеренной коммуникации. Внимание Скиннера привлекают труды Макиавелли, которого он рассматривает как истинного республиканца, главным идеалом и ключевой ценностью которого является свобода, понимаемая в границах негативной концепции. Предложенная Скиннером интерпретация в настоящее время преобладает в современной англоязычной традиции и развитии современной республиканской политической философии.

Список литературы

1. Скиннер К. Идея негативной свободы: философские и исторические перспективы [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos/2013_02/10.pdf (дата обращения: 06.04.2023).
2. Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. М.: Изд-во «Дело», 2018. Т. 1: Эпоха Ренессанса. 464 с.
3. Asard E. Quentin Skinner and His Critics: Some Notes on a Methodological Debate [Electronic resource]. URL: <https://journals.lub.lu.se/index.php/st/article/download/3404/2975> (accessed: 24.02.2023).
4. Bevir M. The Role of Contexts in Understanding and Explanation [Electronic resource]. URL: https://escholarship.org/content/qt3rx2x6jv/qt3rx2x6jv_noSplash_1ed82de1cdda83d5159b849525a5ade6.pdf (accessed: 26.03.2023).
5. Edling M., Mörkenstam U. Quentin Skinner: From Historian of Ideas to Political Scientist [Electronic resource]. URL: https://tidsskrift.dk/scandinavian_political_studies/article/view/32837/31123pdf (accessed: 21.01.2023).

6. Koikkalainen P., Syrjämäki S. On Encountering the Past – Interview with Quentin Skinner [Electronic resource]. URL: <https://journal-redirect.org/articles/abstract/10.7227/R.6.1.4/> (accessed: 21.01.2023)
7. Kuschel G.B. Skinner's Methodology: A Weapon against Liberalism [Electronic resource]. URL: <https://revistas.ucm.es/index.php/RPUB/article/download/59700/4564456546875> (accessed: 24.08.2022).
8. Lamb R. Quentin Skinner's Revised Historical Contextualism: a Critique [Electronic resource]. URL: <https://ore.exeter.ac.uk/repository/bitstream/handle/10036/55413/RLambHHSSkinnerarticle.pdf?sequence=4&isAllowed=y> (accessed: 24.08.2022).
9. Parekh B., Berki R.N. (1973) The History of Political Ideas: A Critique of Q. Skinner's Methodology // Journal of the History of Ideas. 1973. № 2. P. 163–184.
10. Regent N. Quentin Skinner, contextual method and Machiavelli's understanding of liberty [Electronic resource]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/09526951211049930?icid=int.sj-abstract.citing-articles.1> (accessed: 21.01.2023).
11. Shapiro I. Realism in the Study of the History of Ideas // History of Political Thought. 1982. № 3. P. 535–578.
12. Shklar J. Review of Quentin Skinner The Foundations of Modern Political Thought // Political Theory. 1979. № 4. P. 549–552.
13. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas [Electronic resource]. URL: <http://people.exeter.ac.uk/sp344/-skinner%20meaning%20and%20understanding%20in%20hist%20ideas.pdf> (accessed: 24.02.2023).
14. Skinner Q. Motives, Intentions, and the Interpretation of Texts // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 393–408.
15. Skinner Q. On Justice, the Common Good and the Priority of Liberty // Dimensions of Radical Democracy. Pluralism, Citizenship, Community / ed. by C. Mouffe. London: Verso. P. 183–205.
16. Skinner Q. The Idea of Negative Liberty: Philosophical and Historical Perspectives // Philosophy in History / ed. by R. Rorty, J.B. Schneewind, Q. Skinner. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 193–222.
17. Whatmore R. Quentin Skinner and the Relevance of Intellectual History [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/34510985/Quentin_Skinner_and_the_Relevance_of_Intellectual_History (accessed: 21.01.2023).

Q. SKINNER'S INTELLECTUAL HISTORY: THE PROBLEM OF LIBERTY IN N. MACHIAVELLI'S WORKS

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

Skinner's contextualism is expressed in the notion that texts can only be correctly understood and interpreted when placed in an appropriate intellectual context, which, in turn, can only be understood from the standpoint of the available language. It is noted, that Skinner's interest in reading texts within

the political theory was driven by a belief in the need for historical accuracy in various writings on political theory. Skinner's interpretation of Machiavelli as a true supporter of freedom and the republican regime is considered.

Keywords: *intellectual history, contextualism, political theory, speech act, freedom, negative liberty.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии, истории и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.04.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 24.05.2023.

УДК 128:111.7

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.171

ПРОБЛЕМА СТРАХА ПЕРЕД НЕБЫТИЕМ: БУДДИЗМ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ ИРВИНА ЯЛОМА

В.В. Буланов, Е.Г. Ганутина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь

Авторы статьи исходят из того, что страх небытия является одним из основных человеческих страхов. Они проводят сравнение стратегий по ослаблению страха небытия, предложенных буддизмом и И. Яломом. Они приходят к выводу, что обе эти стратегии объединяет призыв к воспитанию своего бесстрастного отношения к небытию.

Ключевые слова: *страх, небытие, страх небытия, буддизм.*

Человеку естественно бояться смерти. По наблюдению психотерапевта Ирвина Ялома, этот страх является проявлением базового экзистенциального конфликта, который присущ любому взрослому человеку [7, с. 12]. Страх смерти имеет много аспектов, в разной степени актуальных для тех или иных людей. Так, одни люди более всего боятся смерти как утраты своих возможностей и всего достигнутого при жизни, а другие люди к этим утратам относятся спокойно. Но вот мысль о том, что смерть связана с неизбежным переходом бытия в небытие, не может не страшить. Это тем более актуально, если учесть результаты ответов студентов 2 курса лечебного факультета Тверского государственного медицинского университета 2022/2023 учебного года на вопросы теста «Чего мы боимся» В. Леви. Они таковы: из 182 студентов лишь 2 относятся к категории «Альфа-Смелый» (1 %), 24 – к категории «Бета-Уверенный» (13 %), 73 – к категории «Гамма-Колеблющийся» (им стоило бы поработать с чувством страха) (40 %), 68 – к категории «Тета-Тревожный» (им желательны консультации у психолога) (37 %) и даже 15 – к категории «Омега-Трепещущий» (им необходима помощь умелого психотерапевта) (9 %). Т. е. в той или иной степени страдают от страхов 76 % всех опрошенных студентов, в том числе от страха небытия.

Страх небытия стал проблемой уже для Будды, недаром в одном из древнейших буддийских трактатов «Дхаммапада» констатируется, что «все боятся смерти» и «не найдётся такого места на земле, где бы живущего не победила смерть» [3, с. 45]. Основатель буддизма предложил стратегию смягчения страха смерти, изложенную в трактате «Дхаммапада». В чём же она заключается?

Начнём с того, что, согласно «Дхаммападе», с телесной смертью для человека не наступает полное небытие: глупые и порочные люди попадают в преисподнюю, а умные и праведные люди продолжают свой путь к

© Буланов В.В., Ганутина Е.Г., 2023

достижению нирваны – состоянию бессмертия и спокойствия по ту сторону потока перемен земной жизни [3, с. 29, 46, 56, 72]. Вместе с тем если понимать преисподнюю как состояние вечной смерти нематериальной части человека, то понятно, почему серьёзность – это путь к бессмертию, а легкомыслие есть путь к смерти, и что «легкомысленные подобны мертвецам» [3, с. 28]. Поэтому хотя в буддийской преисподней нет небытия, пусть и пребывание в ней похоже на небытие.

«Дхаммапада» осуждает привязанность человека к собственной телесности, потому что «нет несчастья большего, чем тело», и, напротив, с человеком, освободившимся от привязанности к телесной форме, не случаются никакие несчастья, мало того, лишь такое освобождение приведёт к прекращению горестной череды воплощений его души после телесных смертей [3, с. 56, 59, 80]. А такое прекращение – это «нирвана – величайшее благо» [3, с. 57]. Недаром буддийский монах Насагена уподоблял нирвану «безопасному пристанищу», защищённому от страха смерти, «месту, где нет трупов» и «падали аффектов», называл нирвану выходом по ту сторону безрадостного кружения рождения, старения, болезни и смерти [2, с. 195].

Для того чтобы подорвать привязанность человека к своему телу, «Дхаммапада» акцентирует внимание на неизбежности постепенного разложения и смерти бренного тела, на его подверженности болезням, на его наполненности изъянами и на лишённости постоянства [3, с. 48]. Ведь только когда человеческий разум «на пути к развеществлению достиг уничтожения желаний» [3, с. 49], связанных с телом, неизбежно исчезнет страх превращения тела в ничто, перехода бытия тела в небытие, потому что из желания и из привязанности «рождается страх; у того, кто освободился от желания.. от привязанности... нет печали, откуда страх?» [3, с. 58].

Но как стремиться к избавлению от страха перед переходом тела в небытие, если этот переход предполагает освобождение от желаний и привязанностей живущего тела? На наш взгляд, «Дхаммапада» в качестве ответа на этот вопрос предлагает стратегию постепенного освобождения целеустремленности человека от изначально присущего ей эмоционального компонента. Так, «полностью просветлённый ученик радуется только уничтожению желаний» [3, с. 54] как средству по достижению нирваны, однако нирваны могут достичь лишь люди «вдумчивые, упорные, всегда стойкие и мудрые» [3, с. 28], однажды сильно пожелавшие достижения нирваны. Т. е. надо научиться не желать и не привязываться, чтобы перестать бояться наступления небытия для тела. Научиться этому можно потому, что, по буддийском трактату «Абхидхармакоша», компоненты знания об истинном пути к нирване не подвержены «притоку аффективности», мало того, постижение этого знания само содействует уничтожению аффективности [1, с. 180–181].

Таким образом, «Дхаммапада» учит, что страх человека перед наступлением полного небытия безоснователен, потому что после телесной смерти продолжается бытие, пусть и бытие в преисподней напоминает

небытие, что череда телесных смертей пугает, но она устранима при достижении нирваны. Поэтому необходимым условием для достижения нирваны является стремление освободиться от любой аффективности, в том числе от страха перед перспективой наступления телесного небытия. Но что же делать человеку, страшась небытия, который чужд религиозности и потому не верит ни в переселения нематериальной части человека после его телесной смерти, ни в нирвану? Ответ на этот вопрос нам предлагает современный американский психотерапевт Ирвин Ялом в своём произведении «Вглядываясь в Солнце. Жизнь без страха смерти».

Ялом исходит из того, что буддийские и иные религиозные убеждения не достойны доверия, потому что каждое из них выглядит «попыткой “обойти” тему смерти: смерть отрицается, она не окончательна, смерть “обессмерчивается”» [6, с. 229]. Чуждо Ялому и буддийское неприятие эмоциональной составляющей поисков решения проблемы страха небытия: он стремится «побороть страх смерти» [6, с. 217] и считает своим достижением, что благодаря размышлениям о смерти «стал острее воспринимать жизнь», «полнее проживать каждое мгновение... и быть благодарным уже за то, что я живу» [6, с. 256].

Размышляя о страхе перед небытием, Ялом отмечает разницу между людьми, которые «смешивают страх смерти с ужасом перед... исчезновением», которые страшатся «исчезнуть навсегда», людьми, которым «невыносима мысль о небытии» и потому они «мучительно размышляют, где окажутся после смерти», и людьми, которые более всего страдают от мысли, что ни их мир, ни их воспоминания не будут существовать нигде [6, с. 27–28]. Ялом старается найти аргументы, способные помочь преодолеть страх перед небытием каждой из этих четырёх категорий людей.

Человеку, который страшится наступления небытия для тела, Ялом предлагает утешиться, осознав, что «хотя физическая смерть нас уничтожает, идея смерти дарует нам спасение» от неподлинного существования, побуждая человека «построить истинную жизнь, наполненную смыслом, деятельностью... ведущую к самореализации» [6, с. 52–53].

Человек, испытывающий страдания от перспективы наступления вечного небытия, по мнению Ялома, утешится, размышляя над афоризмами Фридриха Ницше «Проживи жизнь до конца» и «Умри вовремя!». По мнению Ялома, они учат, что «чем менее эффективно прожита жизнь, тем болезненнее страх смерти» [6, с. 71], и тем самым вселяют в человека уверенность в его способности самостоятельно и существенно ослабить этот свой страх. А осознанию степени эффективности проживания жизни, по Ялому, содействует обращение в ницшевской идее вечного повторения одной и той жизни... Это разновидность лёгкой... шоковой терапии... Таким образом, Ницше уводит нас от беспокойства по пустякам к истинной цели: жить в полную силу [6, с. 127–128].

В противовес страху перед неизвестностью после наступления небытия тела Ялом предлагает принять два аргумента Эпикура. Первый из

них заключается в том, что «душа – смертна и... поскольку душа смертна... смерть... есть ничто. То, что рассеялось, не может ощущаться, всё, что не ощущается, не имеет значения». Второй из них «гласит, что состояние небытия, в которое мы попадаем после смерти, – это то же самое состояние, в котором мы пребывали до рождения» [6, с. 105–107].

Победить страх перед наступлением небытия для жизненного мира человека в целом и его воспоминаний в частности Ялом надеется при помощи идеи «волнового эффекта». Этот эффект заключается в том, что «каждый человек, не зная и не думая об этом, распространяет вокруг себя концентрические круги влияния, которые могут затрагивать других людей на протяжении многих лет», и так все «мы можем, пусть и без нашего ведома, оставить где-то частичку самих себя» [6, с. 109].

Что объединяет эти два разных похода к пониманию оптимальной стратегии по смягчению страха небытия? Как видится, это призыв к воспитанию в себе бесстрастного отношения к перспективе собственного небытия. Только если для «Дхаммапады» методом этого воспитания является отказ от желаний и привязанностей, то для Ялома – следование эпикурейским аргументам, убеждающим в бессмысленности страха небытия. А что в равной степени может помочь как буддисту, так и эпикурейцу воспитать в себе подобное бесстрашие? Полагаю, это должно быть отвлеченным рассуждением о качестве своего уже прошедшего бытия в противовес аффективно окрашенным размышлениям о собственном грядущем переходе бытия в небытие. Таким размышлением, как видится, является предложение Ницше оценить свою уже прожитую жизнь по критерию вечного возвращения того же самого, потому что при любом выводе будет получено логически выверенное и конструктивное решение, соотнесенное как с реальным, прошлым или нынешним, бытием, так и с грядущим небытием. А именно: согласиться на такое вечное возвращение и тем самым настолько одобрить свою прошедшую жизнь, что даже быть согласным на переход из бытия в небытие [4, с. 225], или отвергнуть его вследствие осознания того, что в прошедшей жизни так не устраивает, что побуждает страшиться наступления небытия как прекращения всех возможностей. Недаром ещё Эпикур заметил, что «забота о прекрасной жизни есть забота о прекрасной смерти» [5, с. 769]. Полагаем, что обращение к идее Ницше о вечном возвращении того же самого, изложенной в его книге «Так говорил Заратустра», позволяет увидеть скрытую общность стратегий по ослаблению страха небытия, изложенных в трактате «Дхаммапада» и в книге Ялома «Вглядываясь в Солнце. Жизнь без страха смерти».

Список литературы

1. «Абхидхармакоша» Васубандху // Степанянц М.Т. Восточная философия: учебн. для вузов. М.: Академический проект, 2011. С. 179–188.
2. Вопросы Милинды // Степанянц М.Т. Восточная философия: учебн. для вузов. М.: Академический проект, 2011. С. 189–198.

3. Дхаммапада // Четыре благородных истины. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2001. С. 23–90.
4. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Собр. соч.: в 13 т. М.: Культурная революция, 2007. Т. 4. 432 с.
5. Эпикур. Письма и фрагменты // Мыслители Греции. От мифа к логике: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 737–795.
6. Ялом И. Вглядываясь в Солнце. Жизнь без страха смерти // Вглядываясь в Солнце. Жизнь без страха смерти. М.: ЭКСМО-Пресс, 2021. С. 7–336.
7. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 1999. 576 с.

THE PROBLEM OF FEAR OF NOTHINGNESS, BUDDHISM AND IRWIN YALOM 'S WORLDVIEW

V.V. Bulanov, E.G. Ganutina

Tver State Medical University, Tver

The authors of the article proceed from the fact that the fear of nothingness is one of the main human fears. They compare strategies to reduce the fear of nothingness proposed by buddhism and I. Yalom. They come to the conclusion that both of these strategies are united by a call to cultivate their dispassionate attitude to nothingness.

Key words: *fear, nothingness, fear of nothingness, buddhism.*

Об авторах:

БУЛАНОВ Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества, ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. E-mail: althotas3111978@mail.ru

ГАНУТИНА Евгения Геннадьевна – ассистент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества, ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. E-mail: eganutina1977@mail.ru

Authors information:

BULANOV Vladimir Vladimirovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of Department Philosophy and Psychology with courses of Bioethics and History of Russia, Tver State Medical University, Tver. E-mail: althotas3111978@mail.ru

GANUTINA Evgenija Gennadjevna – assistant of Department Philosophy and Psychology with courses of Bioethics and History of Russia, Tver State Medical University, Tver. E-mail: eganutina1977@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.05.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2023.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ТвГУ. СЕРИЯ ФИЛОСОФИЯ»

Все рукописи печатаются бесплатно.

Все рукописи проходят проверку системой «Антиплагиат».

В редакционный совет журнала «Вестник Тверского государственного университета. Серия Философия» необходимо представить:

- файлы:
 - рукопись статьи;
 - сведения об авторе(ах);
 - скан заполненного лицензионного договора.
- документы на листах формата А4 (1 экз.):
 - рукопись статьи;
 - сведения об авторе(ах);
 - заполненный лицензионный договор о предоставлении права использования произведения.

В связи с переходом журнала на электронную форму подачи, рецензирования и обработки статей рукописи подаются в электронном виде в формате MS Word через систему Open Journal System (OJS) на сайте <https://journal.tversu.ru/index.php/philosophy/login>.

Сведения об авторе(ах) должны содержать:

1. Фамилию, имя, отчество (полностью, при наличии) автора.
2. Полное и сокращенное официальное наименование основного места работы (или учёбы) с указанием структурного подразделения.
3. Должность (образовательный статус – напр. «аспирант»).
4. Ученую степень, ученое звание (при наличии).
5. Адрес личной электронной почты и телефон (для связи и переписки).
6. SPIN-код – персональный идентификационный код автора в SCIENCE INDEX (РИНЦ).
7. Профиль автора в ORCID.

Автор может факультативно указать о себе иные дополнительные сведения. Следует указать, с каким автором (если их несколько) следует вести переписку. Все сведения печатаются в строку (без пунктов) на русском и английском языках.

Правила оформления текста статьи

Статья должна быть тщательно отредактирована, отвечать требованиям научной публикации:

1. представляемая статья должна быть оригинальной и актуальной, иметь элементы научной новизны;
2. материалы должны соответствовать профилю журнала;
3. название рукописи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать её содержанию;
4. во введении к статье должны быть отражены актуальность темы, современное состояние исследований в рассматриваемой области, приведены необходимые ссылки на литературу;
5. выбранные методы должны быть адекватны поставленным задачам;

6. результаты исследования (выводы) должны быть обоснованы и корректны, их изложение должно быть ясным и четким;
7. за ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несёт автор(ры) статьи. Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.
8. Оформление рукописи должно соответствовать следующим правилам:
 - текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 97 (название файла со статьёй даётся по фамилии первого автора (например, Petrov_text.docx, Petrov_text.rtf);
 - язык публикаций – русский. Перевод аннотации и ключевых слов должен быть сделан с учетом используемых в англоязычной литературе специальных терминов и правил транслитерации на английский язык. Возможен прием статей на английском языке с дублированием аннотации и ключевых слов на русском языке.
 - формат бумаги А4;
 - параметры страницы: поля – верхнее 3 см, левое и нижнее 2.5 см, правое 2 см, верхний колонтитул 2 см, нижний колонтитул 2 см;
 - к публикации принимаются статьи объёмом до 0,5 п. л., аналитические обзоры до 1 п. л., статьи аспирантов объёмом до 0,5 п. л.; рецензии; сообщения (краткая информация о научной проблеме, научной жизни, заметки о достижениях отдельных учёных или юбилейных датах, некрологи) в объёме от 0,2 до 0,4 п. л.; рецензии (до 0,5 п. л.).

Общий порядок расположения частей статьи

1. УДК (выравнивание по левому краю, 10 пунктов).
2. **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ** (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов). Информация о грантовой поддержке (при ее наличии) даётся на название статьи и выносятся подстрочной ссылкой в конце первой страницы текста статьи (выравнивание по ширине, 10 пунктов).
3. **Инициалы, фамилия автора(-ов)** (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).
4. Название основного места работы (учёбы), город (выравнивание по центру, 11 пунктов).
5. Аннотация на русском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов,) – 100–250 слов.
6. *Ключевые слова на русском языке* (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую) 5–7 слов и/или словосочетаний.
7. Текст статьи (выравнивание по ширине, 12 пунктов). Текст должен быть тщательно отредактирован, все данные, цитаты и библиография выверены. Не используется более одного пробела между словами. Все лишние пробелы следует удалить из текста. Для удаления лишних пробелов используйте в Word опцию «Найти – Заменить». Подчеркивание в тексте не применяется (смешивается с гиперссылками). Вместо подчеркивания используйте выделение курсивом или жирным шрифтом.
8. Благодарности (при их наличии) (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов).
9. Список литературы (выравнивание по левому краю, 11 пунктов). биб-

лиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту, начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Номер ссылки в тексте заключается в квадратные скобки, в списке литературы – нумеруется арабскими цифрами без скобок. Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей – 25) наименований: приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются). При этом ссылки на собственные публикации не должны преобладать, желательно, чтобы их количество не превышало 25% общего числа ссылок.

10. **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ** (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов).
11. **Инициалы, фамилия автора(-ов)** на английском языке (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).
12. **Название учреждения(-ий)** на английском языке (выравнивание по центру, 11 пунктов).
13. **Аннотация** на английском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов).
14. *Ключевые слова (Keywords)* на английском языке (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую).
15. **Сведения об авторах на русском языке** (ФАМИЛИЯ Имя Отчество – ученая степень, ученое звание, должность с указанием подразделения, место работы с указанием организационно-правовой формы учреждения, адреса (юридического) и почтовый индекс, e-mail) (выравнивание по ширине, 12 пунктов).
16. **Сведения об авторах на английском языке** (ФАМИЛИЯ Имя Отчество – ученое звание, ученая степень, должность с указанием подразделения, место работы, адреса и почтового индекса, e-mail) (выравнивание по ширине, 12 пунктов).

Редакция не берет на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ реестра организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в реестр Министерства юстиции РФ.

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ из указанного реестра необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать факт включения в реестр.

Журнал «Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия» в соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Минобрнауки РФ включён в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.7. Философия.

Контактные данные редакционной коллегии

Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 204

Тел.: (4822) 63-01-51, (4822) 34-78-89 (глав. ред.)

Официальный сайт журнала – <https://journal.tversu.ru/index.php/philosophy/index>

E-mail: vestnik-tver@mail.ru, gubman@mail.ru

главный редактор – Губман Борис Львович;

ответственный секретарь – Рассадин Сергей Валентинович

Вестник Тверского государственного университета.

Серия: Философия №2 (64), 2023

Подписной индекс: **85715** (интернет-каталог «Пресса России»)

Подписано в печать 15.05.2023. Выход в свет .

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,9.

Тираж 500 экз. Заказ № 240.

Издатель/учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет».

Адрес: 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д.33

Издательство Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д.12.

Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.

Цена свободная